Астрид Линдгрен

РОНИ, дочь разбойника

Рони, дочь разбойника
Астрид Линдгрен

Аннотация
Астрид Линдгрен. Рони, дочь разбойника
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18

Аннотация

Повесть-сказка Астрид Линдгрен про девочку Рони, дочь самого могучего разбойничьего атамана всех лесов и гор, и про неведомый мир, в котором все необычно, таинственно и странно. А еще она о приключениях, дружбе и любви.

Астрид Линдгрен
Рони, дочь разбойника

ASTRID LINDGREN
Ronja Rovardotter
First published by Rabén & Sjögren Bokförlag, Stockholm
1982

Ronja Rovardotter © Text: Astrid Lindgren,1982/ Saltkråkan AB

© Лунгина Л.З., наследники, перевод на русский язык, 2014
© Петелина И.А, иллюстрации, 2014
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2014
Machaon®

* * *

1

В ту ночь, когда Рони должна была появиться на свет, грохотал гром. Да, гроза так разошлась в ту ночь над горами, что вся нечисть, обитавшая в разбойничьем лесу, забилась со страху в норки да ямки, в пещеры да щели, и только злющие друды, для которых гроза была слаще меда, с визгом и воплями носились над разбойничьим замком, стоящим на разбойничьей горе. А Ловиса готовилась родить ребенка, крики друд ей мешали, и она сказала мужу своему Маттису:

— Прогони-ка этих злющих друд, из-за них я не

слышу, что пою.

Дело в том, что, ожидая малютку, Ловиса пела. Она думала, что и ей будет легче, и у ребеночка нрав будет повеселей, если он родится под ее пение.

Маттис тут же схватил лук и пустил несколько стрел из бойницы.

— Прочь отсюда! — закричал он. — Мы ждем ребенка! Понятно вам, гнусные рожи!

— Хохо-хо! — завопили в ответ друды. — Они ждут ребенка! Этой ночью!.. Хо-хохо! Грозовой ребенок!.. Вот урод-то будет! Хо-хохо! Как гриб поганка!

Тогда Маттис снова стрельнул в самую гущу дикой стаи, но друды лишь злобно расхохотались и, улетая, с громким воем пронеслись над верхушками деревьев.

Пока Ловиса пела, рожая ребенка, а Маттис отгонял мерзких тварей от замка, его разбойники, все двенадцать, сидели в замке у огня и пили, и ели, и галдели как полоумные, не хуже этих злющих друд. А что же было им делать, ведь они ждали, когда наконец разрешится Ловиса там, наверху, в башне. Потому что за всю их разбойничью жизнь еще ни разу не рождался ребенок в разбойничьем замке. Но больше всех ждал появ-

ления младенца Лысый Пер.

— Ну когда же наконец появится этот маленький разбойник! — восклицал он. — Я уже стар и немощен, моя разбойничья жизнь подходит к концу. А как бы я хотел увидеть нашего нового атамана, перед тем как сыграю в ящик!

Не успел Лысый Пер это сказать, как распахнулись двери и в зал влетел обезумевший от радости Маттис. Он скакал, стуча каблуками по каменному полу, и орал во весь голос:

— У меня ребенок!.. Эй, слышите все, у меня родился ребенок!..

— Мальчишка или девчонка? — спросил из своего угла Лысый Пер.

— Счастье мое!.. Радость моя!.. — вопил Маттис. — Вот она!.. Дочь разбойника!

И Ловиса, переступив через высокий порог, вошла в зал с малюткой на руках. Разбойники разом замолкли.

— Эй, вы, пивом, что ли, захлебнулись? — заорал на них Маттис.

Он взял девочку из рук Ловисы и подошел с нею к каждому из двенадцати разбойников.

— Вот, любуйтесь, если хотите, самым прекрасным ребенком, который когда-либо рождался в разбойничьих замках!.. — Дочь лежала на

огромной ладони отца и глядела на него, не мигая. — Личико такое смышленое, будто она уже кое-что понимает.

— А как ее назвали? — снова спросил Лысый Пер.

— Рони, — ответила Ловиса. — Я это уже давно решила.

— А если бы родился мальчик? — полюбопытствовал он.

Ловиса смерила Лысого Пера спокойным и строгим взглядом.

— Раз я решила, что моего ребенка будут звать Рони, то у меня могла родиться только Рони.

Потом она повернулась к Маттису.

— Взять ее у тебя?

Но Маттис еще не хотел расставаться с дочкой. Он стоял и с изумлением разглядывал ясные глазки, крохотный ротик, темные волосики, беспомощные ручки Рони и обмирал от любви к ней.

— Детонька моя, — сказал он. — Отныне мое разбойничье сердце в твоих маленьких ручонках. Не знаю почему, но это так.

— А ну-ка, дай мне ее немножко подержать, — попросил Лысый Пер.

И Маттис с осторожностью положил ему на

руки Рони, словно золотое яичко.

— Вот он, новый атаман, о котором ты так долго мечтал. Только не урони ее, не то пробьет твой последний час.

Но Лысый Пер лишь улыбнулся своим беззубым ртом.

— Да она же, как перышко, — сказал он, слегка подбрасывая малютку на руках.

Маттис разозлился и выхватил у него Рони.

— А что ты ожидал увидеть, старый осел? Уж не толстого ли атамана с отвисшим брюхом и окладистой бородой? Хе-хе, так, что ли?

И тогда все разбойники смекнули, что про этого ребенка и слова дурного сказать нельзя, если не хочешь рассориться с атаманом. А с Маттисом шутки плохи. Поэтому они тут же принялись расхваливать и славить новорожденную. И за ее здоровье осушили не одну кружку пива, что Маттису явно пришлось по душе. Он подсел к столу и снова и снова показывал им свою прелестную малютку.

— Вот кто теперь лопнет от зависти, так это Борка! — воскликнул Маттис. — Ну и пусть сидит в своей вонючей пещере и с досады скрипит зубами. Да, черт побери! Там поднимется такой стон и скрежет, что всем злющим друдам и серым гномам придется затыкать уши, уж поверьте.

Лысый Пер согласно мотнул головой и сказал со смешком:

— Еще бы ему не лопнуть от зависти! Теперь род Маттиса будет жить, а роду Борки — крышка!

— Золотые слова! — подхватил Маттис. — Крышка, это как пить дать, потому что у Борки нет ребенка и не будет…

В этот миг раздался такой удар грома, какого в разбойничьих горах еще никто никогда не слышал. Все разбойники побледнели от страху, а Лысый Пер даже упал навзничь — ведь он уже не очень твердо стоял на ногах.

Рони вдруг жалобно пискнула, и от этого ее неожиданного писка сердце Маттиса сжалось куда сильнее, нежели от жуткого удара грома.

— Мое дитя плачет! — заорал он. — Что нужно делать? Что делать?

Но Ловиса не растерялась. Она спокойно взяла у него из рук ребенка и приложила к груди. Писк сразу прекратился.

— Вот это громыхнуло! — воскликнул Лысый Пер, когда пришел в себя. — Голову даю на отсечение, что где-то поблизости ударила молния.

Да, молния действительно ударила, и еще как! В этом они убедились, как только рассвело. Старый-престарый разбойничий замок, стоящий на самой вершине разбойничьей горы, раскололся пополам сверху донизу, от зубцов на башне до самых глубоких подземелий. И между этими половинами зияла пропасть.

— Как удивительно началась твоя жизнь, Рони, — сказала Ловиса, когда она, держа на руках дочку, поднялась на башню и оглядела все разру-

шения, что натворила гроза.

Однако Маттис метался в гневе, как дикий зверь. Как могло приключиться такое с древним замком его предков? Но он не умел долго злиться и всегда находил повод утешиться.

— Зато мы теперь освободились хоть отчасти от нескончаемых подземных ходов-переходов, от склепов да подвалов! Теперь уже никто не заблудится в нашем замке. Помните, как Лысый Пер потерялся там и вылез наружу только через четверо суток. А?

Но Лысый Пер не очень-то любил, когда ему напоминали об этом случае. Разве он виноват, что с ним приключилась такая беда? Ведь он просто хотел узнать, сколь велик и неприступен их замок, а узнал только то, что в подземелье легко заблудиться. Бедняга был еле жив, когда добрел наконец до большого зала. К счастью, разбойники так орали и хохотали, что их было слышно издалека, иначе ему никогда бы не выбраться на свет божий.

— Весь замок мы все равно никогда не использовали, — сказал Маттис. — Ведь зал и комнаты, где мы спим, и половина башен остались у нас.

И жизнь в разбойничьем замке потекла по-прежнему. С той лишь разницей, что там теперь был ребенок. Маленькая девочка, которая, как считала Ловиса, день ото дня все больше и больше прибирала к рукам не только самого Маттиса, но и всех его двенадцать разбойников. Конечно, в том, что они изо всех сил старались вести себя не так грубо, как прежде, не было ничего дурного,

однако во всем нужна мера. А вот то, что атаман и вся его шайка глупо хохочут, глядя, как маленький ребенок ползает по каменному полу, и ликуют, словно присутствуют при великом чуде, понять было решительно невозможно. Правда, Рони ползала необычайно шустро и как-то на свой манер, ловко отталкиваясь левой ногой, что особенно восхищало всех разбойников. Но ведь в конце концов большинство детей рано или поздно начинают ползать, считала Ловиса, и никто по этому поводу в телячий восторг не приходит, а отцы этих ползающих детей не глядят на них часами с умилением и не перестают заниматься своими мужскими делами.

— Маттис, ты дождешься, что Борка будет разбойничать в твоем лесу! — ворчала Ловиса, когда вся шайка во главе с атаманом врывалась в замок в самое разбойное время только для того, чтобы посмотреть, как Рони за обе щеки уплетает кашу и как мать укладывает ее спать в люльку.

Но Маттис пропускал ворчание жены мимо ушей.

— Детка, голубка моя! — кричал он, когда Рони, ловко отталкиваясь левой ногой, ползла ему навстречу, наискосок пересекая зал.

А потом он усаживал свою голубку на колени и

кормил ее, а все двенадцать разбойников стояли вокруг и не спускали с них глаз.

Чугунок с кашей висел над таганком, и так как у Маттиса были сильные, неуклюжие разбойничьи руки, он то и дело проливал ее на пол, да и Рони отпихивала ложку, отчего даже брови у Маттиса были в каше. Когда она проделала это в первый раз, разбойники захохотали так громко, что Рони испугалась и заплакала. Но скоро она догадалась, что стоит ей ударить по ложке, как все смеются, и так и норовила всех рассмешить, что, впрочем, доставляло больше удовольствия разбойникам, чем ее отцу. А вот ему это почему-то не нравилось, хотя все, что бы ни делала Рони, он считал бесподобным, а ее — самым изумительным существом в мире.

Даже Ловиса смеялась, когда Маттис с заляпанными кашей бородой и бровями кормил свою

любимицу.

— О боже, кто бы мог подумать, Маттис, глядя сейчас на тебя, что ты самый могучий разбойничий атаман во всех горах и лесах на свете? Если бы Борка сейчас увидел тебя, он бы умер от смеха.

— Ну да, посмеялся бы он у меня! — воскликнул Маттис.

Борка был его заклятый враг, точно так же, как отец и дед Борки были заклятыми врагами отца и деда Маттиса. Люди помнят, что испокон веку обе шайки смертельно враждовали друг с другом. Да-да, с незапамятных времен они занимались разбоем и вызывали страх у всех купцов, которые на телегах везли товары через дремучие леса, где жили разбойники.

Господи, спаси и помилуй тех, чей путь лежит по дикому ущелью, обычно говаривали люди, вспоминая горную дорогу, которая шла разбойничьим лесом. Вдоль нее и устраивали засады разбойники, подкарауливая свои жертвы. Проезжим купцам в конце концов все равно, чьи шайки их грабят, но вот Маттису и Борке было совсем не все равно, кому из них достанется добыча. Обе шайки жестоко за нее дрались, а когда купцы почему-либо не проезжали по дикому ущелью,

разбойники начинали грабить друг друга.

Всего этого Рони, конечно, не знала, потому что была еще маленькая. Она и понятия не имела, что ее отец — грозный разбойничий атаман. Для нее он был добродушный бородатый Маттис, который громко хохочет, поет или весело орет во всю глотку да кормит ее кашей, и она его любила.

Рони росла не по дням, а по часам и мало-помалу стала глядеть на мир вокруг себя. Долгое время она думала, что огромный зал с каменными стенами и есть весь мир. И там она чувствовала себя превосходно, особенно когда, забравшись под большой стол, играла шишками и камушками, которые приносил ей Маттис.

Зал этот и в самом деле был подходящим местом для детских игр. Там всегда находилось чем позабавиться, и научилась она там тоже многому. Рони нравилось, когда по вечерам разбойники пели, расположившись у огня. Тихо, как мышка, сидела она под столом, слушала и постепенно запомнила все разбойничьи песни. И тогда стала подпевать звонким, будто колокольчик, голосом, и Маттис не уставал восторгаться своей замечательной дочкой, которая так хорошо поет.

И танцевать Рони тоже сама научилась. Когда разбойники приходили с добычей, они на радо-

стях принимались плясать и скакать по залу, как дикие козлы, и Рони вскоре стала им подражать. Она тоже отплясывала, как они, яростно била чечетку и, к великой радости отца, прыгала совсем по-разбойничьи. Когда же после таких бешеных плясок разбойники без сил плюхались на скамьи вокруг большого стола, чтобы освежиться пивком, Маттис начинал хвастаться своей дочкой:

— Знаете, она хороша, как маленькая друда, точно?.. Такая же ладная, кареглазая и черноволосая! Никто из вас никогда не видел такой прекрасной девочки, точно?

И разбойники дружно кивали головами и хором отвечали:

— Точно!

А Рони молча сидела под столом, играла камушками и шишками, а когда глядела на ноги разбойников, обутые в огромные сапоги, сшитые из козлиных шкур мехом наружу, то принималась играть и с ними, думая, что они бодучие козы. Она видела коз в загоне — Ловиса всегда брала ее с собой, когда ходила доить.

Вот, пожалуй, и все, что Рони успела узнать за свою короткую жизнь. О том, что находилось за пределами замка Маттиса, она не имела ни малейшего представления. И вот в один прекрасный день Маттис понял, хотя ему это и было ох как не по душе, что пришло время выпустить птичку на волю.

— Ловиса, — сказал он тогда жене, — наша дочка должна научиться бродить по моему разбойничьему лесу. Пусть пойдет погулять.

— Слава богу, наконец и ты это понял, — сказала Ловиса. — По мне, так она уже давным-давно гуляла бы по лесу.

Так Рони было разрешено ходить, куда ей вздумается. Но перед этим Маттис предупредил ее о тех опасностях, которые ей угрожали.

— Значит, так: остерегайся злобных друд, и серых гномов, и разбойников Борки.

— А как я узнаю, что это злобная друда, или серый гном, или разбойник Борки?

— Сама разберешься, — ответил Маттис.

— Ясно, — сказала Рони.

— А еще смотри не заблудись, — продолжал Маттис.

— А что мне делать, если я заблужусь?

— Найди нужную тропинку.

— Ясно, — сказала Рони.

— И еще смотри не упади в реку.

— А что мне делать, если я упаду в реку?

— Выплыви.

— Ясно.

— А еще смотри не загреми в пропасть. — Маттис вспомнил о той бездонной пропасти, которая возникла в ту ночь, когда молния ударила в разбойничий замок.

— А что мне делать, если я все-таки в нее загремлю?

— Тогда ты уже ничего не сможешь сделать, — произнес Маттис и вдруг так горько застонал, словно вся печаль мира собралась в его груди.

— Ясно, — сказала Рони, когда Маттис перестал стонать. — В таком случае я постараюсь не упасть в пропасть. Еще есть какие-нибудь другие опасности?

— Конечно, полным-полно, но их ты сама увидишь. А теперь иди!..

2

И Рони пошла. Очень скоро она поняла, какой была глупой, когда думала, что их большой зал с каменным полом и есть весь мир. Даже неприступный разбойничий замок со всеми его башнями и подземельями тоже не весь мир. И высокая разбойничья гора еще не весь мир. Нет, весь мир куда-куда больше. Он такой огромный, что просто дух захватывает.

Конечно, Рони не раз слышала, как Маттис и Ловиса говорили о том, что находится за стенами замка. Например, о реке. Но только когда Рони сама увидела, как с диким грохотом, бурля и вспениваясь, в глубоком ущелье у подножия разбойничьей горы проносится водный поток, она поняла, что такое река. И о лесе они тоже говорили. Но только когда Рони сама увидела лес, темный и таинственный, с шумящей листвой, она поняла, что это такое, и тихо засмеялась оттого, что на свете есть река и лес. Просто невероятно, что на самом деле есть эти огромные деревья, и эта бурная река, и вокруг бушует такая разнообразная жизнь! Ну скажите, как тут не

засмеяться?

Рони пошла по тропинке прямо в лесную чащу и в конце концов оказалась на берегу лесного озера. Дальше идти ей нельзя, так сказал Маттис. Черное зеркало озера было окружено темными соснами, и лишь водяные лилии покачивались на воде, словно белые огоньки. Рони, конечно, не знала, что это белые лилии, но она долго глядела на них и тихо смеялась оттого, что они есть.

Весь день провела она у озера и радовалась всему, как никогда прежде. Она долго кидала в воду сосновые шишки и захохотала от радости, когда заметила, что стоит ей хоть немного пошлепать ногами по воде, как шишки уплывали. Так весело ей никогда не было. И ее ногам никогда не было так привольно.

Но еще увлекательнее оказалось карабкаться на валуны. Вокруг озера возвышались поросшие мхом огромные камни, прямо созданные для того, чтобы на них взбираться, и росли сосны и кедры, на ветках которых можно было отлично раскачиваться. Вот Рони и раскачивалась, и прыгала вниз, и снова взбиралась на валуны, пока солнце не зашло за верхушки деревьев.

Тогда она вынула из кожаного мешочка, который захватила с собой, хлеб и молоко и с аппетитом поела. Потом прилегла на мох, чтобы

немного передохнуть, а над нею высоко-высоко шумели деревья. Она глядела вверх и смеялась тому, что они есть. А потом уснула.

Рони проснулась, когда уже стемнело и над верхушками деревьев сверкали звезды. И тогда она поняла, что мир еще больше, чем она думала. Но ее опечалило, что сколько ни тяни к звездам руки, до них все равно не дотянуться…

Она пробыла в лесу намного дольше, чем ей разрешили, надо было поскорее возвращаться домой, не то отец просто с ума сойдет от волнения. Это она хорошо понимала.

Кругом была тьма-тьмущая, только звезды отражались в воде. Но Рони темноты не боялась, она к ней привыкла: в их разбойничьем замке долгими зимними ночами, когда гасили огонь, становилось так темно, что хоть глаз выколи, куда темнее, чем ночью в лесу. Нет, темноты она не боялась.

Рони уже собралась в обратный путь, но вдруг вспомнила, что оставила свой кожаный мешочек на том самом валуне, где ела, и тут же взобралась на него. Там, наверху, ей показалось, что теперь она намного ближе к звездам. Рони снова протянула руки к небу, чтобы достать хоть несколько самых маленьких звездочек и принести их до-

мой, но, увы, это ей никак не удавалось. Тогда она решила, что все-таки пора спускаться вниз.

Но вдруг она увидела, что между стволами деревьев светятся чьи-то глаза, и ей стало очень страшно, она не на шутку испугалась. Да-да, она и не заметила, что вокруг валуна сверкали глаза — они следили за ней. Она оказалась в их светящемся кольце. Никогда прежде она не видела глаз, которые светятся в темноте, и они ей совсем не понравились.

— Эй, вы! — крикнула она. — Что вам надо?

Но ответа не получила. Зато глаза стали приближаться. Медленно, понемножку огоньки глаз придвигались к ней, и до нее донесся сперва невнятный, глухой гул голосов, странных, старческих, сиплых, а потом она разобрала и слова:

— Слушайте, серые гномы, слушайте все, серые гномы, здесь человек, в нашем лесу человек. Поймайте его, кусайте его, щипайте его и бейте его… Все, как один, серые гномы, ловите, кусайте, щипайте и бейте… Стук-стук-стук!..

Они уже вплотную обступили валун, странные серые существа, которые явно желали ей зла. Рони не могла их как следует разглядеть, но с отвращением ощущала, что они совсем рядом. Да, вот она и узнала, как опасны серые гномы,

недаром Маттис предупреждал ее, что их надо остерегаться. Но теперь было уже поздно.

Они дружно принялись бить по валуну то ли палками, то ли дубинками — кто разберет, что у них там было в ручках. Стук, треск, грохот наполнили лес, и Рони закричала. Она испугалась не на шутку — а вдруг они ее убьют!

Гномы перестали бить по камню, но в наступившей тишине она услышала еще более страшный звук — какое-то шуршание. Это гномы карабкались на валун. Они подбирались к ней со всех сторон. Их ногти царапали и скребли камень. И снова раздался хор их скрипучих голосов:

— Все серые гномы, все, как один, кусайте, щипайте и бейте — стук-стук-стук!..

Тогда Рони в ужасе закричала еще громче и стала отчаянно размахивать кожаным мешочком. Вот-вот они на нее набросятся и закусают, защипают до смерти, да, это ясно. И первый ее день в лесу станет и последним.

Но в этот миг она услышала грозный клич — так грозно мог кричать только Маттис. Ну конечно же это был он, ее отец со своими двенадцатью разбойниками. Огонь их факелов мелькал между деревьями, а брань Маттиса оглашала лес:

— Убирайтесь прочь, серые гномы! Прова-

ливайтесь в тартарары, не то мы вытащим топоры!..

Рони услышала, как маленькие тельца шмякаются на землю. В ярком свете факелов она их теперь разглядела — мерзкие серые твари улепетывали со всех ног и исчезали в темноте.

Она села на свой кожаный мешочек, как на санки, и соскользнула вниз по валуну, а тут как раз подоспел Маттис, поднял ее с земли и крепко обнял. И пока он нес ее домой, она плакала, уткнувшись ему в бороду.

— Ну, теперь ты узнала серых гномов? — спросил Маттис, когда они уже сидели у очага и Рони отогревала озябшие ноги.

— Ага, теперь я узнала серых гномов.

— Но ты еще не знаешь, как их одолеть. Они издали чуют, что их боятся, и тут же становятся опасными.

— Да-да, — подтвердила Ловиса. — И так ведут себя не только серые гномы. Поэтому в лесу безопасности ради надо ничего не бояться.

— Хорошо, — сказала Рони, — я это запомню.

Маттис только вздохнул и прижал ее к своей груди.

— Ну а ты помнишь, чего еще тебе надо остерегаться? — спросил он.

Да-да, все это она, конечно, хорошо помнила. И последующие дни только и делала, что остерегалась всех опасностей, и потому заставляла себя не бояться того, что страшно. Так как Маттис ее предупредил, чтобы она остерегалась упасть в реку, она отважно скакала по скользким камням именно там, где бешенней всего бурлила вода. Не могла же она, в конце концов, гуляя по лесу, остерегаться упасть в реку. Уж если надо остерегаться реки, то только там, где кипят стремнины и закручиваются водовороты.

Но попасть к этим самым стремнинам можно было, лишь спустившись по отвесной скале, на которой стоял замок. Таким образом, Рони заодно училась не бояться и отвесных скал. В первый раз она едва спустилась, было очень трудно, и ее охватил такой страх, что она зажмурилась. Но постепенно Рони делалась все смелей, и вскоре она уже знала все выступы и трещины скалы, все неровности, которые можно было нащупать большими пальцами, чтобы не загреметь вниз.

«Как мне повезло, — думала она, — что я нашла такое отличное место, где можно и остерегаться упасть в реку, и учиться вообще ничего не бояться!»

Так Рони проводила дни. Она остерегалась

опасностей и упражнялась в храбрости куда прилежнее, чем это могли предположить Маттис и Ловиса, и скоро она стала ловкой, сильной и бесстрашной, как дикий зверек. Ее уже не пугали ни серые гномы, ни злобные друды, и упасть в реку или заблудиться в лесу она тоже не боялась. Вот только бездонной пропасти, ну, той, которая образовалась от удара молнии, она еще не начала остерегаться, но и это она не собиралась откладывать в долгий ящик.

Разбойничий замок она облазила вдоль и поперек, от подземелий до зубцов на крыше. Она играла во всех пустынных залах, где, кроме нее, никто никогда не бывал, и не боялась запутаться в лабиринте подземных ходов с темными пещерами и каменными мешками. Она теперь знала все тайные переходы в замке и все тайные тропинки в лесу как свои пять пальцев и никогда не сбивалась с дороги. Но все-таки лес она больше любила, чем замок, и проводила там целые дни.

Когда же наступал вечер, и тьма окутывала разбойничью гору, и в большом зале пылал огонь в очаге, Рони возвращалась домой, едва держась на ногах от усталости, — так усердно она весь день остерегалась того, чего надо было остерегаться, и училась ничего не бояться. В это же самое время

обычно возвращался домой из разбойничьих походов и Маттис со своими двенадцатью разбойниками. И Рони сидела с ними у огня и пела вместе с ними разбойничьи песни, но об их разбойничьей жизни она не имела ни малейшего представления.

Она, конечно, видела, что, когда они по вечерам возвращались в замок, их кони были нагружены тюками, кожаными торбами и ящиками, но ей никто не говорил, где они брали эту поклажу, а ей и в голову не приходило их об этом расспрашивать, как она не спрашивала, к примеру, почему идет дождь. Ведь в мире так много необъяснимого! Это она уже давно заметила.

Она не раз слышала разговоры о разбойниках Борки и давно поняла, что ей надо их опасаться. Но до сих пор ни с одним из этих разбойников ей встретиться не довелось.

— Если бы Борка не был таким презренным псом, — сказал как-то вечером Маттис, — я бы его даже пожалел. Солдаты травят его в лесу, как дикого зверя, не давая ему ни отдыху ни сроку. Вот увидите, скоро они выкурят Борку из его логова. Правда, дрянь он порядочная, но тем не менее…

— Все разбойники Борки такие же свиньи, как он, вся шайка их такая, один к одному, — сказал Лысый Пер, и никто с ним спорить не стал.

«Какое счастье, что наши разбойники такие хорошие!» — подумала Рони.

Она окинула их взглядом — они сидели за столом и хлебали суп здоровенными ложками.

Бородатые, грязные, одичавшие, они так и норовили тут же затеять свару. Но попробовал бы только кто-нибудь сказать при ней, что они свиньи! Ведь все они — и Лысый Пер и Тьёге, и Пельё и Фьосок, и Жутис и Жоэн, и Лаббас и Кнотас, и Турре и Тьёрм, и Стуркас и Малыш Клипп — ее друзья и готовы идти за нее в огонь и в воду.

— Как нам повезло, что у нас есть эта крепость, — сказал Маттис. — Здесь мы в полной безопасности, как лиса в норе, как орел на горе. Если эти паршивые солдаты и отважутся заглянуть сюда к нам, мы их живо отправим к черту в пекло.

— Отправим их назад, прямой дорогой в ад! — радостно подхватил Лысый Пер.

И все разбойники одобрили Лысого Пера и не смогли удержаться от смеха при одной мысли, что кто-то решится сунуть к ним нос.

Неприступной крепостью возвышался замок на горе. Только с его южной стороны сбегала по склону узенькая тропинка и исчезала в лесу, с остальных же трех сторон были отвесные скалы. «Не родился еще такой дурак, который рискнул бы карабкаться по этакой крутизне», — посмеивались разбойники. Они-то ведь и не подозревали, где Рони учится ничего не бояться.

— А если они все же отважутся подняться по тропинке, — сказал Маттис, — то выше Волчьей Пасти им не залезть. Устроим там каменный завал или что-нибудь еще похитрее придумаем.

— Или еще похитрее! — воскликнул Лысый Пер и хихикнул, предвкушая очередную выдумку своего атамана. — За свою жизнь я многим непрошеным гостям распарывал брюхо в этом ущелье, но теперь я уже слишком стар и могу прикончить разве что блоху. Хо-хо-йе-йе!..

Что Лысого Пера надо жалеть, ведь он такой старый, это Рони понимала, но вот почему солдат или любого другого надо было убивать за то, что они хотели подняться к их замку, она решительно понять не могла. Впрочем, за день девочка так устала, что думать об этом ей не хотелось. Лучше она сейчас ляжет в кровать, но глаз она ни за что не закроет до тех пор, пока Ловиса не споет Волчью песнь, которую пела каждый вечер, когда наступало время гасить огонь в камине и всем разбойникам отправляться на боковую. В большом зале спали только они трое — Рони, Маттис и Ловиса. Рони любила, пока сон ее не одолевал, глядеть в щелку задернутого полога, как догорал огонь в камине, пока Ловиса пела. С тех пор как Рони себя помнила, ее мать всегда пела Волчью

песнь перед тем, как лечь. Для Рони это означало, что пришло время сна, но, прежде чем смежить веки, она всякий раз с радостью думала: «А завтра я снова проснусь!»

И она в самом деле просыпалась и вскакивала с постели, едва только начинал брезжить рассвет. Какую бы погоду ни приносил новый день, Рони все равно бежала в лес, и Ловиса всегда клала ей в кожаный мешочек краюшку хлеба и флягу с молоком.

— По всему видно, что ты родилась в грозовую ночь, — говорила Ловиса. — В ночь, когда летали злобные друды. Дитя, родившееся в такую ночь, непременно станет сорвиголовой, это все знают. Смотри, как бы эти друды тебя не схватили.

Рони не раз видела, как над вершинами деревьев парили злобные друды, и тогда она быстро пряталась. Из всего, что ее подстерегало в лесу, наибольшую опасность представляли именно они. «Берегись друд, если хочешь остаться в живых», — не раз говорил ей Маттис. Ведь это из-за

них он так долго не выпускал Рони из замка. А глядя на этих красавиц-друд, и не подумаешь, что они такие бешеные и страшные! Они кружат над лесом и пристальным, неподвижным взглядом высматривают добычу, из которой могли бы высосать всю кровь, а потом разодрать в клочья своими острыми когтями.

Но даже злобные друды не могли прогнать Рони из леса, где она проводила все время — с утра и до самого вечера, с протоптанных ею тропинок и любимых полянок. Там она играла всегда одна, но, по правде говоря, она ни в ком и не нуждалась. Да и кто ей мог быть нужен, когда дни ее и без того были полны счастья. Вот только проносились они слишком уж быстро. Не успела Рони оглянуться, как промелькнуло лето и пришла осень.

А осенью злобные друды уж совсем не знали удержу, и однажды, прямо обезумев от ярости, они так долго гнались за Рони по лесу, что она наконец-то поняла, какая опасность ей угрожает. Конечно, бегала она как лисица и конечно же знала все укрытия в лесу, и все же друды преследовали ее по пятам, и она слышала их пронзительные вопли:

— О-го-го! Хо-хо! Какая красивенькая малютка! Сейчас мы пустим ей кровь! О-го-го-хо-хо-о!..

Рони нырнула в лесное озерцо, проплыла под водой до другого берега и ползком пробралась под зеленый шатер густой ели. Там она притаилась и слушала, как друды ищут ее и в бешенстве шипят:

— Где человечек? Где он, где он? Выходи, выходи! Мы тебя заласкаем-зацарапаем, и кровушка ручьем потечет!.. Ого-го, хо-хо!..

И Рони сидела в своем убежище до тех пор, пока злобные друды не скрылись за верхушками деревьев. Оставаться в лесу ей уже не хотелось. Но до ночи и до Волчьей песни Ловисы было еще очень долго, и тогда Рони решила заняться тем, чем она давно уже собиралась заняться, а именно: научиться остерегаться пропасти.

Она частенько слышала рассказы о том, как в ту ночь, когда она родилась, их замок раскололся надвое. Маттис не уставал повторять эту историю: «Ад и пламя! Как громыхнуло! Вот бы тебе услышать!.. Да, собственно говоря, ты и слышала, хоть и только что родилась. Трах-тарарах-тах-так, и разом два замка вместо одного, а между ними — пропасть. А ты будь поосторожней, смотри не упади туда».

Учиться остерегаться пропасти — именно этим Рони и собиралась сейчас заниматься. Лучшего

занятия и не найти, когда над лесом носятся злобные друды.

Рони уже не раз бывала во внутреннем дворе замка, расколотого надвое ударом молнии, но даже близко не подходила к разверзшейся пропасти. А теперь она, как гусеница, подползла к самому ее краю и поглядела вниз. Ух! Это оказалось еще страшнее, чем она предполагала.

Она взяла валявшийся камень и кинула его вниз. А когда услышала, как этот камень ударился о дно, ей стало страшно — это был такой глухой и далекий звук!.. Да, что и говорить, это была и в самом деле опасная пропасть. Однако щель, разделившая замок на две половины, была не очень широкой, и если как следует разбежаться, то, наверное, можно через нее перепрыгнуть. Но кто станет через нее прыгать — дураков нет! И вдруг это и есть самый верный способ остерегаться пропасти?

Рони снова посмотрела вниз: ух, ну и глубина! Потом она огляделась по сторонам, прикидывая, где ей лучше прыгнуть, и увидела… Она увидела такое, что от изумления едва удержалась на ногах. На той стороне кто-то сидел. Этот «кто-то» был примерно ее роста, он сидел на самом краю пропасти и болтал ногами.

Рони догадывалась, что она не единственный ребенок на свете. Единственной она была только в замке Маттиса да в разбойничьем лесу. Ловиса уже много раз говорила ей, что на свете полным-полно детей и что из одних, когда они вырастают, получаются Маттисы, а из других — Ловисы. И каким-то образом Рони почувствовала, что тот, кто сидел на той стороне пропасти и болтал ногами, когда подрастет, станет Маттисом.

Он ее еще не заметил. Рони долго-долго глядела на него и тихо смеялась от радости.

3

Потом и он ее увидел и тоже рассмеялся.

— А я знаю, кто ты! — крикнул он. — Ты дочь разбойника и все дни напролет бегаешь по лесу. Я тебя уже видел.

— А ты кто такой? — крикнула Рони. — И как ты здесь очутился?

— Меня зовут Бирк, я сын Борки и живу теперь тут. Сегодня ночью мы сюда переехали.

Рони с недоумением поглядела на него.

— Кто это мы?

— Борка, Ундиса, я и наши двенадцать разбойников.

Прошло некоторое время, прежде чем до Рони дошел невероятный смысл его слов. Наконец она спросила:

— Уж не хочешь ли ты сказать, что Северная башня нашего замка теперь полным-полна всякой дряни?

Он засмеялся:

— Нет, там только отважные разбойники атамана Борки, зато в Южной башне замка, где ты живешь, полным-полно всякой дряни, это всем

известно.

— Ах, это всем известно?! Ну, знаешь!.. — Рони прямо кипела от гнева.

— И учти, — крикнул Бирк, — никакой вашей Северной башни больше нет, а есть замок Борки. С сегодняшнего дня он так называется. Запомни!..

Рони с трудом перевела дух: в таком она была бешенстве. Замок Борки!.. Тут было от чего задохнуться. Ну и негодяи эти разбойники Борки, и этот щенок, который сидит там и хихикает, один из них.

— Ад и пламя! — воскликнула она. — Ну, подожди, вот услышит Маттис эту новость, и тут же вы все, вся ваша шайка полетит отсюда вверх тормашками!

— «Вверх тормашками»!.. — усмехнулся Бирк. — Жди!..

Но Рони представила себе Маттиса, и ей стало страшно. Ведь она уже видела, каким он бывает в гневе, и знала, что добром это не кончится. Их замок, наверное, еще раз расколется пополам или разлетится на куски. И она даже застонала от ужаса при этой мысли.

— Чего это ты? — спросил Бирк. — Тебе плохо?

Рони не ответила. Хватит!.. Хватит этой дурацкой болтовни, охота ей слушать все эти глупости. Пора действовать, скоро вернутся домой раз-

бойники Маттиса, и тогда — ад и пламя! — вся паршивая шайка Борки пулей вылетит из замка Маттиса.

Она встала, собираясь уйти, и тут увидела, что затеял Бирк. Представьте себе, этот щенок примерялся, ни больше ни меньше, как перепрыгнуть через пропасть. Он стоял на той стороне, как раз напротив Рони, и вдруг, сорвавшись с места, побежал к пропасти. Тогда она крикнула:

— Только прыгни, я тебя так стукну, что нос сворочу.

— Ха-ха! — заорал в ответ Бирк и птицей перелетел через пропасть. — А тебе слабо так прыгнуть!.. — добавил он, усмехнувшись.

Вот это он уже зря сказал, это уж слишком. Достаточно того, что он и его поганая шайка захватили Северную башню их замка и поселились там. Она не могла допустить, чтобы разбойник Борки сделал то, чего не посмел бы повторить разбойник Маттиса.

И Рони решилась. Сама толком не понимая, что делает, она тоже перелетела над пропастью и оказалась на той стороне.

— Ну, ты даешь! — воскликнул Бирк и прыгнул вслед за ней.

Но Рони, не дожидаясь, махнула назад, на свою

сторону. Пусть он стоит там и пялит на нее глаза сколько хочет!

— Эй, ты, что же ты меня не стукнула? — крикнул Бирк. — Иду к тебе!

— Больно надо!

Он снова сиганул на ее сторону. Но и на этот раз она не стала его дожидаться и опять прыгнула на ту сторону. Рони решила, что будет прыгать туда и назад столько, сколько придется, до последнего дыхания, лишь бы не оказаться с ним рядом.

После этого никто уже не произнес ни слова. Они словно обезумели и только молча прыгали взад и вперед, ничего не было слышно, кроме их тяжелого, прерывистого дыхания. Лишь вороны, сидевшие на зубцах башен, время от времени хрипло каркали, нарушая пугающую, глухую тишину. Казалось, что замок Маттиса, возвышающийся на горе, затаил дыхание, словно предчувствовал, что сейчас произойдет беда. «Сейчас мы оба свалимся в эту пропасть, — подумала Рони. — Зато хоть прыгать перестанем».

И снова Бирк полетел ей навстречу, и она снова изготовилась для ответного прыжка, уже неизвестно какого по счету. Рони показалось, что всю жизнь она только и делала, что прыгала через пропасть, лишь бы не встретиться с Бирком.

И вот тут она вдруг увидела, что Бирк, приземляясь, зацепился ногой о камень, и услышала, как он крикнул, прежде чем исчезнуть в трещине.

Наступила тишина, только каркали вороны. Рони зажмурилась, ей сейчас хотелось лишь одного — чтобы всего этого не было. Зачем они прыгали как полоумные? Уж лучше бы ей никогда не встречать этого Бирка.

Рони доползла до края пропасти, посмотрела вниз и увидела его. Он стоял прямо под ней, то ли на выступающем камне, то ли на обломленной балке, то ли еще на чем-то, что торчало из расколотой молнией стены, но лишь на ширину ступни, не больше. Там он стоял, а под ним была пропасть. Бирк шарил дрожащими руками по стене, надеясь нащупать неровность, за которую можно было бы уцепиться пальцами, чтобы не сорваться вниз. И он понимал, да и Рони тоже, что без ее помощи ему оттуда не выбраться. Он стоял бы там, пока силы его не иссякли, а потом, они оба это понимали, не стало бы на свете Бирка, сына Борки…

— Не шевелись! — крикнула Рони.

— А что мне еще остается? — ухмыльнулся он в ответ.

Но было ясно, что ему страшно.

Она торопливо размотала длинный плетеный ремешок, который всегда носила подвязанным к поясу. Он не раз выручал ее, когда она взбиралась на скалы или спускалась с высоких деревьев. На одном конце она сделала петлю, а другим обвязала себя вокруг пояса. Затем спустила конец с петлей Бирку и заметила, что глаза его радостно сверкнули, когда он увидел эту петлю. Да,

ремешок оказался достаточно длинным, этому борковскому щенку здорово повезло, подумала Рони и крикнула:

— Эй, ты, накинь эту петлю на себя, но не карабкайся вверх, пока я не скажу!

В ту ночь, когда Рони появилась на свет, молния отколола кусок зубчатой стены, и он, к счастью, так и лежал с тех пор у самого края пропасти. Рони заползла за него и крикнула:

— Валяй!

И тут же почувствовала, как ее бока стиснула затягивающаяся ременная петля. Было очень больно. Рони вскрикивала при каждом рывке Бирка, который карабкался вверх.

«Ремень меня, наверно, перережет пополам, и я стану, как наш замок, из двух частей», — подумала Рони и стиснула зубы, чтобы не застонать.

Но вдруг ремень разом ослаб — Бирк стоял над ней и глядел на нее.

— Здорово ты здесь улеглась, — сказал он.

— Ага, — сказала она. — Надеюсь, больше прыгать не будешь?

— Нет, один раз мне еще придется прыгнуть, чтобы попасть на ту сторону. Должен же я все-таки вернуться домой, в замок Борки.

— Только скинь-ка поскорей мой ремешок! —

приказала Рони и вскочила на ноги. — Я не хочу быть с тобой связанной, понял?

Бирк тотчас сбросил с себя ременную петлю.

— Понял, — сказал он. — Но теперь я все равно с тобою связан. Даже без ремешка.

— Уходи отсюда, слышишь! — крикнула Рони. — Придумал тоже — «замок Борки»! Двигай отсюда!..

Она сжала кулак и с размаху стукнула его по носу.

А он засмеялся и сказал:

— Но чтобы больше этого не было, поняла? Ты спасла мне жизнь. Очень мило с твоей стороны. Спасибо!

— Уходи отсюда, тебе говорю! — заорала Рони и кинулась прочь, не оглядываясь.

Но когда она добежала до каменной лестницы, которая вела от крепостной стены к входу в замок, она услышала, что Бирк прокричал ей вдогонку:

— Эй, ты, дочь разбойника!.. Мы еще встретимся!

Тогда она повернула голову и увидела, как он разбегается для своего последнего прыжка.

— Надеюсь, ты и на этот раз туда загремишь, сын Борки! — крикнула Рони.

Однако все вышло еще хуже, чем предполагала

Рони. Маттис впал в такую ярость, что даже его разбойники испугались.

Но поначалу никто ей не поверил, и Маттис, может быть впервые в жизни, на нее рассердился.

— Сочиняй себе небылицы сколько влезет, но такую чушь не смей выдумывать. Надо же, чтобы тебе это в голову влетело — разбойники Борки поселились в замке Маттиса! Вот слушаю тебя, и у меня от гнева прямо кровь закипает, хоть я и знаю, что ты все наврала.

— Нет, — сказала Рони, — я не наврала.

И она снова начала рассказывать, что она узнала от Бирка.

— Ложь! — крикнул Маттис. — К тому же у Борки нет сына. У него вообще детей нет. Это всем давно известно.

Разбойники сидели молча, никто не осмеливался нарушить молчание. Первым обрел дар речи Фьосок:

— Это, конечно, так, но все же люди болтают, что у него есть мальчишка. Его родила со страху Ундиса в ту грозовую ночь, ну, помните, когда у нас появилась Рони.

Маттис прожег его насквозь своим огненным глазом.

— И никто мне об этом ни слова не сказал? Ну,

выкладывайте начистоту, что вы еще от меня скрываете.

Он обвел всех разбойников диким взглядом, схватил со стола сразу две кружки пива и с размаху швырнул их, облив всю стену белой пеной.

— Так что же выходит, борковский щенок бродит по моему замку?! И ты, Рони, разговариваешь с ним?!

— Это он со мной разговаривал.

И снова, зарычав как дикий зверь, Маттис схватил с блюда баранью ногу и шмякнул ею об стену так, что капли жира разлетелись во все стороны.

— И ты утверждаешь, что щенок Борки хвастался, будто этот шелудивый пес, его отец, поселился со своим сбродом в Северной башне моего замка?

Хоть Рони и боялась, что от ярости у Маттиса помрачится рассудок, когда он узнает все, она решила сказать ему правду: ведь иначе не вышвырнуть Борку и его людей из Северной башни.

— Да, и теперь наша Северная башня называется замком Борки. Вот так, папочка…

Издав еще более устрашающий вопль, Маттис сорвал с крюка котел с похлебкой и, размахнувшись, метнул его в стену, да так, что окатил кипящим варевом весь пол.

До сих пор Ловиса, не проронив ни слова, слушала да глядела на все, что происходило в зале. Но тут она рассердилась. Она схватила миску с яйцами, которые утром принесла с птичьего двора, и подошла к Маттису.

— На, швыряй, не стесняйся, только имей в виду, убирать все будешь сам, собственными руками, понял?

Маттис, вопя не своим голосом, стал кидать яйца одно за другим в стену, и белок с желтком стекали на каменный пол.

А потом он заплакал.

— Я жил спокойно, как лиса в норе, как орел в гнезде! А теперь…

И Маттис кинулся на пол и стал кататься по каменным плитам и выть, как раненый зверь, и проклинать все на чем свет стоит, пока это не надоело Ловисе.

— Стоп, хватит, — сказала она. — Криком тут делу не поможешь. Вставай-ка лучше — все тебя ждут.

Голодные разбойники молча сидели вокруг стола. Ловиса подняла с полу баранью ногу и обтерла ее тряпкой:

— Не поваляешь — не поешь, вкусней будет! — сказала она примиряюще и стала резать мясо толстыми ломтями.

Маттис, злой как черт, поднялся с полу и нехотя уселся на свое обычное место, но кусок не лез ему в рот. Он подпер руками свою лохматую голову, что-то бормотал себе под нос и время от времени так громко вздыхал, что слышно было в самых дальних углах зала. Тогда Рони подошла к нему, обняла его и прижалась щекой к его щеке.

— Не вздыхай, отец, — сказала она. — Нужно только вышвырнуть их отсюда, и все.

— Легко сказать — вышвырнуть, — мрачно пробурчал Маттис.

Весь вечер разбойники сидели у очага и решали, как им быть. Как выгнать разбойников Борки из Северной башни, вот над чем ломал себе голову Маттис.

Но прежде всего он хотел понять, как эти негодяи, эти бродяги сумели пробраться в Северную башню и ни один из разбойников Маттиса этого не видел. Ведь чтобы попасть в замок — хоть пешком, хоть на лошади, — надо непременно пройти через Волчью Пасть, где день и ночь стоят караульные Маттиса. И никто из них не заметил ничего подозрительного.

Лысый Пер захихикал:

— Уж не думаешь ли ты, Маттис, что они, гуляя в горах, подошли к Волчьей Пасти и приветливо сказали: «Пропустите-ка нас, приятели, мы хотим поселиться у вас в Северной башне». Хи-хи!..

— Эй, ты, мудрец, скажи-ка лучше, какой дорогой они прошли? А?

— Ну уж конечно, не через Волчью Пасть и не через крепостные ворота, — ответил Лысый Пер. — Это ясно… Они обошли замок с севера, где

у нас не стоит охрана…

— А какого лешего там охранять? Там же нет входа в замок, одна отвесная скала. Может быть, они умеют, как мухи, ходить по стене? Так, что ли? А потом пролезли сквозь узкие бойницы? Да?

Но Маттису пришло что-то в голову, он пристально взглянул на Рони и спросил в упор:

— А что ты там делала?

— Я? Училась остерегаться пропасти, — ответила Рони.

Теперь она жалела, что ни о чем не расспросила Бирка. Тогда она, может быть, узнала бы, как разбойники Борки проникли в Северную башню. Но это было упущено.

Ночью Маттис расставил дозорных не только в ущелье, но и на стене у провала.

— От Борки всего можно ждать, — сказал он. — Он еще, чего доброго, перемахнет, как бешеный бык, через пропасть и выгонит нас из замка.

Маттис снова схватил пивную кружку и швырнул ее о стену так, что клочья пены разлетелись по всему залу.

— Ловиса, я сейчас лягу в постель. Но не спать, — сказал Маттис, — а думать. Я должен решить, как их выгнать из замка. И горе тому, кто мне помешает…

Рони тоже долго не могла уснуть. Почему ей так грустно? Почему все вдруг так изменилось в ее жизни? Почему? Этот Бирк… Как она обрадовалась, когда его увидела. Почему, когда ей наконец посчастливилось встретить ровесника, он должен был оказаться сыном Борки?

4

На другое утро Рони проснулась чуть свет. Однако отец ее уже сидел за столом и ел кашу, но каша в миске почти не убывала. Он мрачно подносил ложку ко рту, но при этом забывал, что надо раскрывать рот, и проглотить ему мало что удавалось. Он очнулся, только когда в зал ворвался Малыш Клипп, который вместе с Туркасом и Тьёге стоял в ночном дозоре у пропасти, разделявшей замок на две части.

— Эй, Маттис, скорее, Борка ждет тебя! Он стоит на той стороне и орет как полоумный. Он хочет говорить с тобой.

Выпалив все это, Малыш Клипп проворно отскочил в сторону, что, к слову сказать, было весьма предусмотрительно, потому что в следующий миг мимо его уха просвистела деревянная миска с кашей и стукнулась о стену так, что каша залепила все вокруг.

— Потом ты сам все уберешь, — строго напомнила ему Ловиса, но Маттис ее словно не слышал.

— Вот как, Борка желает говорить со мной? Ад и

пламя!.. Что ж, пусть попробует, но только после этого он вряд ли сможет с кем-либо разговаривать завтра, — сказал Маттис и так стиснул челюсти, что зубы заскрипели.

И тут все разбойники выскочили из своих каморок, чтобы посмотреть, что происходит в зале.

— Побыстрее управляйтесь с кашей! — скомандовал Маттис своим людям. — И пошли! Нам надо схватить этого дикого быка за рога и скинуть его в пропасть.

Рони вмиг оделась. Чтобы натянуть куртку из сыромятной телячьей кожи и такие же брюки, много времени не надо. До самого снега она обычно ходила босиком. Она не любила надевать сапоги или зашнуровывать башмаки. И уж тем более не стала этого делать в то утро, когда надо было спешить. Будь это обычный день, она тут же отправилась бы в лес, но день этот был необычный, и она поспешила к пролому в стене, чтобы поглядеть, что там произойдет.

Маттис так торопил своих разбойников, что они, не доев кашу, вместе с Ловисой побежали к каменной лестнице. Только Лысый Пер остался сидеть перед миской и проклинал свою немощь. Он так ослабел, что не мог идти со всеми на дело.

— Уж очень длинная лестница ведет к этой

дурацкой стене, — бормотал он, — и уж очень дрожат мои старые колени.

Утро было холодным и ясным. Первые красные лучи солнца с трудом пробивались сквозь густой лес, окружавший замок Маттиса. Рони увидела это, поднявшись на зубчатую стену. Охотней всего она пошла бы сейчас в лес, в свой тихий зеленый мир. Как ей не хотелось стоять здесь, у этого пролома, по одной стороне которого выстроились разбойники Маттиса, по другой — разбойники Борки и пялили друг на друга глаза.

«Вот, значит, как он выглядит», — подумала Рони, увидев Борку, который, широко расставив ноги и скривив в усмешке огромный рот, стоял перед своими людьми. — Хорошо, что он не такой высокий и статный, как Маттис».

Но Борка был явно очень сильный, тут ничего не скажешь. Ростом, правда, он не вышел, зато какой широкоплечий и крепкий! Его рыжие волосы торчали во все стороны. Рядом с ним стоял еще один такой же красноголовый, но у того волосы лежали ровно, и издалека казалось, что он в медном шлеме. Да, рядом с отцом стоял Бирк, и по всему было видно, что то, что здесь происходит, ему по душе. Он тайком кивнул Рони, будто они старые друзья. Ну и воображала! Чего это он вздумал, борковский щенок!..

— Хорошо, Маттис, что ты так быстро при-

шел, — сказал Борка.

Маттис мрачно поглядел на своего врага.

— Я бы еще раньше пришел, но меня задержало одно дело.

— Что же это за дело такое? — учтиво поинтересовался Борка.

— Представь себе, стих, который я сочинял поутру. Он называется «Погребальный плач по мертвому Борке». Может, это будет хоть малым утешением для Ундисы, когда она станет вдовой.

Борка полагал, что Маттис тут же вступит с ним в переговоры и не будет скандалить из-за того, что он поселился в Северной башне. Но, увы, его ждало жестокое разочарование. Впрочем, он это сразу понял и здорово обозлился.

— Ты лучше подумай о том, как тебе утешить Ловису, ведь ей, несчастной, приходится ежедневно видеть тебя и слышать твой гнусный голос!

Ундиса и Ловиса, те самые, которых они хотели утешать, стояли друг против друга, скрестив руки на груди, и глядели друг другу в глаза. Судя по их воинственному виду, ни та ни другая ни в каких утешениях не нуж дались.

— Все-таки выслушай меня, Маттис, — снова

начал Борка. — В нашем лесу мы больше оставаться не могли, потому что солдаты досаждали нам, как навозные мухи. А ведь куда-то мне надо было деться с женой, ребенком и моими разбойниками.

— Это все понять можно, — сказал Маттис. — Но захватить ни с того ни с сего чужое жилье, не спросив даже разрешения у хозяина, — так не поступают приличные люди, у которых осталась хоть капля совести.

— Весьма странные речи для разбойника! — воскликнул Борка. — Разве ты не берешь себе все, что хочешь, ни у кого не спрашивая разрешения?

— Гм-гм… — промычал Маттис.

Он явно не знал, что ответить, хотя Рони и не понимала, почему отец так растерялся. «Интересно, — подумала она, — какие такие вещи берет себе Маттис, ни у кого не спрашивая разрешения? Это обязательно надо выяснить».

— Кстати, — произнес Маттис после некоторого молчания, — любопытно все-таки узнать, как вы попали в мою башню, чтобы тем же путем вас оттуда вышвырнуть.

— Что ж, попробуй, — ответил Борка. — Ты хочешь узнать, как мы вошли туда? У нас, видишь

ли, есть один мальчишка, который с помощью длинной крепкой веревки может забираться на самую высокую стену. — И он потрепал Бирка по рыжим волосам, а тот в ответ улыбнулся. — И вот этот самый мальчишка закрепил наверху веревку, и мы все полезли по ней, а потом преспокойно вошли в башню и свили себе там уютное разбойничье гнездо.

Маттис зубами заскрипел с досады, что ему приходится все это выслушивать.

— Насколько я знаю, — сказал он, — в Северной башне даже нет двери…

— Много ты знаешь о своем замке, хоть и прожил в нем всю жизнь! Была там дверь. Когда этот замок принадлежал дворянину, то его служанки ходили через нее в хлев кормить свиней. Ты хоть помнишь, где находился старый свинарник, когда мы были детьми? Там мы с тобой еще ловили крыс до тех пор, пока не пришел твой отец и не треснул меня по затылку так, что я думал, у меня башка отвалится.

— Да, мой отец всегда правильно поступал! Ни один проходимец из шайки Борки не уходил от него, не получив по заслугам.

— Да-да, — подтвердил Борка. — И эти затрещины научили меня тому, что все негодяи из шайки

Маттиса мои враги не на жизнь, а на смерть. А до этого я даже толком не знал, что мы принадлежим к разным родам, да и ты этого не знал.

— Зато теперь я это хорошо знаю, — сказал Маттис, — и поэтому либо нам придется петь «Погребальный плач по мертвому Борке», либо ты со всем своим сбродом уберешься прочь из нашей башни тем же путем, каким в нее проник.

— Не сомневаюсь, что по кому-нибудь из нас «Погребальный плач» петь придется, — сказал Борка, — но из Северной башни я никуда не уйду.

— Это мы еще посмотрим, — сказал Маттис, и все его разбойники дружно поддакнули.

Они тут же схватились за оружие, но разбойники Борки тоже были вооружены, а такая схватка на краю пропасти ничем хорошим кончиться не могла, это понимали и Маттис, и Борка. Поэтому они до поры до времени разошлись, еще раз обругав друг друга для порядка.

Когда Маттис вернулся в свой каменный зал, вид у него был отнюдь не победоносный, так же как и у его разбойников. Лысый Пер подмигнул пришедшим и расплылся в беззубой улыбке:

— Ну, как поживает дикий бык, которого ты хотел схватить за рога и скинуть в пропасть? Как это все прошло? Наверно, раздался такой грохот, что замок затрясся в испуге?

— Глотай свою кашу, старик, если ты еще мо-

жешь ее прожевать, и помалкивай, а заботу о быке предоставь мне, — сказал Маттис. — Придет время, я с ним расправлюсь.

Но поскольку, судя по всему, время еще не пришло, Рони отправилась в лес. Дни стали короче. Через несколько часов солнце уже сядет, а ей хотелось успеть побывать и в лесу, и на озере. Водная гладь, освещенная солнцем, казалась расплавленным золотом. Но Рони знала, что никакое это не золото, а вода, и к тому же ледяная. И все же она быстро скинула с себя одежду и ласточкой нырнула в воду. Сперва она вскрикнула, словно от ожога, потом радостно рассмеялась и плавала, и ныряла до тех пор, пока совсем не окоченела. Тогда она выскочила на берег. Дрожа всем телом, она натянула на себя свою кожаную куртку, однако от этого не согрелась, и тогда она побежала. Рони носилась между деревьями и прыгала через камни, словно тролль, пока не изгнала из тела весь холод и щеки ее не запылали. Но она продолжала бежать, радуясь тому, что ей так легко. С ликующим криком промчалась она между двумя густыми елями и с ходу налетела на Бирка. И тогда гнев снова охватил ее. Даже в лесу ее не оставляют в покое!

— Поосторожней, дочь разбойника! — сказал

Бирк. — Неужели ты так спешишь?

— Это тебя не касается, — огрызнулась Рони и помчалась дальше.

Но постепенно она замедлила шаг, ей захотелось оглянуться и посмотреть, что делает Бирк в ее лесу.

А он сидел возле норы, где жила ее лисья семья. И Рони разозлилась еще больше — ведь это были ее лисицы. Она наблюдала за ними с весны, когда малыши появились на свет. Теперь лисята подросли, но все еще возились, как маленькие. Они прыгали, покусывали друг друга и катались по земле перед входом в нору, а Бирк сидел и глядел на них. И хотя он сидел к ней спиной, он каким-то таинственным образом почувствовал, что она стоит за ним, и крикнул, не оборачиваясь:

— Что тебе нужно, дочь разбойника?

— Мне нужно, — ответила Рони, — чтобы ты оставил в покое моих лисят и ушел из моего леса.

Бирк встал и подошел к ней.

— Твои лисята!.. Твой лес!.. Лисята принадлежат самим себе, и никому больше, понятно? И живут они в лисьем лесу, а вовсе не в твоем. А еще это и волчий лес, и медвежий, и лосиный, и диких коней. И филинов, и канюков, и горлиц, и ястребов,

и кукушек. И лес гусениц, пауков, муравьев…

— Я знаю все зверье, которое живет тут, в лесу, — сказала Рони. — Нечего тебе здесь болтаться и учить меня.

— Значит, ты знаешь, что лес этот принадлежит и серым гномам, и злобным друдам, и лешим, и троллям…

— Вот что: либо расскажи что-нибудь поновей,

чего я не знаю лучше, чем ты, либо прикуси свой болтливый язык...

— А еще это и мой лес!.. И твой тоже, дочь разбойника. Да, и твой тоже. Но если ты считаешь его только своим, то ты куда глупее, чем мне сперва показалось.

Он взглянул на нее, и его светлые, голубые глаза даже потемнели от неприязни к ней. Сейчас он ее ненавидел, это было ясно, и она обрадовалась этому. Пусть думает о ней что хочет, а она вернется домой, только чтобы больше не видеть его.

— Я готова делить лес с лисицами, с кукушками, с пауками, с кем угодно, но только не с тобой! — крикнула она и побежала.

И тут она заметила, что между деревьями пополз туман. Плотными серыми хлопьями поднимался он от земли и окутывал все вокруг. Вмиг исчезло солнце и погас золотой блеск воды. Не видно было ни тропинки, ни валунов. Но Рони не испугалась. Даже в самый густой туман она сумеет найти дорогу в замок Маттиса и окажется дома прежде, чем Ловиса запоет Волчью песнь. Ну а что будет с Бирком? В лесу Борки он конечно же знает все дороги и тропинки, но в лесу Маттиса он может и заблудиться. Что ж, тогда ему лучше всего остаться у лис, думала она, пока не

наступит новый день и туман не рассеется. Вдруг она услышала его голос:

— Рони!

Гляди-ка! Вспомнил, как ее зовут, а то все звал ее «дочь разбойника».

А он снова крикнул:

— Рони!

— Ну чего? — крикнула она в ответ.

Но он уже догнал ее.

— Мне почему-то страшно от этого тумана, — сказал он.

— Понятно, ты боишься, что не найдешь дорогу в свое воровское гнездо. Тогда тебе придется ночевать с лисами в их норе. Ведь ты все хочешь со всеми делить.

Бирк рассмеялся:

— Ну, ты и кремень, дочь разбойника! Тебе легче найти дорогу в замок Маттиса, чем мне. Можно, я буду держаться за край твоей куртки, пока мы не выйдем из лесу?

— Еще чего захотел! Конечно нет, — ответила Рони, но размотала кожаный ремешок, который уже однажды спас его от смерти, и протянула ему конец. — Только, чур, близко ко мне не подходи. Ясно?

— Ясно, злыдня.

И они отправились в путь. Туман обступил их со всех сторон, они шли молча, на расстоянии натянутого ремня друг от друга, как велела Рони. Главное было не потерять тропинку — один неверный шаг, и собьешься с пути, — это Рони знала, но она все равно не боялась. Руками и ногами определяла она, где тропа, — камни, стволы деревьев и кусты служили ей дорожными знаками. Шла она медленно, но все равно успеет добраться до замка прежде, чем Ловиса запоет Волчью песнь. А вообще-то чего бояться?

И все же более странного леса она никогда не видела. Казалось, вся жизнь тут замерла, как-то угасла, и Рони вдруг стало не по себе. Неужели это ее лес, который она знает как свои пять пальцев и так любит? Почему сегодня тут так тихо и так страшно? Что скрыто за всеми этими завесами тумана? Она чувствовала, что там таится что-то неведомое и опасное, но не понимала, что именно, и это пугало ее.

«Скоро я приду домой, — думала она, чтобы себя успокоить. — Скоро я лягу в постель и буду слушать, как поет Ловиса Волчью песнь». Но мысль эта почему-то не успокаивала Рони. Страх все больше охватывал ее, и в конце концов ей стало так жутко, как еще никогда в жизни. Ей хотелось

окликнуть Бирка, но она смогла издать лишь тихий, еле слышный писк, такой жалобный, что у нее даже сердце ёкнуло. «Уж не схожу ли я с ума, — подумала она, — неужели мне пришел конец?»

И тут из глухой глубины тумана раздались негромкие, нежные звуки. Постепенно они слились в песню, и песня эта была прекрасной. Никогда еще Рони не слышала ничего похожего на это пение. Волшебное пение, и лес разом наполнился чарующей мелодией! Ее страхи тут же развеялись, она успокоилась, остановилась и замерла, поддавшись очарованию минуты. Многоголосый хор, казалось, манил ее. Да, она чувствовала, что неведомые певцы зовут ее к себе, требуют, чтобы она сошла с тропинки и побежала к ним сквозь туман.

Все громче и громче становилось это странное пение, и сердце Рони трепетало так сладостно, что она просто-напросто забыла, что ее ждут дома и что Ловиса скоро запоет свою вечернюю Волчью песнь. Она забыла обо всем и желала сейчас только одного — идти к тем, кто звал ее из тумана.

— Я иду, иду!.. — крикнула Рони и сошла с тропинки.

Но не успела она сделать и несколько шагов в сторону, как Бирк резко дернул ремень, причем так сильно, что сбил ее с ног.

— Ты куда?! — заорал он не своим голосом. — Если ты пойдешь к подземной нечисти, тебе конец! Сама знаешь!

Подземная нечисть, да, она слыхала о ней. Она знала, что только в туман выползают эти твари из своих темных глубин, но никогда еще не видела ни одной из них. А теперь Рони была готова бежать по их зову куда угодно и даже навсегда остаться под землей, лишь бы всю жизнь слушать это чудное пение.

— Иду, иду! — снова крикнула она и поднялась.

Но Бирк был уже рядом и схватил ее за плечи.

— Пусти!.. — стала отбиваться Рони. — Пусти, слышишь!

Бирк крепко держал ее.

— Не дури! — говорил он. — Не губи себя!

Но она не слышала его. Пение подземной нечисти, от которой гудел лес, неудержимо, словно магнитом, притягивало ее.

— Иду, иду! — крикнула она в третий раз и стала бороться с Бирком, чтобы вырваться из его рук.

Она била его по рукам, царапалась, кричала,

плакала, умоляла отпустить ее и в конце концов укусила его в щеку, но он все равно крепко держал ее за плечи.

Долго держал. Вдруг туман стал рассеиваться так же быстро, как и опустился. И пение тут же умолкло. Рони будто очнулась от глубокого сна. Она увидела тропинку, которая вела домой, и красное солнце, заходящее за гору. И Бирка. Он стоял совсем рядом.

— Я же тебе велела держаться на расстоянии этого ремешка, — сказала Рони и, заметив кровь на его щеке, спросила: — Тебя что, лисица тяпнула, да?

Он не ответил, смотал ремешок и протянул ей.

— Спасибо. Теперь я сам найду дорогу в башню Борки.

Рони исподлобья уставилась на него. Но снова разозлиться не смогла, а почему, сама не знала.

— Ну и катись отсюда! — сказала она без злобы и убежала.

5

В этот вечер Рони сидела с отцом у горящего камина. И вдруг вспомнила, что ей хотелось расспросить его кое о чем.

— А что это за вещи, которые ты брал, ни у кого не спрашивая, как сказал Борка?

— Посмотри-ка, — сказал Маттис, указывая на раскаленные угли в очаге, — видишь рожицу? Похожа на Борку, правда? Черт бы его побрал!

Но Рони не обнаружила никакого Борки в раскаленных угольях и упорно продолжала свое:

— Так что же ты брал без спросу?

Маттис ничего не ответил, но за него это сделал Лысый Пер:

— Очень многое!.. Хо-хо!.. Хи-хи!.. Да-да!.. Очень, очень многое! Пожалуй, кое-что я смогу вспомнить…

— Помалкивай! — зло оборвал его Маттис. — Не твое дело.

Все разбойники, кроме Лысого Пера, уже отправились спать, а Ловиса вышла во двор, чтобы запереть на ночь кур, овец и коз. Поэтому только Лысый Пер услышал, как Маттис объясняет до-

чери, что значит быть разбойником. Разбойник, мол, такой человек, который берет себе что хочет, ни у кого ничего не спрашивая.

Вообще-то Маттис не стыдился своей работы, напротив! Он гордился и хвастался тем, что он самый могучий разбойничий атаман во всех лесах и горах. Но теперь, когда ему надо было рассказывать об этом Рони, ему стало как-то не по себе. Само собой, он собирался со временем рассказать ей о своих делах, тут уж никуда не денешься, но охотно отложил бы этот разговор.

— Ты такое невинное дитя, доченька моя, что пока я тебе еще толком ничего об этом не говорил.

— Толком?.. Скажи лучше, и словом не обмолвился, — снова встрял Лысый Пер. — И нам не велел.

— Эй, старик, не пора ли тебе баиньки? — спросил Маттис.

Но Лысый Пер не двинулся с места. Он хотел дослушать этот разговор.

А Рони мало-помалу начала понимать, в чем дело. Только теперь она сообразила, откуда у них все бралось. То, что разбойники привозили по вечерам на лошадях в замок — разные товары в мешках и свертках, — конечно же не росло на

деревьях в лесу. Оказывается, ее отец просто-напросто отнимал это у других людей.

— А разве люди не злятся, когда у них отнимают их вещи? — спросила Рони.

Тут Лысый Пер опять захихикал.

— Да еще как! — со знанием дела заверил он. — Ого-го, ты бы только послушала, что они кричат!

— Старик, а старик, было бы неплохо, если бы ты наконец угомонился, — сказал Маттис, но Лысый Пер не двинулся с места.

— Многие даже в голос ревут, — продолжал он.

Тут Маттис заорал благим матом:

— Заткнись! Не то вышвырну тебя отсюда!..

Потом он потрепал Рони по щеке.

— Ты должна понять, Рони. Так уж все устроено на свете. Так было испокон веку, и обсуждать тут нечего.

— Чего уж тут обсуждать, — поддакнул Лысый Пер. — Но только люди почему-то никак к этому не привыкнут. Они так негодуют, рыдают и проклинают нас, что любо-дорого смотреть!

Маттис упер в него злобный взгляд, потом снова обернулся к Рони.

— И отец мой был атаманом, и дед, и прадед, знай это. Да, вот так… Да и я не опозорил свой род. Я тоже атаман, и, можно сказать, самый могучий

атаман во всех лесах и горах. И ты, дочь моя, тоже станешь атаманом, когда вырастешь…

— Я?! — вскрикнула Рони. — Ни за что на свете! Я не хочу, чтобы люди негодовали и плакали.

Маттис запустил пятерню в свои густые волосы. Он был озабочен. Он хотел, чтобы Рони восхищалась им и любила его точно так же, как он восхищался ею и любил ее. А теперь она, видите ли, кричит: «Ни за что на свете!» — и не желает стать атаманом, как ее отец. Маттис почувствовал себя несчастным. Ведь должен же он как-то ее убедить, что дело, которым он занимается, хорошее и справедливое.

— Пойми, дочка, я беру только у богатых, — пояснил он. Потом подумал немного и продолжил: — И отдаю часть бедным. Да-да, именно так.

Тут снова захихикал Лысый Пер:

— Точно! Помнишь, ты подарил целый мешок муки бедной вдове с восемью детьми?

— Еще бы! Вот так я и поступаю! — Он погладил свою черную бороду, потому что был очень доволен и собой, и Лысым Пером.

А Лысый Пер все хихикал и хихикал:

— Маттис, у тебя отличная память, о, просто отличная! История с вдовой, дай-ка я прикину, была лет десять назад, да, не меньше. Что и говорить, ты частенько помогаешь бедным, примерно раз

в десять лет!

— Если ты немедленно сам не ляжешь спать, — не своим голосом завопил Маттис, — то я тебя уложу, не сомневайся!

Однако до этого дело не дошло, потому что со двора вернулась Ловиса. Лысый Пер тут же заковылял в свою каморку, и Рони тоже легла. Пока Ловиса пела Волчью песнь, погас огонь в очаге. Рони лежала в своей кровати и слушала, как пела Ловиса, и ничуть не огорчалась, что ее отец — разбойничий атаман. Он был ее Маттис, и, что бы он ни делал, она любила его.

И все же этой ночью она спала неспокойно. Ей снились подземные твари и их манящее пение, но утром она этих снов уже не помнила.

Только Бирк остался у нее в памяти. Она часто думала о нем эти дни и все гадала, как ему живется в башне Борка. И скоро ли настанет день, когда Маттис выгонит отца Бирка со всем его разбойничьим сбродом из их замка.

На этот счет Маттис строил каждый день новые планы, но потом выяснялось, что ни один из них не годится.

— Не выйдет, — твердо заявлял Лысый Пер на все, что предлагал Маттис. — Ты должен быть хитрым, как старая лиса, потому что силой тут

ничего не сделаешь.

Быть хитрым, как старая лиса, Маттису было нелегко, но он старался, как мог. А пока он строил все новые и новые планы, его шайка попусту теряла время, не занималась разбоем. У Борки и его разбойников забот тоже, видно, хватало. Во всяком случае, люди, которым в эти дни приходилось проезжать через разбойничьи леса, только изумлялись, насколько там стало спокойно. Они не понимали, почему никто на них не нападает. Куда девались все разбойники с большой дороги?

Солдатам, которые неотступно гонялись за Боркой, удалось найти его логово, но оно оказалось пустым и заброшенным. Борки там и след простыл. Солдаты радовались, что им больше не надо скакать по лесу, где в эти осенние дни было особенно неуютно — и темно, и холодно, и сыро.

Конечно, они прекрасно знали, что глубже в лесу находится еще одно разбойничье логово — замок Маттиса, но старались об этом и не вспоминать. Потому что худшего места, как им казалось, не сыскать на всей земле, а атамана, который там жил, схватить было труднее, чем орла в его гнезде. Разумней всего было его не трогать.

Маттис тратил теперь почти все свое время на

то, чтобы выведать, как разбойники Борки живут в Северной башне, и найти способ выставить их оттуда. Поэтому он каждый день выезжал на разведку. Прихватив с собой несколько человек, он рыскал по лесу вокруг Северной башни, но почти никаких следов их пребывания не находил. Там все словно вымерло, будто и нет никаких разбойников Борки.

Однако Маттис все же узнал, что у них есть великолепная длинная-предлинная веревочная лестница, по которой они без труда могли взбираться вверх по скальной стене. Правда, он видел ее только один-единственный раз и тут же, потеряв всякое самообладание, кинулся как безумный, чтобы попасть в их гнездо, а его разбойники бросились вслед за ним, сгорая от желания вступить в открытую схватку. Но на них мгновенно обрушился шквал стрел из бойниц башни, одна из стрел угодила Малышу Клиппу в бедро, и ему пришлось даже пролежать два дня в постели.

Так Маттис убедился в том, что веревочную лестницу разбойники Борки спускали только под строгой охраной.

В осеннюю темень в замке Маттиса было невесело. Разбойники слонялись без дела, скучали,

не знали, куда себя деть. Они стали раздражительны, придирались друг к другу, ругались по пустякам, так что Ловисе даже пришлось в конце концов навести порядок.

— У меня скоро уши лопнут от вашей брани и нытья. Если вы больше не выносите друг друга, то убирайтесь ко всем чертям.

После этого они притихли, и Ловиса нашла для каждого полезное занятие. Надо было очистить от навоза овчарню и козий хлев, а также убрать курятник, но к такой работе ни у кого из них не лежала душа. Однако отвертеться от Ловисы никому не удавалось, за исключением Лысого Пера и тех, кто в это время караулил у Волчьей Пасти.

Маттис тоже изо всех сил старался поддержать дух своих людей. Он делал для этого все, что мог. Однажды даже устроил охоту на лосей. Разбойники шныряли по осеннему лесу, вооружившись копьями и арбалетами, и приволокли с собой в замок четыре огромные лосиные туши. Лысый Пер засиял, как медный грош.

— Ведь кажинный день едим все одно и то же: куриный бульон, да баранье рагу, да кашу. Надоело до смерти, — сказал он. — Вот теперь хоть дичины отведаем, будет что пожевать. А самые

мягонькие кусочки кому должны доставаться? Тому, у кого нет зубов. Это и ежу понятно!

И Ловиса жарила лосятину, коптила ее, солила, чтобы вперемешку с жареными петухами и тушеной бараниной хватило бы мяса до весны.

А что до Рони, то она день-деньской бродила по лесу. Как тихо теперь там стало! Но и в осеннем лесу ей было хорошо. Она ступала босыми ногами по влажному зеленому мягкому мху — он так пронзительно пах осенью, а ветки деревьев поблескивали от влаги. То и дело принимался дождик, но она любила сидеть под густыми еловыми лапами, сжавшись в комочек, и прислушиваться к тихим ударам капель. Иногда дождь припускал так сильно, что весь лес гудел, но и это ей нравилось.

Зверей теперь почти не было видно. Ее лисы залегли в норе. Правда, иногда в сумерках вдалеке проходили лоси да между деревьями пасся табун диких коней. Рони очень хотелось приручить дикую лошадь, но ей никак не удавалось ее поймать. Лошади оказались такими пугливыми, что к ним и не подступишься. А ведь давно уже пришла пора заиметь ей собственную лошадь. Она как-то сказала об этом Маттису.

— Только когда ты станешь такой сильной, что

сама сумеешь ее поймать, — сказал отец.

«Когда-нибудь я сумею это сделать, — думала она. — Я поймаю молодого красивого жеребенка, отведу его к нам в замок и объезжу, как Маттис всех своих лошадей».

А вообще-то в осеннем лесу было на удивление пусто. Куда-то скрылись все существа, которые гомонили в нем летом. Скорей всего, они забились в свои норы и логовища. Лишь изредка с гор прилетали злобные друды, но и они притихли и все больше отсиживались в пещерах, выдолбленных в скалах. Серые гномы тоже не показывались. Лишь один-единственный раз Рони заметила, что два серых гнома уставились на нее из-за камня. Но их она больше не боялась.

— Убирайтесь отсюда куда подальше! — крикнула Рони, и серые гномы, зашипев по-змеиному, поспешили исчезнуть.

Бирка она в лесу больше не встречала. И это ее радовало. А может, и нет? Порой она сама не знала, что и подумать.

Потом наступила зима. Повалил снег, стукнули морозы, и иней превратил Ронин лес в хрустальный лес, самый великолепный, какой только можно вообразить. Теперь она ходила туда на лыжах, а когда с наступлением темноты

возвращалась домой, волосы ее белели от инея, а пальцев рук и ног она не чувствовала, хоть и надевала меховые рукавички и теплые унты. Но ни лютые морозы, ни снегопады не могли удержать ее дома. Наутро она снова убегала в лес. Маттис не на шутку тревожился, когда видел, что Рони даже в самые холодные дни мчится на лыжах к Волчьей Пасти, и всякий раз он говорил Ловисе:

— Только бы все обошлось! Только бы с ней не случилось ничего худого! Не то я жить не смогу.

— Ну чего ты ноешь, скажи на милость? — ворчала Ловиса. — Эта девочка постоит за себя лучше любого разбойника. Сто раз надо тебе твердить одно и то же!

И правда, Рони прекрасно могла постоять за себя. И все же однажды произошло нечто такое, о чем Маттису лучше было бы и не знать.

Всю ночь валил густой снег и засыпал Ронину лыжню. Ей пришлось прокладывать новую, а это, поверьте, работа не из легких. После снегопада подморозило, наст затвердел, но не настолько, чтобы выдерживать ее. Рони то и дело проваливалась и так устала, что идти дальше не было никаких сил. Теперь ей хотелось только одного — поскорее вернуться домой.

Она поднялась на невысокий холмик. Спуск с него оказался очень крутым, но ведь у нее были лыжные палки, чтобы тормозить, и она бесстрашно ринулась вниз, а снег так и разлетался по сторонам. На ее пути оказался бугорок, и она ловко перескочила через него, но при этом потеряла лыжу. Рони видела, как лыжа понеслась вниз и скрылась из глаз, а когда она оперлась ногой на наст, то провалилась в снег выше колена.

Сперва она рассмеялась, но, когда почувствовала, что не может пошевелиться, ей стало не до смеху. Сколько она ни дергала ногу, сколько ни вертела ею, освободиться ей не удавалось. Вдруг до ее слуха донесся какой-то невнятный гул, идущий, как казалось, прямо из глубины образовавшейся снежной ямки. Она не сразу поняла, что это за звуки, однако потом увидела целую толпу лохматых тюхов, которые вылезали из-под снега. Их легко было распознать по широким выпуклым задам, маленьким сморщенным мордочкам и всклокоченным волосам. Обычно лохматые тюхи бывали настроены миролюбиво и ничего злого не делали. Но те, которые стояли вокруг, уперев в нее свои тупые взгляды, были явно чем-то недовольны. Они не переставая что-то бормотали и тяжело вздыхали, а потом один из

них строго сказал:

— Почемуханцы онаханцы этоханцы сделалаханцы?

И тут же все остальные подхватили:

— Почемуханцы онаханцы этоханцы сделалаханцы? Сломалаханцы нашуханцы крышуханцы… Почемуханцы?

Рони поняла, что угодила ногой в их подснежный дом. Лохматые тюхи строили себе такие домики, если не находили подходящего дупла.

— Я не нарочно, — сказала Рони. — Лучше помогите мне вытащить ногу.

Но тюхи только тупо глядели на нее да пуще прежнего тяжко вздыхали.

— Зачемханцы пробилаханцы ногойханцы нашуханцы крышуханцы?

Тут Рони потеряла терпение:

— Да помогите же мне выбраться отсюда!..

Но тюхи то ли не слышали ее, то ли не понимали, что она говорит. Они все так же тупо глядели на нее, а потом поспешно убрались в свое подземное жилище. И до Рони долго еще доносилось оттуда их сердитое бормотание. Но вдруг звуки эти превратились в ликующие крики, словно тюхи чему-то обрадовались.

— Вотханцы хорошоханцы! — весело тарато-

рили они. — Колыбельханцы качаетсяханцы!.. Какханцы хорошоханцы!

И Рони почувствовала, что ей на ногу повесили что-то тяжелое.

— Нашаханцы малюточкаханцы хорошоханцы виситханцы! — вопили лохматые тюхи. — Люлькаханцы качаетсяханцы! Разханцы ужханцы ееханцы паршиваяханцы ногаханцы пробилаханцы нашуханцы крышуханцы, тоханцы пустьханцы качаетханцы люлькуханцы.

Но Рони вовсе не хотела лежать на снегу и качать этого глупого тюхонка. Она снова попыталась высвободить ногу, дернула ее изо всех сил, но ничего не получилось. Тюхи ликовали:

— Вотханцы теперьханцы нашегоханцы малюткуханцы покачиваютханцы какханцы надоханцы!

В лесу главное ничего не бояться, это Рони слышала с детства, и она очень старалась этому научиться. Но иногда не бояться не получалось. Вот, например, теперь не получалось, и все. Подумать только, а вдруг ей так и не удастся высвободить ногу и она останется лежать на снегу. Тогда она ночью замерзнет. Она видела, что над лесом собираются черные тучи, — значит, снова повалит снег, много снега. И он засыплет

ее. Окоченевшая, бездыханная, будет она лежать под снегом, да еще эта люлька, подвешенная к ее неподвижной ноге, словно гиря. И только по весне, когда растает снег, Маттис найдет свою бедную дочку, замерзшую в зимнем лесу.

— Нет-нет! — закричала она. — Помогите-е!.. Эй, кто-нибудь!..

Но кто мог ее услышать в пустом лесу? Никто, это она знала. И все же она кричала, кричала до тех пор, пока не пропал голос. И тогда она услышала громкие причитанья лохматых тюхов:

— Почемуханцы онаханцы неханцы поетханцы колыбельнуюханцы песнюханцы? Почемуханцы?..

Но потом Рони уже ничего не слышала. Она увидела злобную друду. Словно большая красивая хищная птица, летела она над вершинами деревьев на фоне черных туч и постепенно спускалась все ниже и ниже. Она нацеливалась прямо на Рони, и Рони зажмурилась — теперь уже не было спасенья, это она понимала.

Со свистом и хохотом опустилась злобная друда рядом с ней.

— Прелестное человеческое существо!.. Маленькое существо!.. — резким голосом прокричала она и вцепилась Рони в волосы. — Разлеглась здесь и отдыхаешь, бездельница? Ой-ой! Хи-хо-ха! — рассмеялась она снова, и смех ее был ужасен. — Работать будешь! У нас в горах! Пока

кровь не потечет из-под ногтей!.. А не то мы разорвем тебя, растерзаем в клочья!

И она вонзила Рони в плечи свои острые когти, чтобы приподнять ее. Но Рони не шелохнулась, и от этого друда пришла в ярость.

— Ты что, хочешь, чтобы я тебя разорвала, растерзала в клочья?

Она склонилась над Рони, и ее черные каменные глаза засверкали от злобы.

Она снова попыталась приподнять девочку. Но как она ни тянула, ей не удалось сдвинуть ее с места. И злобной друде пришлось отступить.

— Позову на помощь сестер, — прошипела она. — Завтра утром прилетим за тобой. И уже никогда больше ты не будешь разлеживаться и бездельничать! Никогда-никогда!

Злобная друда взмахнула крыльями, взмыла над вершинами деревьев и улетела по направлению к высоким горам.

«Завтра утром, когда они за мной прилетят, — думала Рони, — я уже превращусь в льдышку».

Внизу у лохматых тюхов воцарилась тишина. Лес замер в ожидании ночи, которая уже наступала. И Рони тоже ее ждала. Она лежала неподвижно и больше не пыталась выбраться из снега. Пусть уж поскорее придет эта последняя,

черная ночь, ночь ее смерти.

Повалил снег. Крупные хлопья падали ей на лицо, таяли, смешиваясь с ее слезами. Потому что теперь Рони плакала. Она думала о Маттисе и Ловисе. Никогда она их больше не увидит, и радость навсегда покинет разбойничий замок. Бедный Маттис, он с ума сойдет от горя! А на свете уже не будет Рони, чтобы его утешить, ведь она всегда его утешала, когда что-то его огорчало. Нет, теперь никто его не утешит, никогда!..

И вдруг Рони услышала, что кто-то произносит ее имя, ясно и четко, но она подумала, что это ей чудится. И она еще горше заплакала, ведь лишь во сне кто-то мог назвать ее по имени. А скоро ей уже ничего больше не будет сниться.

Но тут снова раздался тот же голос:

— Рони, тебе не пора домой?

Она с трудом подняла веки. Перед ней стоял Бирк.

— Там внизу я нашел твою лыжу. Вот удача, а то тебе отсюда и не выбраться.

И он воткнул ее лыжу в снег рядом с ней.

— Тебе помочь?

Тут Рони так громко и безудержно зарыдала, что ей самой стало стыдно, и она не смогла ему ответить. А когда Бирк наклонился к ней, чтобы

вытащить ее из сугроба, она обхватила его шею обеими руками и зашептала в отчаянии:

— Никогда, слышишь, никогда больше не оставляй меня одну, прошу тебя…

Бирк улыбнулся:

— Хорошо, я всегда буду ходить за тобой, но только на расстоянии ремешка! А теперь отпусти меня и не реви так, а то я не соображу, как тебя высвободить…

Он снял лыжи и лег ничком рядом с ней. Затем сунул руку чуть ли не по плечо в снег и долго шарил там, а потом произошло чудо — Рони вытащила ногу. Теперь она была свободна!

Но лохматые тюхи снова рассердились, а маленький тюхонок заорал благим матом.

— Разбудилаханцы малюткуханцы! Получиханцы пескомханцы в глазаханцы! Почемуханцы онаханцы такханцы поступаетханцы?

Рони все еще плакала, она никак не могла успокоиться. Бирк протянул ей лыжу.

— Говорят тебе, не реви, — сказал он. — А то до дому не дойдешь!

Рони глубоко вздохнула. Да, с ревом надо было кончать, это ясно. Она уже стояла на лыжах и проверяла, держут ли ее еще ноги.

— Попробую дойти, — сказала она. — Ты по-

едешь со мной?

— Поеду, — ответил Бирк.

Рони оттолкнулась и покатилась по склону, а Бирк помчался вслед за ней. И все время, пока она, с трудом передвигая лыжи, шла домой, он следовал за ней по пятам. Рони то и дело оборачивалась, проверяя, здесь ли он. Она так боялась, что он вдруг исчезнет и оставит ее одну. Но Бирк шел за ней на расстоянии ремешка до самой Волчьей Пасти. Там их пути расходились, он должен был повернуть назад, к башне Борки. Некоторое время они стояли молча, а снег все падал и падал. Рони никак не могла проститься с Бирком, расстаться с ним.

— Знаешь, Бирк, — сказала она. — Я хочу, чтобы ты был моим братом.

Бирк улыбнулся:

— Я могу стать твоим братом, если ты этого хочешь, дочь разбойника.

— Да, хочу, — сказала она. — Но только зови меня Рони.

— Рони, сестра моя, — сказал Бирк и исчез в снежной мгле…

— Как долго ты сегодня гуляла в лесу, — сказал Маттис, когда Рони сидела у огня и грелась. — Хорошо провела время?

— Неплохо, — ответила Рони и протянула к огню свои озябшие пальцы.

6

В ту ночь намело столько снега, что даже Лысый Пер за всю свою долгую жизнь такого не видывал. Лишь вчетвером разбойникам удалось чуть-чуть приоткрыть тяжелые ворота, чтобы, с трудом протиснувшись в щель, разгрести снежный завал. Лысый Пер тоже высунул нос наружу и оглядел пустынную белую пелену, покрывшую все живое. Волчья Пасть оказалась как бы замурованной. Если эти чертовы снегопады не прекратятся, предупреждал Лысый Пер, то по нашей дороге раньше весны не проедешь.

— Эй, Фьосок, — крикнул он, — говорят, разгребать снег для тебя самое большое удовольствие. Обещаю, этой зимой ты всласть повеселишься.

Предсказания старика обычно сбывались, и на этот раз он не ошибся. Много дней и ночей подряд валил снег. Разбойники, проклиная все на свете, каждое утро разгребали новые сугробы, однако нечто приятное снегопад все же принес: незачем было день и ночь стоять в дозоре у Волчьей Пасти и на стене замка, у провала.

— Хотя Борка и глупее барана, — говорил Мат-

тис, — но все же он не настолько глуп, чтобы затевать с нами схватку, когда снегу по горло.

И Маттис не был настолько глуп, поэтому все это время он почти не думал о Борке. Его сейчас тревожило совсем другое: Рони заболела, впервые в жизни. Наутро после того случая в лесу, когда она чуть не замерзла, девочка проснулась вся в жару и, к своему удивлению, почувствовала, что ей совсем не хочется вставать с постели.

— Что это с тобой? — воскликнул Маттис и опустился на колени у ее кровати. — Уж не захворала ли ты?

Он взял Ронину руку в свою и ужаснулся — такая она была горячая, да и все ее тело пылало. Его охватил страх. Он привык, что Рони всегда здоровая и веселая. А теперь его дочка, его любимица, лежала, запрокинув голову, и Маттис сразу понял, чем это кончится, что ей грозит. Конечно, он потеряет Рони, она умрет, он это чувствовал, и сердце его разрывалось.

Он не знал, куда себя деть. Он так страдал, что ему хотелось биться головой о стену и орать благим матом, но он боялся испугать бедную девочку, на это разума у него еще хватало. Поэтому он лишь положил руку на ее пышущий жаром лоб и пробормотал:

— Хорошо, что ты лежишь в тепле, детка! Когда болеешь, надо лежать в тепле…

Но Рони видела, что творится с отцом, и, хотя вся горела, попыталась его утешить:

— Успокойся, Маттис. Это все пустяки. Могло быть куда хуже.

«Да, могло быть куда хуже. Я могла пролежать всю зиму до весны под снегом», — думала Рони. Бедный Маттис! Она снова представила себе, как бы он горевал, если б она замерзла, и не смогла сдержать слез.

Маттис увидел это и решил, что Рони грустит оттого, что должна умереть такой юной.

— Детка моя, конечно, ты выздоровеешь, только не плачь, прошу тебя, — сказал он, с трудом подавляя горький вздох. — Ну, где мама? Куда она запропастилась? — крикнул он и, зарыдав, выскочил из зала.

В самом деле, почему здесь нет Ловисы с ее целебными травами? Ведь жизнь Рони висит на волоске. Он побежал в овчарню, но там ее не оказалось. Увидев Маттиса, овцы с голоду громко заблеяли, но вскоре им стало ясно, что от него ничего не дождешься. Вместо того чтобы задать им корму, он уперся лбом в поперечную балку и так горько плакал, что они разом замолкли,

видимо, из сочувствия к нему.

Маттис плакал до тех пор, пока Ловиса, накормив кур и коз, не появилась в овчарне. Тогда он крикнул:

— Жена! Почему ты не заботишься о своем больном ребенке?

— Больной ребенок? У меня? — спокойно спросила Ловиса. — А я этого и не знала. Сейчас вот подкину веток овцам и тогда…

— Я сам подкину им веток, беги к Рони! — крикнул он и добавил шепотом: — Если она еще жива.

Он принес охапку сухих осиновых веток и кинул их овцам, а когда Ловиса ушла, стал им жаловаться:

— Вот вы, овцы, не знаете, что значит иметь ребеночка. И каково на душе, когда теряешь свою любимую маленькую овечку…

И тут он умолк, сообразив, что у всех овец этой весной были ягнята. И где они сейчас?.. Превратились в жаркое!

Ловиса напоила дочку отваром из целебных трав, и уже три дня спустя Рони, на удивление и радость Маттиса, поднялась с постели. Она снова стала такой, как прежде, только, пожалуй, чуть более задумчивой. Она много думала те

трое суток, что болела. Что теперь будет? Как Бирк? Брат у нее есть, но где и когда им видеться? Только тайно!.. Никогда она не решится сказать Маттису, что разбойник из шайки Борки стал ее другом. Это все равно что ударить его кулаком по темени, но только еще хуже. Его это убило бы или он пришел бы в такую ярость, в какую еще никогда не приходил. Ну почему ее отец ни в чем не знает удержу? Радовался ли он чему-нибудь, печалился ли, или просто злился, все свои чувства он проявлял так буйно, что их хватило бы на целую шайку разбойников.

Рони никогда не обманывала отца, она только не говорила того, что могло его огорчить или взбесить. Но что поделаешь, раз у нее появился брат, должна же она с ним видеться? Даже если для этого пришлось бы пробираться к нему тайком. Да разве куда-нибудь проберешься по такому снегу? В лес идти нельзя — Волчью Пасть совсем замело, а кроме того, Рони теперь все же немного побаивалась зимнего леса. С нее достаточно того, что случилось, во всяком случае на ближайшее время.

А вьюги все выли вокруг замка. День ото дня росли сугробы, и наконец Рони поняла, что до весны ей Бирка не увидеть. Он был рядом, но так

же недосягаем для нее, как если бы жил за тысячу миль отсюда.

И все из-за снега. С каждым днем Рони злилась на снег все больше и больше, да и разбойникам он уже донельзя надоел. По утрам они спорили, кому идти разгребать дорожку к роднику, который был примерно на полпути к Волчьей Пасти. Всякий день ее приходилось пробивать заново. Добраться до родника, когда вот так свистит ветер и снег режет глаза, было очень трудно, а тем более возвращаться назад с неподъемными, полными воды бадьями — ведь вода была нужна не только людям, но и скотине.

— Вы ленивы, как волы, — понукала Ловиса разбойников. — Вам бы только драться да разбойничать!

А разбойники и вправду тосковали по весне, когда снова придет разбойничья пора. И в томительном ожидании тепла они по-прежнему разгребали снег, стругали лыжи, чистили оружие, холили коней, а по вечерам, как всегда, дулись в кости, пели, сидя у камина, свои разбойничьи песни и плясали разбойничьи пляски.

Рони играла с ними, пела и плясала и не меньше разбойников тосковала по весне и весеннему лесу. Тогда она наконец снова увидит Бирка и

спросит у него, в самом ли деле он хочет быть ей братом, как обещал тогда, в снегопад.

Но ждать, как известно, нелегко, а Рони к тому же терпеть не могла сидеть взаперти в четырех стенах. Она просто места себе не находила, и дни тянулись для нее мучительно медленно. Поэтому однажды она спустилась в подвалы замка, где уж очень давно не была — ее пугало это огромное сырое подземелье, настоящая темница, вырубленная в скале. Правда, Лысый Пер уверял, что еще задолго до того, как разбойники захватили этот замок, еще при его прежних владельцах, вельможных князьях, в подземелье уже не заточали. И все же всякий раз, когда Рони туда спускалась, ей чудилось, что в каменных мешках все еще стонут и тяжело вздыхают давно погибшие там узники, и ей становилось страшно.

Оказавшись внизу, она подняла коптящий фонарик и осветила низкие, мрачные своды, под которыми когда-то томились те несчастные, что потеряли надежду когда-либо увидеть белый свет. Она представила себе все ужасы, которые прежде творились в замке, и долго не могла сдвинуться с места. Ей стало холодно, она зябко закуталась в накидку из волчьей шкуры и двинулась дальше по подземным переходам, которые соединяли все подвальные помещения. Здесь она уже однажды была с Лысым Пером. Он привел ее сюда, чтобы показать, что сделала молния в

ночь ее рождения — она не только расколола надвое замок, разделив обе половины бездонной пропастью, но и раздробила скалу, на которой он стоял, и поэтому подземный ход в этом месте был доверху завален битым камнем.

— Стоп! Тут тебе придется остановиться, — скомандовала Рони сама себе, слово в слово повторяя фразу, которую произнес Лысый Пер, когда они подошли к этому завалу.

Потом она задумалась. Ведь по ту сторону завала подземный ход продолжался; это она знала, да и Лысый Пер говорил ей об этом. Она и в тот раз злилась, что нельзя пройти дальше, а теперь она пришла от этого в отчаяние. Ведь за этой горой битого камня, где-то там, в той части замка, находится Бирк, и, кто знает, быть может, именно сейчас он тоже бродит по подземелью.

Так думала она, не в силах отвести глаз от завала. И приняла наконец решение.

Все следующие дни Рони не появлялась в зале. Она исчезала с самого утра, и никто не знал, где она проводит время, но ни Маттиса, ни Ловису это не тревожило. Небось разгребает снег, как и все, думали они, да и вообще они привыкли к тому, что Рони делает все, что ей вздумается.

Но Рони не разгребала снег. Она растаскивала

обломки скалы и уносила их с прохода, да так усердно, что спину ломило, хоть криком кричи, а руки так просто отваливались. И когда по вечерам, уже совсем без сил, Рони валилась в постель, она твердо знала только одно: никогда в жизни она больше не возьмет в руки ни одного камня, не только большого, но даже самого маленького.

И все же, едва наступало утро, она снова бежала в подземелье. И как одержимая наполняла ведро за ведром битым камнем. Она так яростно ненавидела этот каменный завал, все это нагромождение скального боя, что от одного напряжения ее чувств камни эти уже давно должны были бы расплавиться. Но почему-то они не плавились, а лежали себе как лежали, и Рони приходилось собственноручно, ведро за ведром, перетаскивать их в ближайший чулан. И вот настал день, когда этот чулан чуть ли не доверху был заполнен камнями.

К тому времени каменная преграда, закрывавшая проход, настолько уменьшилась, что через нее, хоть и с большим трудом, но уже можно было перелезть. Если на это решиться. Надо прежде все как следует обдумать. Хватит ли у нее смелости проникнуть во владения Борки? Что ее там ожидает? Этого она не знала, но то, что путь

этот опасен, она хорошо понимала. И все же она готова была пойти по этому опасному пути. Лишь бы увидеть Бирка. Она скучала по нему. Что же произошло? Ведь поначалу она испытывала к Бирку одну лишь ненависть и поносила его, как и всех разбойников Борки, на чем свет стоит, а теперь она хотела лишь одного: перебраться через эту каменную гряду и найти Бирка.

Вдруг до нее донеслись какие-то звуки, вроде бы шум шагов. Да, там, за завалом, кто-то шел. Это мог быть только разбойник Борки. Рони задержала дыхание и, не смея пошевельнуться, притаилась, как мышка. Надо бежать, думала она, бежать, прежде чем тот, кто там ходит, ее заметит.

Но тут разбойник Борки засвистел мелодию, которую она уже однажды слышала. Да, конечно, слышала! Эту песенку насвистывал Бирк, когда вытаскивал ее ногу из логова тюхов. А может, все разбойники Борки насвистывают этот мотив?

Она чуть не умерла от волнения, но не посмела окликнуть того, кто свистел, это было слишком опасно. Как же ей узнать, кто он? И она тоже засвистела. Очень тихо и ту же мелодию. На той стороне свист прекратился. Эта тягостная тишина длилась так долго, что она уже решила бежать:

а вдруг незнакомый разбойник выползет сейчас из-за завала и схватит ее.

Но тут она услышала голос Бирка. Тихий и нерешительный, словно он сам себе не верил:

— Рони? Это ты?

— Бирк! — крикнула она, не помня себя от радости. — Бирк, Бирк!.. — И, помолчав, спросила: — А ты правда хочешь быть моим братом?

В ответ она услышала лишь его тихий смех.

— Сестра моя, — сказал он, — как я рад, что слышу тебя, но я хочу тебя и видеть. Твои глаза все такие же черные, как были?

— Лезь сюда и погляди! — крикнула ему Рони.

Больше сказать она ничего не успела, потому что у нее от страха пресеклось дыхание. Она услышала, что вдалеке со скрипом отворились и с грохотом закрылись тяжелые ворота подземелья, кто-то спускался вниз по лестнице. Да, да, кто-то шел сюда. Если она сию же минуту не придумает, что ей делать, она пропала. И Бирк тоже! Она слышала шаги. Они все приближались. Кто-то медленно шел по проходу. Она слышала эти неумолимо приближающиеся шаги и понимала, что ее ждет, но все же стояла неподвижно, словно скованная страхом овца. И только в самый последний миг она встрепенулась и торопливо шепнула Бирку:

— До завтра.

И со всех ног кинулась навстречу тому, кто шел сюда. Кто бы он ни был, он не должен был знать, что она разобрала завал. Представьте, это оказал-

ся Лысый Пер, и глаза его вспыхнули от радости, когда он ее увидел.

— Я тебя обыскался, — сказал он. — Всеми злобными друдами заклинаю тебя, скажи, что ты здесь делаешь?

Она схватила старика за руку и повернула назад.

— Нельзя же день за днем только и делать, что разгребать снег, — ответила она. — Пошли, пошли, теперь мне уже хочется поскорее выйти на воздух.

Ей и в самом деле этого хотелось! Только теперь она по-настоящему поняла, что сделала. Она проложила путь к башне Борки! И рано или поздно Маттис это узнает. Даже если он и не такой хитрый, как старая лиса, все же он сообразит, что теперь есть наконец возможность добраться до Борки и выкинуть его из Северной башни. «Он и сам мог бы это уже давным-давно сообразить», — думала Рони, но была рада-радешенька, что ему это не пришло в голову. Странно, но теперь Рони уже не хотелось, чтобы шайку Борки выгнали из их замка. Пусть они все там живут. Нельзя же, чтобы из-за Борки выгнали Бирка! Она должна сделать все, чтобы разбойники во главе с Маттисом не прошли в Северную башню через проход,

который она расчистила. Поэтому прежде всего ей надо было увести отсюда Лысого Пера, не то, чего доброго, ему придут в голову всякие ненужные мысли. Старик семенил рядом с ней, и вид у него был очень хитрый. Правда, у него всегда был такой вид, словно он наперед знал все тайны, какие только есть на свете. Но на этот раз Рони все же обвела эту старую лисицу вокруг пальца.

— Твоя правда, — подхватил он, — скучно все дни напролет разгребать снег. А вот в кости играть все дни напролет можно. Ты согласна, Рони?

— Да, в кости играть можно все дни напролет. Вот сейчас и начнем, — воскликнула Рони и потащила Лысого Пера за собой вверх по крутой лестнице.

И она играла с ним в кости до тех пор, пока Ловиса не запела Волчью песнь. Но все это время Рони думала о Бирке.

Завтра! Это было последнее слово, которое она произнесла про себя, прежде чем окончательно погрузиться в сон. Завтра!

7

И вот это завтра наступило. Она должна пойти к Бирку. Как можно скорее! Но ей пришлось подождать, пока все не разошлись. Утром у всех были дела. Однако в любую минуту в зал мог заглянуть Лысый Пер, а его вопросы были ей ни к чему.

«Позавтракать я могу с тем же успехом и в подземелье, — решила Рони. — Здесь все равно не будет покоя».

Она торопливо сунула кусок хлеба в свой кожаный мешок и налила козьего молока в деревянную флягу. Никто не видел, как она сбежала вниз по каменной лестнице. И несколько минут спустя она уже стояла у завала.

— Бирк! — крикнула она, боясь, что его там нет.

Никто ей не ответил, за завалом из камней не слышно было ни звука. Рони так огорчилась, что чуть не заплакала. А вдруг он вообще не придет! Может, забыл или, что еще хуже, передумал. Ведь что ни говори, она из шайки Маттиса, а он — сын Борки, атамана враждебной им шайки, и, все обдумав как следует, он решил не иметь с ней

больше никакого дела.

Вдруг кто-то дернул ее за волосы. Она даже вскрикнула от испуга. Что ему здесь надо, этому Лысому Перу? Почему он опять рыщет по подземелью и все ей портит?

Но это оказался не Лысый Пер, а Бирк. Он стоял рядом с ней, улыбаясь, и его зубы белели в полутьме. А кроме зубов, она ничего не могла разглядеть, так тускло светил ее фонарик.

— Я уже давно жду, — сказал Бирк.

Рони почувствовала, как радость вспыхнула в ней. Подумать только, у нее есть брат, который ее давно ждет!

— А я как долго жду! — сказала она. — С того самого дня, как ты спас меня от тюхов.

Они замолчали, не зная, что сказать друг другу, и долго стояли молча, радуясь, что они вместе.

Потом Бирк поднял свою самодельную свечку и осветил лицо Рони.

— Глаза у тебя по-прежнему черные-черные, — сказал он. — Ты такая же, как была, только чуть бледнее.

Только теперь Рони увидела, что Бирк зато совсем не такой, каким он ей запомнился. Он очень сильно исхудал, лицо у него как-то вытянулось, а глаза стали огромными.

— Что это с тобой? — воскликнула она.

— Ничего, — ответил Бирк. — Просто я мало ел, хотя мне и дают больше еды, чем всем остальным в башне Борки.

Рони не сразу поняла, что он сказал.

— У вас есть, что ли, нечего? Вы не едите досыта?

— У нас давно уже все ходят голодные. Еды почти не осталось. Если весна задержится, мы и вправду отправимся в тартарары, как ты нам не раз желала, помнишь? — спросил он и засмеялся.

— С тех пор много воды утекло, — сказала она, — тогда у меня еще не было брата. А теперь у меня есть брат.

Она развязала кожаный мешок и отдала ему весь хлеб, что принесла.

— Ешь, раз ты голодный.

Бирк издал какой-то странный звук, похожий на тихий крик, схватил хлеб обеими руками и принялся его есть так жадно, словно Рони здесь не было, словно он оказался здесь один на один с этим хлебом. И съел все до последней крошки. Тогда Рони протянула ему деревянную флягу. Он тут же приник к ней губами и выпил залпом все молоко до последней капли. Потом смущенно

посмотрел на Рони.

— Ты сама, наверно, есть хочешь?

— Я не голодаю. У нас дома полно еды, — ответила она.

И правда, кладовая Ловисы просто ломится от продуктов. Великолепный свежий хлеб, козий

сыр, масло, яйца, бочонки с солониной, копченые бараньи окорока, висящие на стропилах, лари с мукой, крупами и горохом, кринки с медом, корзинки с лесными орехами и мешки с разными кореньями и пряными травами, которые Ловиса собирала и сушила впрок, чтобы зимой класть в куриный бульон. Куриный бульон! При одной мысли о том, как он вкусен, особенно после всей этой солонины и копченого мяса, которые приходится есть зимой, Рони вдруг почувствовала, что проголодалась.

Но ведь Бирк не просто вдруг проголодался, он долгое время не ел досыта, это видно. Но она не понимала почему. И Бирк ей объяснил:

— Пойми, мы сейчас нищие разбойники. До того как мы перебрались к вам в замок, мы тоже держали овец и коз. А теперь у нас остались одни кони, да и тех мы отдали на зиму крестьянам в долине. И правильно сделали, не то мы бы их за эту зиму точно съели. Кроме муки, репы, гороха и селедки у нас вообще ничего не было. А теперь и эти запасы кончаются. Ну и зима!

Рони почему-то чувствовала себя виноватой в том, что Бирку так тяжко пришлось этой зимой, что он так изголодался и отощал. Но смеяться он все же еще мог!

— Нищие разбойники! Да, вот кто мы теперь!.. Разве незаметно, что от меня за версту разит бедностью и грязью? — спросил он с усмешкой. — У нас даже воды не хватает. Приходится растапливать снег, ведь в сильные морозы просто невозможно спуститься в лес к роднику. Ты когда-нибудь пробовала лезть вверх по веревочной лестнице с бадьей воды в руке, да еще когда метет вьюга? Вот то-то! Иначе ты бы знала, почему я не умыт! Словно какой-нибудь вонючий разбойник.

— Если хочешь знать, наши разбойники такие же немытые, как ты, — заверила его Рони, чтобы утешить.

А сама она была очень чистая, потому что каждую субботу перед сном Ловиса, усадив дочку перед очагом в лохань с горячей водой, терла ее мочалкой. А каждое воскресенье утром расчесывала ей волосы густым гребешком и Маттису тоже, хоть Маттис всеми правдами и неправдами старался от этого уклониться и жаловался, что она хочет выдрать у него все волосы. Но Ловиса умела настоять на своем. «С меня хватает двенадцати немытых разбойников, — говорила она. — А уж атамана я буду причесывать до тех пор, пока гребешок не вывалится у меня из рук».

Рони снова посмотрела на Бирка, осветив его

лицо лучом фонарика. Может, Бирка дома и не причесывали, но его гладкие рыжие волосы были подобны шлему из красной меди. Горделивая посадка головы, длинная шея, прямые плечи… «Какой у меня красивый брат», — подумала Рони.

— Будь каким угодно, пусть нищим, пусть грязным, но не голодным, — сказала она. — Я не хочу, чтобы ты голодал.

Бирк засмеялся:

— Откуда ты взяла, что я грязный? Хотя, конечно, так оно и есть. Но ты права. Уж лучше быть грязным, чем голодным. — Он стал вдруг серьезным. — Нет ничего хуже голода. Я должен был оставить хоть кусок хлеба для Ундисы.

— А я еще достану, — сказала Рони и о чем-то задумалась.

Но Бирк покачал головой:

— Нет, не надо. Я ведь не могу принести Ундисе хлеб, не объяснив ей, откуда он у меня. А Борка придет в ярость, когда узнает, что ты мне его дала да еще что я стал твоим братом!

Рони вздохнула. Она понимала, что Борка так же ненавидел разбойников Маттиса, как Маттис — разбойников Борки. Как эта вражда мешала ей и Бирку!

— Да, — печально сказала она. — Встречаться мы можем только тайно.

— Верно, но я терпеть не могу такие тайны.

— Я тоже, — прошептала Рони. — Они даже хуже, чем старая вобла и долгая зима. Я не умею ничего скрывать.

— Но ради меня будешь? — спросил Бирк. — Зато весной нам станет легче. Мы сможем видеться в лесу, а не в этом промозглом подземелье.

Они оба так озябли, что у них зуб на зуб не попадал, и в конце концов Рони сказала:

— Пожалуй, я пойду, не то совсем замерзну.

— А завтра придешь? К твоему немытому брату?

— Ага, но только с густым гребешком и с набитым мешком.

И всю зиму Рони каждое утро приходила в подземелье к Бирку и угощала его тем, что хранилось в кладовой Ловисы.

Признаться, Бирку было неловко принимать ее дары.

— Выходит, я вас обираю, — говорил он.

Но Рони только смеялась в ответ:

— Я ведь дочь разбойника, вот я и беру все без спроса!

К тому же она знала, что часть запасов, которые

Ловиса держала в кладовой, разбойники отнимали в лесу у проезжих купцов.

— Разбойники вообще берут все без спроса. Это я в конце концов усвоила, — усмехнулась Рони. — Вот и выходит, что я делаю только то, чему меня учат. Так что ешь спокойно.

Всякий раз Рони приносила Бирку еще и по кульку муки и гороху, которые он тайно высыпал в опустевшие лари Ундисы.

«Вот до чего я дошла, — думала Рони. — Спасаю разбойников Борки от голодной смерти! Что со мной будет, если Маттис об этом узнает?»

Зато Бирк был так благодарен Рони за ее щедрость.

— Ундиса каждый день удивляется, что в ларях все еще остается немного муки и гороха, и уверяет, что это колдуют друды, — сказал Бирк, как обычно, со смехом.

Теперь он уже выглядел почти как летом, во всяком случае голодного блеска в глазах у него уже не было. И Рони это радовало.

— Слушай, а может, мать права? — сказал Бирк. — Может, и в самом деле колдуют друды? Потому что ты очень похожа на маленькую друду.

— Но только очень добрую.

— Добрее тебя на свете нет. Сколько раз ты еще спасешь мне жизнь, сестра моя?

— Ровно столько, сколько ты спасешь мою, — сказала Рони. — Просто мы уже не можем друг без друга жить. Я это знаю.

— Точно! — сказал Бирк. — Что бы об этом ни думали и Маттис, и Борка.

А Маттис и Борка вообще об этом не думали, ведь они и понятия не имели, что названые брат и сестра видятся каждый день в подземелье.

— Ну, наелся? — спросила Рони. — Тогда держись, буду тебя чесать.

И, подняв гребешок, как меч, Рони подошла к Бирку. Бедные разбойники Борки, до какой нищеты они дошли, даже густого гребешка у них нет! Что ж, тем лучше! Ей нравилось прикасаться пальцами к шелковистым волосам Бирка, и она расчесывала их куда дольше, чем это было

необходимо.

— Ну все, — взмолился Бирк. — Хорошо расчесала, будет.

— А вот и нет! — ответила Рони, не выпуская гребешка из рук. — Держись!

Суровая зима постепенно отступала. Снег начал таять, а когда однажды полуденное солнце стало всерьез припекать, Ловиса велела всем разбойникам раздеться догола и выгнала их во двор, чтобы они вместо мытья покувыркались в снегу. Разбойники стали было ворчать, упираться. Фьосок уверял, что это вредно для здоровья, но ведь с Ловисой не поспоришь! Надо выгнать зимний дух из помещений замка, говорила она, даже если какому-нибудь грязнуле это и будет стоить жизни. Она выставила всех на снег — голые, орущие и визжащие разбойники покатились по еще заснеженным склонам вниз, к Волчьей Пасти. Они кляли Ловису на чем свет стоит за жестокость, но терлись исправно, как она велела. Ослушаться ее они не смели.

Только Лысый Пер не стал кататься по снегу.

— Мне все равно скоро умирать, — сказал он. — И я ни за что не расстанусь со своей грязью.

— Тогда ладно, — согласилась Ловиса. — Но перед смертью ты хотя бы подстриги всем волосы

и бороды.

Лысый Пер обещал. Ведь он опытный стригальщик, ловко стрижет коз и баранов, а значит, постричь этих крикунов ему ничего не стоит.

— Но учти, свои два последних волоска я подстригать ни за что не стану, — предупредил он. — Охота была мучиться, раз я все равно скоро лягу в землю.

И он погладил свою лысину.

Тогда Маттис обхватил его своими могучими руками и высоко приподнял над землей.

— И не вздумай помирать, понял? Я же ни одного дня не жил без тебя на белом свете… Ты что, решил тайком уйти от меня навсегда? Нет, ты не можешь со мной так поступить, ясно тебе, старый дурень?

— Ладно, малыш, я не буду спешить, — ответил Лысый Пер и довольно улыбнулся.

Весь остаток дня Ловиса стирала во дворе замка грязную одежду разбойников. А они тем временем рылись в чулане в сундуках со старым тряпьем, которое еще дедушка Маттиса награбил на лесных дорогах, подыскивая, чем бы пока прикрыть наготу.

— И как только люди в здравом уме могли носить такое платье, — изумлялся Фьосок, с от-

вращением натягивая на себя какую-то красную хламиду.

И ему еще, можно считать, повезло, не в пример Кнотасу или Малышу Клиппу. Тем пришлось довольствоваться юбками и корсажами, потому что, когда они вбежали в кладовую, всю мужскую одежду уже успели разобрать. Нельзя сказать, что от этого их настроение улучшилось, зато Маттис и Рони вволю нахохотались.

Чтобы задобрить разбойников, Ловиса сварила на ужин куриный суп. Они расселись за длинным столом, ворча и недовольно крякая, но все были чисто вымыты, подстрижены и просто неузнаваемы.

Как только по залу разнесся сладостный запах вареной курицы, ворчанье и недовольное кряканье разом прекратились. А после еды разбойники, как обычно, принялись петь и плясать, только, может, не так буйно, как всегда. Особенно Кнотас и Малыш Клипп избегали чересчур высоких прыжков.

8

Весна ворвалась в леса, окружавшие разбойничий замок, как ликующий крик. Снег растаял. Звонкими потоками сбегала вода со всех склонов, прокладывая себе путь к реке. А река бурлила и вскипала белой пеной в водоворотах и пела дикую весеннюю песнь, которая ни на миг не умолкала. Рони слышала ее все время, пока не спала, да и ночью сквозь сон тоже. Долгая ужасная зима миновала. Волчья Пасть давно очистилась от снега, теперь там звенел весенний ручей, и вода его завивалась вокруг конских копыт, когда Маттис и его разбойники в одно прекрасное утро наконец выехали через узкий горный проход. Они пели и свистели на скаку — о-го-го! Наконец-то начинается снова развеселая разбойничья жизнь!

И Рони вернулась наконец в свой лес, по которому так тосковала. Она давно уже рвалась туда посмотреть, как он выглядит теперь, когда растаяли снег и лед. Но Маттис был неумолим и не разрешал ей покидать замок. Весенний лес полон опасностей, говорил он, и только в тот день, когда

он сам выехал из замка со своими разбойниками, он выпустил дочку на волю.

— Теперь беги! — воскликнул он. — Но гляди в оба и не утони в первой же луже!

— Непременно утону! — ответила Рони. — Чтобы ты накричался вволю!

— Ах, Рони, детка моя!.. — почему-то горько вздохнул Маттис, потом разом вскочил в седло, помчался вниз по склону впереди своих разбойников и исчез из виду.

Как только последний лошадиный круп скрылся за кустами, Рони тоже помчалась вниз. И тоже пела и свистела, шлепая по холодной воде. А потом побежала. Она бежала и бежала, не останавливаясь и не переводя дыхания, до самого озера.

Бирк пришел первым. Как обещал. Он лежал на теплой скале, вытянувшись во весь рост, и грелся на солнышке. Рони не поняла, спит он или нет, подняла камешек и бросила его в воду — проверить, услышит ли Бирк всплеск. Он услышал, вскочил на ноги и кинулся к ней.

— Я давно тебя жду, — сказал Бирк, и она снова почувствовала, как радость вспыхнула в ней, радость, что у нее есть брат, который ее ждет.

Вокруг шумели деревья. Очертя голову ныр-

нула Рони в весну. Многоголосая весна яростно звенела, и сама Рони была так переполнена этим весенним звоном, что вдруг закричала, как птица, пронзительно и громко, а потом объяснила Бирку:

— Я должна выкричаться, не то взорвусь! Ты слышишь весну?

Некоторое время они стояли молча и вслушивались в щебет, шорохи, в шелест и всплески и в пение, наполнявшее их лес. Деревья, кусты, ручьи были полны жизни, все кругом пело могучую и дикую песню весны.

— Я чувствую, как зима понемногу выходит из меня, — сказала Рони. — Скоро я стану такой легкой-легкой, что смогу полететь.

Бирк толкнул ее.

— Лети! Давай спорить, что злобные друды уже кружатся над лесом, можешь лететь к ним.

Рони засмеялась:

— А что? Вот возьму и полечу…

И тут они услышали топот копыт. Табун диких коней несся от реки вверх по склону, и Рони сорвалась с места.

— Бежим! — крикнула она. — Мне так хочется поймать дикого коня!

И они бежали, продираясь сквозь кустарник,

пока не увидели мчащийся табун. Не меньше сотни лошадей с развевающимися гривами и хвостами таким бешеным скоком неслись по лесу, что земля дрожала от топота их копыт.

— Наверно, испугались медведя или волка, — сказал Бирк. — Только страх может их так гнать.

Но Рони помотала головой.

— Они мчатся не со страху, а чтобы вытрясти из себя зиму, всю, до конца. Как только они перебесятся и станут тихонько щипать траву, я поймаю одного из них и отведу к нам в замок. Я давно уже

мечтаю поймать коня.

— В замок? А на что он тебе там нужен? Ведь скакать можно только в лесу. Давай лучше поймаем двух коней, для тебя и для меня, и будем тут на них скакать, а?

— Гляди-ка, хоть ты из шайки Борки, а соображаешь, — произнесла Рони, улыбнувшись. — Пошли попробуем.

Они отвязали от пояса кожаные ремешки — Бирк тоже завел себе такой, — сделали из них лассо и спрятались за скалой на той лужайке, где обычно паслись кони.

Ожидание не тяготило их.

— Как мне хорошо тут сидеть! — воскликнул Бирк. — А знаешь почему? Потому что я в самой сердцевине весны.

Рони искоса взглянула на него и тихо сказала:

— Вот за это я тебя и люблю, Бирк, сын Борки.

Так и сидели они в самой сердцевине весны. Слушали, как щелкал дрозд и как куковала кукушка, и звуки эти наполняли весь мир. Новорожденные лисята играли перед своей норкой, в двух шагах от них. Белочки перелетали с одной елки на другую, а зайцы прыгали во мху, то и дело исчезая в кустах, а рядом с Бирком и Рони свернулась в клубок гадюка и мирно грелась на

солнышке. Они ее не трогали, и она их не трогала. Весна принадлежала всем.

— А правда, Бирк, — сказала Рони, — разве лошадь может жить в замке? Зачем мне уводить ее из леса? Ведь она здесь дома. Но скакать верхом я хочу. А вот и они…

И в самом деле табун выбежал на лужайку. Лошади тут же остановились и стали щипать свежую траву. Бирк приметил двух красивых гнедых жеребят, которые паслись чуть поодаль от табуна.

— Ну, как тебе эти?

Рони молча кивнула. Подняв свои лассо, они крадучись двинулись к молодым коням, которых хотели поймать. Они приближались к ним сзади, медленно и бесшумно, все ближе и ближе. Вдруг у Рони под ногой хрустнула сухая ветка, и весь табун тут же навострил уши, готовый сорваться с места. Однако, когда кони поняли, что нет никакой опасности, что ни медведь, ни волк, ни рысь, ни другой зверь им не угрожает, они успокоились и снова принялись за траву.

А те гнедые, которых выбрали для себя Бирк и Рони, были от них уже на расстоянии броска лассо. Ребята молча кивнули друг другу, их ремешки взлетели в воздух, и тут же лес огласился диким

ржанием пойманных коней и топотом копыт уносящегося в лес табуна.

Они поймали двух жеребцов, двух диких, совсем еще молодых коней, которые били копытами, становились на дыбы, рвались во все стороны, кусались — одним словом, боролись как бешеные, чтобы освободиться.

В конце концов их все же удалось привязать к дереву, но Бирк и Рони тут же отскочили назад, потому что кони так и норовили их лягнуть. Ребята стояли, тяжело дыша, и глядели на своих взмыленных коней, которые по-прежнему, не переставая бить копытами, вскидывались на дыбы так, что пена летела в разные стороны.

— Мы с тобой хотели прокатиться верхом, но, похоже, на этих далеко не ускачешь, — сказала Рони.

Бирк кивнул.

— Надо дать им понять, что мы им ничего плохого не сделаем.

— Да я уж давала им понять, — сказала Рони, — и чуть без пальцев не осталась. Я ему горбушку протянула, а он как цапнет. Представляешь? Вот бы Маттис огорчился, если бы лошадь откусила мне три пальца!

Бирк побледнел.

— Этот хитрюга в самом деле пытался тебя цапнуть, когда ты ему давала хлеб?

— Спроси его, — хмуро ответила Рони.

Она с огорчением посмотрела на жеребца, который бесновался пуще прежнего.

— Хитрюга — хорошее имя для коня, — сказала она. — Так я его и назову.

Бирк рассмеялся:

— А теперь придумай имя для моего коня.

— Твой такой же бешеный, — сказала Рони. — Назови его Дикарь.

— Слышите, кони? — крикнул Бирк. — Теперь мы вам дали имена, тебя зовут Хитрюга, а тебя — Дикарь. Это значит, что отныне вы наши, хотите вы этого или нет.

Хитрюга и Дикарь этого не хотели, сомнений тут быть не могло. Они по-прежнему рвались и грызли ремни, и пена по-прежнему разлеталась во все стороны, но они не унимались, вскидывались на дыбы, били копытами, а их дикое ржание пугало зверей в лесу.

Жеребцы выбились из сил, лишь когда день стал клониться к закату. Они стояли, понурив головы, у дерева, лишь изредка оглашая лес печальным, негромким ржанием.

— Они хотят пить, — сказал Бирк. — Напоить

их надо, вот что.

Ребята отвязали присмиревших коней, повели к озеру, там сняли с них ремешки и дали им вдоволь напиться.

Кони пили долго. А потом, совсем успокоившись, стояли не двигаясь и глядели на Бирка и Рони покорными глазами.

— Мы их все-таки усмирили, — с гордостью сказал Бирк.

Рони потрепала своего коня по шее, заглянула ему в глаза и попыталась объяснить, что его ждет:

— Слушай, Хитрюга, раз я сказала, что поскачу на тебе, значит, так и будет, понял?

Она крепко ухватила Хитрюгу за гриву и вскочила ему на спину.

— А теперь пошел, Хитрюга, — скомандовала она и в тот же миг полетела через его голову прямо в озеро.

Когда она вынырнула, то увидела, что Хитрюга и Дикарь галопом мчались к лесной чаще и вскоре скрылись из глаз.

Бирк протянул Рони руку и помог ей выбраться на берег. Он это проделал молча, не глядя на нее. Так же молча вышла Рони из воды. Она отряхнулась — брызги обдали все вокруг — и громко рассмеялась.

— Все ясно, — сказала она. — Сегодня мне больше верхом не ездить.

И Бирк рассмеялся:

— Мне тоже!

Наступил вечер. Солнце зашло, сгустились сумерки, те особые весенние сумерки, которые даже под деревьями оставляют отблес ки дневного света и никогда не превращаются в глухую темную ночь. В лесу стало тихо. Дрозд больше не свистел, кукушка не куковала. Все лисята и зайцы забрались в норки, белки — в дупла деревьев, гадюка уползла под свой камень. Теперь ничего не было слышно, кроме мрачного уханья филина, но и филин тоже скоро умолк.

Казалось, весь лес уснул. Но лес тут же стал медленно пробуждаться, начал жить своей сумеречной жизнью. Все ночные обитатели леса зашевелились. Что-то зашуршало, задвигалось, зашипело и захлюпало во мху. Лохматые тюхи прокрадывались между стволами деревьев, черные тролли выглядывали из-за камней, серые гномы выскакивали из своих тайных подземелий и громко фыркали, чтобы напугать всех, кто попадется им на пути. А с высоких гор слетали злобные друды, самые страшные и мстительные из всех существ, населяющих сумеречный лес. Они казались чернее сажи на светлом фоне весеннего неба. Рони увидела их, и они ей решительно не понравились.

— Знаешь, — прошептала Рони, — здесь всякой нечисти куда больше, чем нужно. Я хочу домой, ведь я промокла до нитки, да еще вся в синяках.

— Ну и пусть, что до нитки и в синяках, — ответил ей Бирк. — Зато целый день ты была в самой сердцевине весны.

Рони задержалась в лесу слишком долго. Расставшись с Бирком, она стала думать, что сказать Маттису, как объяснить ему, что ей необходимо было провести весь день до позднего вечера в лесу — ведь она вдруг оказалась в самой сердцевине весны.

Но ни Маттис, ни Ловиса не обратили на нее никакого внимания, когда она вошла в зал. Там все были заняты другим.

На расстеленной на полу шкуре перед пылающим очагом неподвижно лежал смертельно бледный Стуркас с закрытыми глазами. Рядом с ним на коленях стояла Ловиса и перевязывала ему рану на шее. А остальные разбойники толпились вокруг и удрученно глядели на них. Только Маттис метался из угла в угол, словно разъяренный медведь. Он гневно рычал и изрыгал проклятия.

— А, эти мерзавцы из шайки Борки!.. Эти вонючие разбойники!.. Эти грязные бандиты! Ну,

подождите, я доберусь до вас!.. Я вас так отделаю, что ни рукой, ни ногой не пошевелите!.. Со мной шутки плохи, негодяи!

Слов он больше не нашел, поэтому издал дикий рев и замолк, лишь когда Ловиса строгим взглядом указала ему на раненого Стуркаса. Маттис догадался, что бедняге трудно переносить шум, и взял себя в руки.

Рони понимала, что к Маттису сейчас приставать не надо, она подсела к Лысому Перу и спросила его, что случилось.

— Таких, как Борка, надо вешать, — сказал Лысый Пер и тут же объяснил почему.

Маттис и его отчаянные молодцы с утра залегли на разбойничьей тропе, рассказал Лысый Пер. А там как раз проезжали разные путники, и среди них — купцы с большими тюками бакалейных товаров и мехов. Да и денег у них было полным-полно. Они оказались беспомощными, как дети, защищаться не умели, и, конечно, у них забрали все, что они везли.

— Неужели они даже не разозлились? — печально спросила Рони.

— Еще как! Орали как полоумные, ругались, себя не помня от гнева. А потом вскочили на коней и ускакали. Наверно, чтобы пожаловаться

фогту. Так я думаю.

И Лысый Пер захихикал. Но Рони не нашла в его словах ничего смешного.

— И представь себе, — продолжал свой рассказ Лысый Пер, — когда мы уже навьючили все захваченные товары на наших лошадей, откуда ни возьмись появляется этот чертов Борка и требует себе часть нашей добычи. Дело дошло до того, что эти бандиты стали в нас стрелять. И Стуркасу стрела угодила прямо в шею. Ну, и мы, понятно, тоже начали отстреливаться и ранили двоих или троих.

Маттис как раз подошел к ним и услышал, что говорил Лысый Пер.

— Погодите, это только начало! — сказал он и заскрипел зубами. — Всех перебью! Р-разом! До сих пор я вел себя мирно. А теперь Борке и всем его разбойникам крышка.

Рони разозлилась не на шутку.

— А что, если будет крышка всем разбойникам Маттиса? — спросила она. — Об этом ты не подумал?

— И не буду думать! — оборвал ее Маттис. — Потому что этого не может быть никогда.

— Кто знает, — сказала Рони и подошла к Стуркасу.

Она села возле него и положила ладонь ему на лоб. Да, он пылал. Стуркас открыл глаза, увидел Рони и улыбнулся.

— Меня так легко не выбить из седла, — с трудом произнес он.

Рони взяла его руку в свои.

— Да, Стуркас, тебя так легко не выбьешь из седла.

Она долго сидела рядом со Стуркасом, не выпуская его руки. Слез в ее глазах не было, хоть ей и хотелось плакать.

9

Три дня Стуркас метался в жару, так и не приходя в сознание. Он очень тяжко болел. Но Ловиса умела лечить. Она отпаивала его настоями разных трав, делала компрессы, ухаживала за ним, как мать родная, и, ко всеобщему удивлению, уже на четвертый день Стуркас встал, правда, ноги у него еще подкашивались, но вообще-то чувствовал он себя вполне бодро. Стрела попала Стуркасу в шею, в самую жилу, и, заживая, жила эта стянулась, отчего голова Стуркаса склонилась набок. И это придавало ему весьма настороженный вид, хотя на самом деле он остался таким же, как всегда, веселым и беззаботным. Все разбойники радовались, что он выжил. Правда, иногда они дразнили его «фик-фок на один бок», но, конечно, в шутку, и Стуркас на них не сердился.

А вот кто сердился, так это Рони. Война между Маттисом и Боркой сделала ее жизнь очень тяжелой. Прежде она думала, что их вражда как-нибудь пройдет сама собой. Но вместо этого она вспыхнула теперь с новой силой и стала просто опасной. Каждое утро, когда Маттис со своим отрядом выезжал из Волчьей Пасти, Рони не знала, сколько разбойников вернется домой живыми и

здоровыми. Успокаивалась она только вечером, когда все собирались за длинным столом, но наутро ее снова охватывала тревога, и она как-то спросила отца:

— Почему ты и Борка враги не на жизнь, а на смерть?

— Спроси об этом Борку, — ответил Маттис. — Первую стрелу пустил он, спроси Стуркаса.

В конце концов и Ловиса высказала свое мнение:

— Эх, Маттис, Маттис, а ребенок-то поумней тебя будет. Чувствую, кончится все это кровавой баней и горем. И какой в этом прок?

Маттис, как всегда, разозлился, когда понял, что не только Рони, но и Ловиса против него.

— Что? Какой в этом прок? Какой прок?! — кричал он. — Да тот прок, что Борки не будет больше в нашем замке! Поняли, глупые вы гусыни!

— А разве для этого обязательно пролить кровь и перебить всех? Конечно, иначе вы не уйметесь! Неужели другого способа нет?

Маттис мрачно поглядел на нее. Спорить об этом с Ловисой — еще куда ни шло, но то, что Рони против него, — это уж слишком!..

— Попробуй найди, если ты такая умная. Выдвори этого Борку из замка! Пусть валяется со

всей своей паршивой шайкой где-нибудь в лесу, я его и пальцем не трону.

Он мрачно замолчал, задумался и пробормотал:

— В общем, так: если я не убью Борку, то грош мне цена.

Рони и Бирк проводили все дни в лесу. Это было их единственной радостью. Но теперь ни она, ни Бирк не могли радоваться весне так беззаботно, как прежде.

— Даже весну нам испортили. И все из-за этих двух старых упрямых атаманов, у которых нет ни капли ума.

Рони было грустно оттого, что ее Маттис превратился в старого упрямого атамана без капли ума. Ее Маттис, самый лучший из всех, ее гордость! Как могло дойти до того, что всеми своими заботами ей не с кем поделиться, кроме Бирка.

— Не будь ты моим братом, — сказала она, — я бы просто не знала, что делать.

Они сидели у озера, а вокруг них бушевала в своем великолепии весна, но они ее почти не замечали.

Рони задумалась.

— Но не будь ты моим братом, меня, наверно, не интересовало бы, убьет Маттис Борку или нет.

Она взглянула на Бирка и рассмеялась.

— Выходит, ты виноват в том, что у меня столько забот.

— Я не хочу, чтобы у тебя были заботы, — сказал Бирк. — Но и у меня те же заботы.

Они долго еще сидели у озера, и на душе у них было тяжело. Но они были вместе, и это утешало. И все же они грустили.

— Как ужасно не знать, кто вечером будет живой, а кто — мертвый.

И Рони вздохнула.

— Но ведь пока еще никого не убили, — сказал Бирк, чтобы ее утешить. — Правда, наверно, только потому, что лес кишмя кишит солдатами. У Маттиса и у Борки просто руки не доходят убивать друг друга. У них есть дело посерьезней — убегать от солдат.

— Ага, — сказала Рони. — Это нам здорово повезло.

Бирк рассмеялся.

— Во, дожили! — воскликнул он. — Мы с тобой радуемся, что солдаты хозяйничают в нашем лесу!

— Как все это ужасно, — повторила Рони. — И так у нас с тобой будет всегда, всю жизнь.

Потом они пошли на луговину, где пасся табун

диких коней. Они сразу увидели Хитрюгу и Дикаря. Когда Бирк свистнул, оба коня подняли головы и как-то задумчиво поглядели вдаль, но тут же принялись щипать траву. Они решили не обращать внимания на свист Бирка, это было ясно.

— Твари паршивые, — сказал им Бирк, — хоть на вид вы такие смирные.

Рони захотелось вернуться домой. Из-за двух старых упрямых атаманов они уже не радовались лесу так, как прежде.

В этот день, как и всегда, Рони простилась с Бирком далеко от Волчьей Пасти и от всех дорожек, по которым обычно ездят разбойники. Они знали, каким путем возвращается Маттис, а каким — Борка. И все же они всегда боялись ненароком попасться им на глаза.

Первым ушел Бирк, и Рони долго смотрела ему вслед.

— До завтра-а! — крикнула она и тоже побежала.

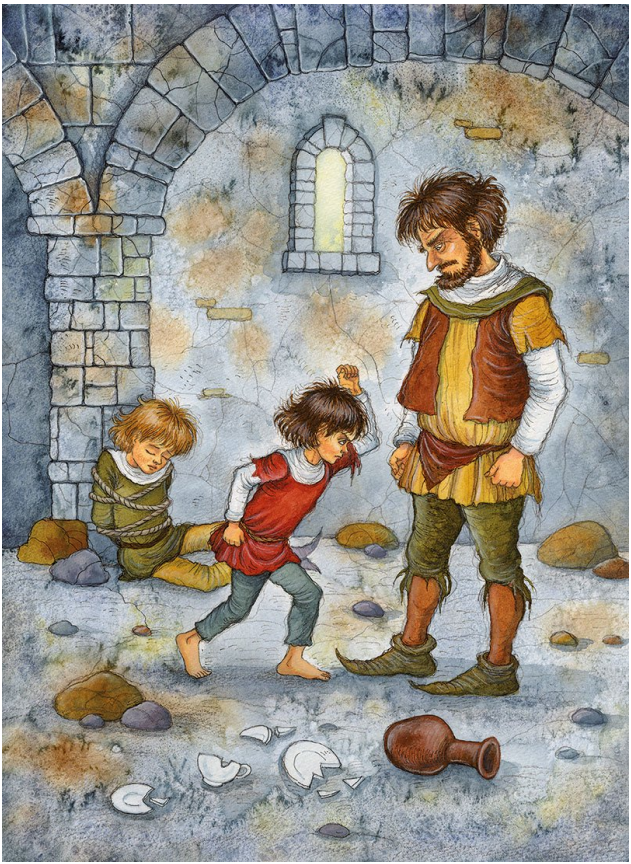
Но не домой. Она решила сперва навестить новорожденных лисят. Лисята прыгали и играли так забавно, что глядеть бы на них да глядеть. Но Рони не почувствовала никакой радости, и ей пришла в голову печальная мысль: а станет ли вообще когда-нибудь ее жизнь такой, как

прежде? Быть может, она уже больше никогда не сможет беззаботно радоваться своему лесу. Она повернула назад и вскоре дошла до Волчьей Пасти, которую охраняли в тот день Жоэн и Малыш Клипп. Оба они сияли, как медные гроши.

— Беги бегом, Рони, — сказал Жоэн. — Дома узнаешь, что случилось.

— Наверно, что-то хорошее, судя по вашему виду?

— Не сомневайся! — воскликнул Малыш Клипп и ухмыльнулся. — Сама увидишь.



И Рони со всех ног кинулась к замку. И в самом деле, сейчас ей не мешало бы повеселиться.

Вскоре она уже стояла перед закрытой дверью большого зала, за которой раздавался громоподобный смех Маттиса, такой веселый, что Рони разом забыла про все свои тревоги. Чему так радуется отец?

И, сгорая от нетерпения, она отворила дверь. Как только Маттис увидел дочь, он кинулся к ней, подбросил в воздух, стиснул в объятиях, а потом закружился с ней по залу. Казалось, Маттис не помнит себя от радости.

— Рони, детка моя! — счастливо завопил он. — Ты права! Зачем проливать кровь! Теперь Борка в два счета уберется из моего замка!

— Почему? — спросила Рони.

Маттис пальцем указал в угол.

— Ты только взгляни, кого я поймал вот этими руками!

Все двенадцать разбойников, ликуя, носились по залу, подпрыгивали и пританцовывали. Поэтому Рони сперва не увидела того, что ей показывал отец.

— Поняла, детка моя? Вот теперь я скажу Борке: «Ну как, останешься в замке или уберешься по-хорошему? Хочешь получить своего щенка или,

может быть, ты в нем не нуждаешься?»

И тут Рони увидела Бирка. Он лежал в дальнем углу зала, руки и ноги его были связаны, лоб окровавлен, глаза полны отчаяния, а вокруг скакали разбойники Маттиса и кричали, глумились над ним:

— Эй, ты, сын Борки, беги домой, тебя папа ждет!..

Рони вскрикнула, и слезы, слезы бешенства брызнули у нее из глаз.

— Не смей!.. Не смей этого делать! — заорала она не своим голосом и принялась колотить Маттиса кулаками. — Не смей этого делать, зверюга!..

Маттис оттолкнул от себя Рони. Он уже не смеялся. Он побледнел от гнева.

— Что это значит, дочь моя?.. Чего я не должен делать? — грозно спросил он.

— Подожди, сейчас я тебе скажу! Разбойничай сколько влезет. Кради деньги, кради вещи, сколько захочешь, но не смей красть людей, не то… не то я тебе не дочь, понял?

— Людей?.. — спросил Маттис, и голос его нельзя было узнать. — Я поймал эту тварь, этого дохлого щенка, и теперь я смогу очистить от всей борковской мрази замок моих предков. А будешь ты моей дочерью или нет, это уж как

тебе угодно.

— Я плюю на тебя! Тьфу!.. — закричала Рони в исступлении.

Лысый Пер подошел и стал между ними, потому что он испугался. Никогда еще он не видел у Маттиса такого окаменелого, ужасного лица, и страх одолел его.

— Как ты разговариваешь с отцом? — воскликнул он и схватил Рони за руку.

Но она вырвалась.

— Я плюю на тебя! — упрямо выкрикивала она. — Тьфу, тьфу!

Казалось, Маттис и не слышит ее, она словно перестала для него существовать.

— Фьосок, ступай на стену, к провалу, и скажи, чтобы передали Борке, что я жду его там завтра, как только взойдет солнце, — приказал Маттис тем же страшным голосом. — Будет лучше, если он придет, так и скажи.

Ловиса слушала все это молча. Она нахмурила брови, но не сказала ни слова. Потом она подошла к Бирку, увидела у него на лбу кровь и взяла глиняный кувшин с целебным отваром, которым промывают раны.

— Не смей прикасаться к этому гаденышу! — рявкнул Маттис.

— Гаденыш он там или не гаденыш, но рану надо промыть, — сказала она и приступила к делу.

Тогда Маттис схватил ее поперек туловища и швырнул через весь зал так, что она непременно врезалась бы в столб, который поддерживал балдахин над кроватью, не подхвати ее вовремя подоспевший Кнотас.

Но такого обращения с собой Ловиса никому не прощала. И так как до Маттиса в этот миг ей было не дотянуться, она влепила Кнотасу такую затрещину, что гул пошел по всему залу. Вот так она отблагодарила его за то, что он не дал ей врезаться в столб.

— Вон отсюда, все до единого! — крикнула она. — Чтобы духу вашего тут не было. Проваливайте ко всем чертям. От вас одно только зло... Слышишь, Маттис, и ты убирайся прочь, немедленно!

Маттис бросил на нее мрачный взгляд, от которого у кого хочешь душа уйдет в пятки. Да только не у Ловисы. Она стояла, скрестив на груди руки, и невозмутимо глядела, как Маттис выходит из зала, а за ним гуськом плетутся все двенадцать его разбойников. Но на плече Маттис нес связанного Бирка, и грива его медных волос раскачивалась в такт шагов атамана.

— Я плюю на тебя, Маттис! — еще раз крикнула Рони, прежде чем разбойники захлопнули за собой дверь зала.

В этот вечер Маттис не лег спать рядом с Ло-

висой в их постели, и Ловиса не знала, где он ночует.

— Ну и пусть, — сказала она. — Зато я смогу теперь лежать как захочу, хоть поперек кровати.

Но она всю ночь глаз не сомкнула, потому что слышала, как в отчаянии рыдает ее дитя. Но Рони не подпускала ее к себе и не хотела, чтобы ее утешали. Это горе Рони должна была пережить сама. Она очень долго не могла заснуть и так люто ненавидела сейчас своего отца, что у нее и вправду сжималось сердце. Ненавидеть того, кого ты любил с тех пор, как ты себя помнишь, очень тяжело, поэтому для Рони это была самая страшная ночь в ее жизни.

В конце концов она все же заснула, но вскочила, едва забрезжил рассвет. К восходу солнца ей надо быть на стене, у провала, чтобы своими глазами увидеть все, что там произойдет. Ловиса попыталась удержать Рони дома, но Рони не послушалась, и тогда Ловиса молча пошла за ней.

Маттис и Борка стояли друг против друга по обе стороны пропасти, как и в тот раз, каждый окруженный своими разбойниками. Ундиса тоже пришла, и Рони еще издали услышала ее крики и проклятия. Она поносила Маттиса на чем свет стоит. Но Маттис тут же решительно положил

этому конец.

— Эй, Борка, ты что, не в силах заткнуть глотку своей бабе? — спросил он. — Тебе не вредно послушать, что я скажу.

Рони стала за спиной отца, чтобы он ее не видел. Но сама она и видела, и слышала больше, чем была в силах вынести. Рядом с Маттисом стоял Бирк. Руки и ноги ему развязали, но шею стягивала широкая кожаная петля вроде ошейника, а другой конец ремешка Маттис держал в руке, словно вел на поводке собаку.

— Ты жестокий человек, Маттис, — сказал Борка. — Да к тому же и скверный. Ты хочешь меня отсюда выжить, что ж, это я могу понять, но вот то, что ты поймал моего сына, чтобы принудить меня уйти из замка, это уже подлость, Маттис!..

— Плевать я хотел на то, что ты обо мне думаешь, — ответил Маттис. — Я хочу знать, когда ты отсюда уберешься?

Борка молчал, он был так зол и подавлен, что слова застревали у него в горле. Он долго стоял молча, потом заставил себя сказать:

— Сперва я должен найти место, где мы все можем надежно укрыться, а на это нужно время. Верни мне сына, и мы уйдем отсюда еще до конца лета, даю тебе слово.

— Хорошо, — сказал Маттис. — Тогда и я даю слово, что верну тебе сына тоже до конца лета.

— Я думал, ты вернешь мне его сейчас, — сказал Борка.

— А я думаю, что сейчас ты его не получишь, — ответил Маттис. — В нашем замке много темных подвалов, так что крыша над головой у твоего щенка будет. Это я утешаю тебя на случай, если лето будет дождливое.

Рони тихо стонала от своей беспомощности. Вот, оказывается, какую жестокую расправу задумал учинить отец. Если Борка и его люди немедленно не уберутся отсюда на все четыре стороны, то Бирку придется просидеть в подземном склепе до конца лета. Но ведь так долго ему там не прожить, это Рони знала, он умрет, и у нее больше не будет брата.

Да и отца, которого она очень любила, у нее больше не будет. Она так страдала, что у нее просто разрывалось сердце. Она хотела наказать Маттиса и за то, что не может больше считать себя его дочерью. Ах, как страстно она желала, чтобы отец страдал сейчас не меньше ее. Как горячо мечтала она помешать ему. И вдруг сообразила, как разрушить его замысел. Теперь она твердо знала, что ей надо сделать. Однажды

она это уже сделала, и тоже в приступе гнева, правда не в таком безумном, как сейчас. Не помня себя, Рони вдруг разбежалась и прыгнула. Маттис увидел ее, когда она птицей перелетела через пропасть, и он закричал. Так кричат дикие звери в минуты смертельной опасности. Кровь застыла в жилах его разбойников, потому что ничего страшнее в жизни своей они не слышали. И потом все они увидели Рони, его дочь Рони, на той стороне пропасти, у их врагов. Ничего более ужасного и представить себе было невозможно, ничего более необъяснимого — тоже.

Впрочем, и для разбойников Борки это было так же необъяснимо. Они глядели на Рони с таким недоумением, словно она не девочка, а вдруг прилетевшая к ним злобная друда.

Борка тоже остолбенел от изумления, однако он тут же совладал с собой. Все разом изменилось. Дочь Маттиса, эта маленькая злобная друда, пришла ему на помощь таким странным образом. Он, правда, не понимал, почему она решилась на такой безумный поступок, но, усмехнувшись, молча накинул ей на шею ременную петлю.

А потом крикнул Маттису:

— У нас в башне тоже есть темный подвал. И у твоей дочки будет крыша над головой, если

пойдет дождик. Вот и я тебя утешаю, Маттис.

Но разве Маттиса могло что-нибудь утешить? Он стоял, будто смертельно раненный огромный медведь, и качался взад-вперед, как бы пытаясь этим заглушить нестерпимую боль. Рони глядела на него, и слезы текли у нее по щекам. Маттис выпустил из рук ремешок, на котором держал Бирка, но мальчик не шевельнулся, его бледное, без кровинки лицо выражало отчаяние. Он не сводил глаз с Рони, стоявшей на той стороне провала, и видел, что она плачет.

Ундиса подошла к ней и резко толкнула ее в спину.

— Реви, реви!.. Я бы тоже ревела, если бы мой отец был таким зверем...

Но Борка грубо оборвал свою жену. Пусть, мол, убирается куда подальше и не лезет не в свои

дела.

Хоть Рони и сама назвала Маттиса зверем, но сейчас ей хотелось только одного — утешить отца, ведь она причинила ему такое горе.

И Ловиса хотела помочь Маттису, как всегда, когда он попадал в беду. Она стала рядом с ним, но он даже не заметил этого. Он вообще ничего не замечал. Сейчас он был один на всем белом свете.

Тут Борка крикнул ему:

— Эй, Маттис, вернешь ты мне сына или нет?

Маттис по-прежнему раскачивался взад-вперед и ничего не отвечал.

Тогда Борка заорал изо всех сил:

— Ты вернешь мне сына?

Наконец Маттис очнулся.

— Бери его, — ответил он равнодушно. — Когда захочешь.

— Я хочу сейчас, — сказал Борка. — Не когда кончится лето, а *сейчас*.

Маттис кивнул:

— Я же сказал, когда захочешь.

Казалось, ему ни до чего теперь не было дела. Но Борка добавил с усмешкой:

— И ты тут же получишь назад свою дочку. Обмен так обмен, это по твоей части, подлец.

— У меня нет дочки, — тихо сказал Маттис.

Ухмылка Борки разом погасла.

— Опомнись, что ты несешь? Что ты еще задумал?

— Говорю, забирай своего сына, — сказал Маттис. — Но мне ты дочку вернуть не можешь. У меня ее нет.

— Зато у меня есть дочь! — крикнула Ловиса так громко, что все вороны взлетели с зубцов крепостной стены. — И моего ребенка я хочу получить назад. Ты понял, Борка? Сейчас! — Она пристально посмотрела на Маттиса и добавила: — Даже если ее отец потерял разум.

Маттис повернулся и тяжелыми шагами пошел прочь.

10

Все следующие дни Маттис не появлялся в большом зале замка. И у Волчьей Пасти, когда меняли детей, его тоже не было. Туда пришла Ловиса, чтобы забрать дочь. Ее сопровождали Фьосок и Жоэн, а между ними шел Бирк. Борка со своими разбойниками и Ундиса уже ждали их у Волчьей Пасти, и, едва увидев Ловису, Ундиса, не скрывая своего торжества, злобно закричала:

— А Маттис небось стыдится людям на глаза показаться, еще бы, горе-разбойник, который крадет детей…

Ловиса не удостоила ее ответом. Она обняла Рони и хотела ее увести, не сказав никому ни слова. Она много думала о том, почему ее дочь добровольно отдала себя в руки Борки, но только здесь, когда дети встретились, догадалась наконец, в чем дело.

Рони и Бирк глядели друг на друга так, словно были одни во всем ущелье, да что в ущелье, одни во всем мире. Да, эти двое будут стоять друг за друга до последнего, это всем стало ясно.

И Ундисе тоже, но ей это пришлось не по душе.

— Что тебе до нее?

— Она моя сестра, — ответил Бирк. — И она спасла мне жизнь.

Рони прижалась к Ловисе и заплакала.

— Он спас мне жизнь, — проговорила она.

Но Борка весь покраснел от гнева.

— Неужто мой сын у меня за спиной водится с этой дрянной девчонкой, дочкой наших смертельных врагов?

— Она моя сестра, — снова сказал Бирк и посмотрел на Рони.

— Сестра? — повторила Ундиса, усмехнувшись. — Как бы не так! — Она обняла Бирка за плечи, чтобы поскорее его увести. — Знаем мы, кем тебе будет эта сестра через несколько лет!

— Убери руки, сам пойду.

Он повернулся и пошел прочь.

— Бирк! — скорее простонала, чем крикнула ему вдогонку Рони.

Но он не обернулся, он шел, глядя себе под ноги, и вскоре скрылся за поворотом дороги. Тогда Ловиса попыталась было расспросить дочку обо всем, но тщетно.

— Не разговаривай со мной! — резко оборвала ее Рони.

Ловиса оставила ее в покое, и они молча пошли

домой.

Лысый Пер ждал Рони в зале и встретил ее так, словно она избежала смертельной опасности.

— Какое счастье, что ты жива! — воскликнул он. — Бедное дитя, как я за тебя тревожился!

Не ответив ему ни слова, Рони направилась к своей кровати, легла и плотно задернула занавески балдахина.

— В нашем замке поселилась беда, — сокрушался Лысый Пер и печально качал головой. А потом, понизив голос, шепнул Ловисе: — Маттис в моей каморке. Он лежит на кровати, уставившись в потолок, и молчит. Вставать не желает и от еды отказывается. Что с ним делать?

— Да ничего! Проголодается как следует и придет сюда, — ответила Ловиса, но по ней было видно, что и она встревожена.

На четвертый день она пошла в каморку Лысого Пера и сказала Маттису:

— Пойдем обедать. Хватит упрямиться. Все уже сидят за столом и ждут тебя.

Тогда Маттис встал и пошел в зал, мрачный как туча. Он так осунулся, что его едва можно было узнать. Молча опустился он на скамью и стал есть. Все его разбойники тоже молчали. Никогда еще в этом зале не было так тихо. Рони сидела на

своем обычном месте, но Маттис, казалось, ее не видит. Она тоже не смела поднять на него глаза, но все же украдкой бросила в его сторону взгляд и увидела незнакомого Маттиса, совсем не похожего на ее отца, каким она его знала всю жизнь. Да, облик его изменился до неузнаваемости, он был страшен! Ей захотелось выскочить из-за стола и убежать, убежать от Маттиса, ото всех и всего, остаться одной. Но в нерешительности она не сдвинулась с места. Она не знала, как ей быть, как справиться со всеми обрушившимися на нее бедами.

— Ну что, соколы, наелись? — с насмешкой спросила Ловиса у молчащих разбойников, когда кончился обед. Даже она была не в силах вынести этого затянувшегося молчания.

Бормоча что-то невнятное, разбойники дружно встали, и все, как один, направились в конюшню к своим лошадям, которых уже четвертый день не выводили из стойла. Раз их атаман валяется в каморке у Лысого Пера и глядит в потолок, то и они не могут выходить на свой разбойничий промысел, что, по их мнению, было весьма досадно, ведь разбойничья пора была сейчас в самом разгаре.

Маттис вышел из зала, так и не проронив ни слова, и больше его никто в этот день не видел.

И Рони тоже убежала из дому. Скорее, скорее в лес! Уже три дня ждала она там Бирка, но он так и не появился. Она не понимала почему, что с ним сделали в замке Борки? Может, заперли, чтобы отвадить его от леса, разлучить их? Ей

было тяжело ждать и не знать, что с ним.

Долго просидела Рони у озера, где все еще бушевала весна. Но теперь ее это уже не радовало, потому что рядом не было Бирка. Она думала о том, что ей всегда хватало для радости одного леса, но так было прежде, когда она еще гуляла в одиночку. Сколько с тех пор воды утекло! Теперь, чтобы чему-то радоваться, ей нужен был Бирк. Однако, судя по всему, его и сегодня не будет. Рони была уже не в силах больше ждать, она встала, чтобы уйти.

И тут он пришел. Но сперва она услышала его свист в ельнике и, не помня себя от радости, кинулась к нему навстречу. А вот и он! И тащит какой-то большой узел.

— Я перебираюсь жить в лес, — сказал он. — Я больше не могу оставаться в замке Борки.

Рони глядела на него с изумлением.

— Почему?

— Я не выношу попреков, — сказал он. — С меня хватит и трех дней ругани.

«Молчание Маттиса хуже любой ругани», — подумала Рони. И вдруг поняла, что ей надо делать: если жизнь становится невыносимой, ее надо изменить! Бирк не побоялся этого, почему бы и ей так не поступить?

— Я тоже уйду из нашего замка, — решительно сказала она. — Да, уйду!

— Я родился в пещере, — сказал Бирк, — и смогу жить в пещере. А ты сможешь?

— С тобой хоть где, — ответила Рони. — А уж в Медвежьей пещере и подавно.

Окрестные горы славились пещерами, но ни одна из них не походила на Медвежью. Рони давно знала о ней от Маттиса, пожалуй, с тех самых пор, как стала проводить все дни в лесу. Он когда-то сам любил там ночевать. Еще мальчишкой. Летом. А по зимам в пещере спят медведи, рассказывал ему Лысый Пер. Потому он и назвал пещеру Медвежьей. Ее и теперь так называют, хотя медведи там уже не живут.

В пещеру эту, расположенную высоко в скальной стене, можно было попасть, только пройдя по узенькому козырьку над пенящейся рекой, и это было очень опасно. Но перед самым входом в пещеру козырек расширялся. На этой площадке можно было сидеть и смотреть, как в сверкании и блеске встает новый день над горами и лесами. Рони уже не раз сидела там. Да, в этой пещере можно жить, это она точно знала.

— Я приду туда вечером, — сказала она. — Я тебя застану?

— Конечно, — ответил Бирк. — Я буду тебя там ждать.

В тот вечер Ловиса пела Волчью песнь, как пела ее всегда в конце дня, каким бы он ни оказался — счастливым ли или печальным, — пела для Рони.

«А ведь я слышу ее в последний раз», — подумала Рони. И печаль охватила ее. Да, тяжело расставаться с матерью, но еще тяжелее не быть больше дочерью Маттиса. Поэтому ей и надо уйти в лес, даже если она уже никогда не услышит Волчьей песни. И уйти надо сейчас же. Как только заснет Ловиса. Рони ждала, лежа в постели, и глядела на огонь. Ловиса беспокойно металась на своей широкой кровати, но наконец все же затихла, и по ее ровному дыханию Рони поняла, что она спит.

Тогда Рони тихо подошла к кровати и долго глядела на спящую мать, освещенную неровным светом догорающего огня в очаге.

«Дорогая моя Ловиса, — думала она, — кто знает, увидимся ли мы еще когда-нибудь».

Волосы Ловисы рассыпались по подушке. Рони пальцем дотронулась до светло-каштановой пряди. В самом ли деле это ее мать? Ведь она во сне выглядит просто девочкой. И у нее совсем из-

мученный вид. Ей, должно быть, очень одиноко лежать без Маттиса в такой широкой кровати. А теперь еще и дочь покидает ее.

— Прости меня, — прошептала Рони. — Я не могу поступить иначе.

Крадучись вышла она из зала и взвалила на плечо свой узел, который еще днем спрятала в чулане. Он был такой тяжелый, что Рони еле его тащила. Поэтому, как только она дошла до Волчьей Пасти, она швырнула его наземь, и узел покатился прямо к ногам Тьёге и Тьёрма, которые стояли в дозоре. Конечно, теперь Маттису было не до того, чтобы расставлять охрану вокруг замка. Но за это дело с большим усердием взялся Лысый Пер.

Тьёге вытаращился на Рони, как на привидение.

— Чур меня, чур меня!.. Заклинаю тебя всеми злобными друдами, скажи, что ты здесь делаешь среди ночи?

— Я ухожу из замка, — сказала Рони. — И буду жить в лесу. Передай это Ловисе.

— А чего же ты это сама ей не сказала?

— Она бы меня не отпустила. А я не хочу, чтобы меня задерживали.

— А что твой отец скажет? — спросил Тьёрм.

— Мой отец? — повторила Рони. — Разве у меня есть отец?

На прощание она пожала разбойникам руки.

— Передайте всем привет, а Лысому Перу особенный… И знаете что, вспоминайте обо мне по вечерам, когда будете петь и плясать, ладно?

Этого Тьёге и Тьёрм уже не могли вынести. Слезы градом покатились у них по щекам, и Рони тоже всплакнула вместе с ними.

— Боюсь, — мрачно произнес Тьёге, — что в нашем замке уже свое отплясали.

Рони с трудом подняла свой тяжелый узел и снова вскинула его на плечо.

— Скажите Ловисе, чтобы она особенно не убивалась. И беспокоиться обо мне тоже не надо! Если я понадоблюсь, она всегда сможет найти меня в лесу.

— А что нам сказать Маттису, — спросил Тьёрм.

— Ничего, — ответила Рони и горько вздохнула.

И ушла. Тьёге и Тьёрм молча глядели ей вслед, пока она не исчезла за поворотом дороги.

Тем временем тьма сгустилась, но потом взошла луна. У озера Рони решила передохнуть. Она села на камень и всем своим существом ощутила великую тишину, царящую в ее лесу. И сколько ни вслушивалась, она слышала только эту тишину и ничего больше. Весенней ночью лес жил

своей неведомой жизнью, был полон колдовских чар и древних тайн. Конечно, и опасности караулили Рони на каждом шагу, но она не чувствовала страха. Только бы не появились злобные друды. «А вообще-то мне здесь так же спокойно, как и в нашем замке. Лес — мой дом, — думала она. — Он всегда был моим домом. А теперь, когда у меня нету другого, тем более».

Вода в озере казалась густой, иссиня-черной, только узенькая лунная дорожка перечеркивала ее гладь. Рони радовалась красоте ночи и лунному свету. Да, как же это все-таки странно, что можно одновременно быть и радостной, и печальной. Печальной из-за Маттиса и Ловисы тоже, а счастливой из-за волшебства красоты и тишины весенней ночи.

Значит, вот здесь, в лесу, она и будет теперь всегда жить. С Бирком. И тут она вспомнила, что Бирк ждет ее в Медвежьей пещере. Так почему же она сидит и размышляет? Она встала и снова подняла свой узел. Ей предстоял долгий путь, и ни одна тропинка не вела в пещеру. И все же она знала, куда ей надо идти, чуяла, как чуют звери. Как чуют дорогу в ночи лохматые тюхи, темные тролли и серые гномы.

Она спокойно шла по освещенному луной лесу,

между кедрами и соснами, по мху и зарослям черники, мимо болот, с которых тянуло ароматом цветов восковника, мимо бездонных черных бочагов, она перелезала через поваленные ветром замшелые стволы деревьев и шлепала босыми ногами, переходя бурливые ручейки. Она шла к Медвежьей пещере через весь лес и ни разу не сбилась с пути. Она увидела, как на огромном валуне в лунном свете пляшут темные тролли. Лысый Пер когда-то рассказывал ей, что пляшут они только при полной луне. Рони постояла и немного поглядела на них, благо они ее не заметили. До чего же это был странный танец! Сбившись в тесный кружок, темные тролли медленно и неуклюже переминались с ноги на ногу, хором бормоча при этом нечто невнятное. Это их весенний гимн, рассказывал Лысый Пер и пытался даже показать, как они бормочут. Но то, что она сейчас услышала, звучало совсем по-другому — наверно, как древние печальные песнопения.

Вспомнив Лысого Пера, Рони невольно вспомнила и Маттиса, и Ловису, и у нее заныло сердце. Но она забыла свою боль, как только подошла наконец к скале и увидела костер. Да, на каменной площадке перед пещерой Бирк развел огонь, чтобы Рони не озябла прохладной весенней но-

чью. Огонь трепетал, освещая все вокруг. Рони заметила его еще издалека и вспомнила слова Маттиса, которые он любил повторять: «Где дом, там и огонь».

«Но можно сказать и наоборот: «Где огонь, там и дом», — подумала Рони. Отныне Медвежья пещера будет их домом!

Бирк спокойно сидел у костра и жевал жареное мясо. Он нацепил еще один кусочек на прутик и протянул его Рони.

— Я давно уже тебя жду, — сказал он. — Поешь, прежде чем начнешь петь Волчью песнь.

11

Как только они улеглись, каждый на свою подстилку из еловых ветвей, Рони попыталась спеть для Бирка Волчью песнь. Но, когда она вспомнила, как Волчью песнь пела Ловиса для нее и Маттиса в то счастливое время, когда в замке все было еще по-старому, ее охватила такая тоска, что пресекся голос.

Да и Бирк уже почти заснул. Поджидая Рони, он весь день убирал пещеру после медведей, которые проспали там зиму. Потом он принес из лесу сухих дров для костра и свежих еловых ветвей для постелей. Одним словом, целый день он трудился не покладая рук, поэтому его так быстро одолел сон. Но Рони еще не спала. В пещере было темно и холодно, и все же она не мерзла. Бирк прикрыл еловый лапник, который настелил для нее, козьей шкурой, а она принесла из дома свое одеяло, сшитое из беличьих шкурок. Постель получилась мягкой, теплой, уютной, и не спала Рони вовсе не потому, что озябла. Просто ей никак не удавалось заснуть.

Она долго лежала с открытыми глазами, и на

душе у нее было вовсе не так весело, как она ожидала. Но через вход в пещеру она видела светлеющее весеннее небо, слышала, как река гудит там внизу, в своем каменном русле, и от этого ей стало легче.

«То же самое небо и над нашим замком, — думала она, — и та же река гудит совсем как дома...»

И Рони заснула.

Они оба проснулись, когда солнце поднималось над рекой. Огненным шаром выкатывалось оно из густого утреннего тумана и, словно пожар, освещало ближние и дальние леса красным заревом.

— Я так озяб, у меня зуб на зуб не попадает, — сказал Бирк. — Но на рассвете холодней всего, скоро потеплеет. Ты рада?

— Костру я бы больше радовалась, — сказала Рони.

Она тоже дрожала от холода. Бирк раздул угли, которые все еще тлели под теплой золой. Они уселись у костра и стали есть хлеб, запивая его козьим молоком, которое Рони принесла с собой в деревянной фляге. Когда они допили молоко, Рони сказала:

— Теперь будем пить только воду из родника.

— Да, здесь не растолстеешь, — подхватил

Бирк. — Но от этого не умирают.

Они взглянули друг на друга и рассмеялись. Их жизнь в Медвежьей пещере будет нелегкой, но это их нисколько не пугало. Рони уже забыла, что она так тосковала ночью. Они поели и согрелись, к тому же утро выдалось на редкость ясное, и они были свободны, как птицы. Только теперь они это ощутили. Все, что их угнетало и давило, осталось позади, и, не сговариваясь, они решили никогда больше не вспоминать о том, что было.

— Рони, — сказал Бирк, — ты понимаешь, как мы свободны? Так свободны, что хочется смеяться!

— Ага, и все это вокруг — наше царство, — сказала Рони. — Никто не может его у нас отнять или

прогнать нас отсюда.

Они сидели у огня, пока не поднялось солнце, а внизу, у подножия скалы, гудела река и просыпался лес. Верхушки деревьев чуть дрожали от утреннего ветерка, где-то куковала кукушка, рядом дятел стучал по стволу кедра, а семейство лосей вышло на водопой. Рони и Бирку казалось, что им принадлежит и река, и лес, и все-все, что там живет.

— Заткни уши, Бирк, — сказала вдруг Рони. — Потому что я сейчас закричу. Это будет мой весенний крик!

И она закричала так громко, что эхо прокатилось по всем горам и долам.

— Знаешь, Рони, о чем я сейчас думаю? Надо успеть принести сюда мой арбалет, прежде чем слетятся на твой крик все злобные друды.

— Твой арбалет? — спросила Рони. — Откуда? Из башни Борки?

— Нет, — сказал Бирк, — из леса. Я не мог притащить сюда все сразу. Кое-что из вещей я спрятал внизу, в дупле, надо за ними сбегать.

— А мне Маттис еще не разрешал брать арбалет, — сказала Рони. — Но если ты дашь мне ножик, я сама сделаю себе лук.

— Ага, но только смотри не потеряй его! Это

у нас самая ценная вещь. Без ножа мы в лесу пропадем!

— Да, есть вещи, без которых невозможно жить в лесу. Вот, например, бадейка для воды. Ты о ней подумал?

— Что толку, что я думал. Воду-то все равно носить не в чем.

— А я знаю, где ее взять.

— Ну?

— У родника в лесу, чуть пониже Волчьей Пасти. Туда ходит Ловиса за целебной водой. Вчера она послала Стуркаса за водой для Лысого Пера, у него живот заболел. Но за Стуркасом погнались две злобные друды, и он прибежал в замок без бадейки. Ловиса непременно заставит его сегодня за ней сходить, уж поверь мне. Но может, я успею прибежать туда до него.

И, не теряя ни минуты, оба они побежали вниз, а потом по лесу. И все же прошло немало времени, прежде чем они вернулись в Медвежью пещеру. Рони притащила бадейку, а Бирк — арбалет и все остальные вещи, которые он накануне спрятал в дупле. Все свои богатства он разложил на скалистой площадке перед входом в пещеру, чтобы показать их Рони: топор, брусок, котелок, рыболовные снасти, силки для ловли птиц,

стрелы для арбалета и короткое копье — одним словом, самые необходимые предметы для тех, кто живет в лесу.

— А ты, оказывается, знаешь, что лесные жители сами добывают себе еду и защищаются от злобных друд и разных хищников, — сказала Рони.

— Конечно, знаю, — сказал Бирк. — Мы…

Но договорить он не успел, потому что Рони схватила его за руку и с испугом прошептала:

— Тсс! Там кто-то есть. В пещере!

Затаив дыхание, они прислушались. Да, в глубине пещеры действительно слышался шорох, видно, кто-то воспользовался тем, что они так надолго ушли, и прокрался туда. Бирк схватил копье. Они стояли не шелохнувшись, вслушиваясь в непонятные звуки.

В пещере явно кто-то ходил, и они испугались, потому что не знали, кто же это там ходит. Потом им показалось, что в пещере ходит уже не одно существо, а много, что вся пещера кишмя кишит какими-то неведомыми тварями. Быть может, там притаились злобные друды? И вдруг они всей стаей, разом, вылетят оттуда и начнут терзать их своими острыми когтями? Ни у Рони, ни у Бирка больше не было сил ждать и прислушиваться.

— Прочь, мерзкие твари! — закричал Бирк. — Вылетайте, если не боитесь самого острого копья в этом лесу!

Но никто не вылетел. Зато послышалось злобное шипение:

— Ч-человеки в лес-су с-серых гномов-в-в! Вс-с-се с-с-серые гном-м-мы, кус-с-сайте и бейте их! Кус-с-сайте и бейте их!..

Рони прямо зашлась от злости:

— Вон из нашей пещеры! Убирайтесь, серые гномы!.. Проваливайте, не то я вырву все ваши космы!

И тут серые гномы в испуге толпой выбежали из пещеры. Они злобно глядели на Рони, щелкали языками и шипели, а она в ответ шипела на них. А когда Бирк пригрозил им копьем, они сломя голову ринулись вниз, цепляясь за выступы отвесной скалы, чтобы не сорваться. Многим все же не удавалось удержаться, — они испуганно пищали и плюхались в пенистую воду реки. Бурное течение уносило серых гномов целыми стайками. Но в конце концов они хоть и с трудом, но все же выбирались на берег.

— Гляди, как они здорово плавают! — воскликнула Рони.

— И хлеб едят не хуже! — добавил Бирк, когда, зайдя в пещеру, обнаружил, что эта нечисть слопала весь большой каравай.

Правда, других пакостей они натворить не успели, но то, что они побывали в пещере, уже было большой неприятностью.

— Дело дрянь! — сказала Рони. — Теперь во всем лесу только и будет разговоров, что про нас с тобой, про то, что мы живем в этой пещере, и каждая злобная друда будет знать, где нас найти.

Но в лесу нельзя бояться, это Рони твердили с детства. И оба они — и Бирк, и она — считали, что тревожиться заранее просто глупо. Поэтому они преспокойно убрали в пещеру все свои припасы, и оружие, и все прочее. Потом они сходили за родниковой водой и закинули сеть в реку. На берегу они нашли плоские камни и сложили из них у входа в пещеру настоящий очаг. Только после этого они отправились далеко в лес за можжевельником, чтобы сделать Рони лук. По дороге они увидели диких коней, которые паслись на поляне. Причмокивая и приманивая их ласковыми словами, попытались они подойти к Хитрюге и Дикарю, но ничего не вышло. Ни тот, ни другой

жеребенок не собирались водить с ними дружбу. Легким скоком умчались они в гущу леса, где им никто не мешал спокойно щипать траву.

Остаток дня Рони просидела перед входом в пещеру, налаживая лук и выстругивая стрелы. На тетиву она пустила кусок своего кожаного ремешка. Потом долго и терпеливо училась стрелять из лука и в конце концов загубила обе стрелы. Она искала их в кустах до темноты, но безуспешно. Однако это ее не очень огорчило.

— Пустяки, завтра выстругаю новые.

— Смотри только не потеряй ножик, — снова предупредил ее Бирк.

— Ага, я знаю, это самое ценное, что у нас есть. Нож да еще топор.

И вдруг они заметили, что уже наступил вечер. И почувствовали, что сильно проголодались. День прошел в хлопотах, все время ушло на какие-то дела. Они куда-то ходили, что-то приносили, за чем-то бегали, все складывали, приводили в порядок, и у них не было даже минутки, чтобы почувствовать голод. Зато теперь они до отвала наелись хлеба с козьим сыром и копченым мясом. Потом запили еду холодной ключевой водой.

В это время года темнело поздно. Но усталость в теле говорила, что день окончился и что пришла

пора спать.

В темноте пещеры Рони спела для Бирка Волчью песнь, и, представьте, на этот раз получилось лучше. Но ей снова стало грустно, и она спросила Бирка:

— Как ты думаешь, о нас вспоминают в замке? Наши родители? А?

— По-моему, было бы странно, если бы не вспоминали, — ответил Бирк.

У Рони перехватило горло, и она помолчала, прежде чем смогла продолжить разговор:

— Быть может, им грустно?

Бирк подумал и сказал:

— Наверно, но только каждый грустит по-своему. Ундиса, конечно, грустит, но еще больше злится. А Борка места себе не находит от ярости, и все же печали в нем больше, чем злобы.

— Ловисе очень грустно, это я знаю, — сказала Рони.

— А Маттису? — спросил Бирк.

Рони долго молчала, потом сказала:

— Думаю, он рад, что я ушла. Легче будет меня забыть.

Ей хотелось верить в то, что она сказала. Но сердцем чувствовала, что это не так.

Ночью ей приснился Маттис. Он сидит на пень-

ке в густом лесу и так горько плачет, что от слез его образовался бочажок, на самом дне которого она сама, но маленькая, как в раннем детстве, играет шишками и камешками, которые он ей принес.

12

На следующее утро ребята чуть свет отправились к реке, чтобы проверить улов.

— Сеть надо вытаскивать раньше, чем закукует кукушка, — сказала Рони.

Она весело скакала по тропинке перед Бирком. Это была узенькая тропинка, которая петляла по молодому березняку, дружно сбегающему вниз по крутому откосу. Рони жадно вдыхала аромат нежных березовых листочков — как замечательно пахнут они весной! Поэтому она скакала и радовалась.

Бирк не спеша шел за ней, он еще не вполне проснулся и не сразу ответил:

— Если вообще есть смысл ее вытаскивать. Ты думаешь, там много рыбы?

— Знаешь, тут полно лососей, — сказала Рони. — Вот было бы отлично, если бы хоть один попался в нашу сеть.

— Отлично было бы, моя милая сестра, если бы ты не плюхнулась в воду.

— И это будет мой первый весенний плюх!

— Ага, весенний плюх! — воскликнул он со сме-

хом. — Эта тропинка прямо создана для весенних плюхов. Кто ее протоптал? А?

— Маттис. А кто же еще? — ответила Рони. — Давным-давно, когда он еще перебирался летом в Медвежью пещеру. Ой, как он любит лососину! С детства он считал ее лучшим лакомством.

И Рони замолчала. Сейчас ей не хотелось думать о том, что любит или чего не любит Маттис. Тут ей вспомнился ее сон — его она тоже хотела как можно скорее забыть. Но эти мысли, словно назойливые мухи, все возвращались и возвращались. Пока она не увидела бьющегося в сети, сверкающего чешуей лосося. Вот так рыбина! Такой хватит на неделю, не меньше. Выпутывая здоровенного лосося из сети, Бирк радостно сказал:

— Теперь голодная смерть тебе не угрожает, сестра моя. Это точно.

— Точно, — сказала Рони. — Но только до тех пор, пока не наступит зима.

Однако до зимы было еще далеко, что сейчас о ней думать?.. Пока хватает и других забот.

Они потащили лосося наверх, к пещере. Выпотрошенный, покачивался он на палке, пропущенной сквозь его жабры. Кроме того, они еще прихватили и поваленную порывом сильного ветра березку, подвязав ее комель ремешками к своим поясам. Они как бы впряглись в нее и, словно пара дружных коней, поволокли тяжелый

ствол на гору. Ведь без толстого дерева им теперь не обойтись. Надо выдолбить миски и смастерить другие предметы домашнего обихода.

Перед тем как тащить березку наверх, Бирк обрубил у нее все ветви, но при этом топор выскочил у него из рук и оцарапал ногу. Из ранки брызнула кровь, и Бирк оставлял за собой по тропинке кровавый след, но он не обращал на это никакого внимания.

— Пустяки! — сказал он. — Потечет — перестанет.

— А ты не задавайся! — сказала Рони. — Может, сюда забредет медведь, учует запах крови и побежит по твоему следу, полакомиться.

Бирк рассмеялся:

— А моим копьем он не хочет полакомиться?

— Ловиса, — задумчиво проговорила Рони, — всегда прикладывала к кровоточащим ранам сухой белый мох. Пожалуй, мне тоже надо им запастись, кто знает, когда ты снова рубанешь себя топором.

И Рони в тот же день принесла из леса немного мха и разложила его на солнце, чтобы высушить. А Бирк за это время поджарил большую рыбину. Лососины они наелись до отвала. Много дней кряду они только и делали, что жарили лососей да

выдалбливали березовые миски. Заготовить для них чурбаки было делом нехитрым. Вот дети и рубили по очереди топором, и уже через несколько дней перед входом в пещеру лежали штук пять отличных чурбачков, которые, казалось, только и ждали того, чтобы стать мисками. Поначалу они решили выдолбить пять штук. Однако уже на третий день Рони вдруг спросила:

— Как ты считаешь, Бирк, что хуже: давиться жареной лососиной или долбить ножом дерево до кровавых мозолей на ладошках?

Бирк не знал, что ответить — и то и другое вызывало у него одинаковое отвращение.

— Эх, была бы стамеска! Резать дерево ножиком — мартышкин труд.

Ведь кроме ножа у них ничего острого не было, и они, сменяя друг друга, старательно долбили чурбаки, пока не получалось нечто отдаленно напоминающее миску.

— Клянусь, что никогда в жизни больше не возьмусь за миску! — воскликнул Бирк. — Давай сюда нож. Я наточу его в последний раз.

— Нож? — переспросила Рони. — Он у тебя.

Бирк покачал головой.

— Нет, ты его взяла. Где он?..

— Нету у меня ножа, — сказала она. — Ты что,

не слышишь? Нету.

— Куда ты его дела?

Рони разозлилась:

— Это ты его куда-то задевал, а не я. Ты последний строгал.

— Нет, ты, — сказал Бирк.

Рони помрачнела и молча принялась искать нож. Она искала везде: и в пещере, и на площадке, и снова в пещере, и снова на площадке. Ножа нигде не было.

Бирк недобро взглянул на Рони.

— Я тебя предупреждал: без ножа мы в лесу пропадем.

— Во-первых, — сказала Рони, — надо было тебе лучше за ним глядеть. А во-вторых, только гады валят с больной головы на здоровую.

Бирк побледнел.

— Ну что, дочь разбойника, верна себе? Чуть что — выпускаешь когти! И я почему-то должен дружить с тобой!

— А кто тебе велит, разбойник из шайки Борки! Дружи со своим ножом, если сумеешь его найти… А вообще, катись-ка ты ко всем чертям!..

И, громко всхлипнув, она выскочила из пещеры. Бежать, бежать в лес, хоть в тартарары, только не видеть этого гада. Никогда не видеть!

И никогда больше не говорить с ним.

Бирк глядел ей вслед и злился все больше и больше.

— Вот-вот, — кричал он, — пусть тебя утащат злобные друды, ты с ними одной породы!

Тут взгляд его упал на мох, который подсыхал

на солнце. Глупая выдумка Рони! И Бирк со зла раскидал его ногами. Подо мхом лежал нож. Он долго глядел на него, прежде чем поднять. Ведь они так старательно искали его везде, и во мху, к слову сказать, тоже. Как же нож оказался здесь и по чьей вине?

В том, что они натаскали на площадку этот дурацкий мох, виновата была Рони. Это ее затея. Да и вообще она какая-то ненормальная, упрямая как осел. Вот пусть теперь побродит по лесу, пока не одумается.

Бирк методично точил нож, пока он снова не стал острым. Потом несколько раз подкинул его на ладошке и почувствовал, как надежно и удобно лежит он в руке. Отличный нож, который к тому же и не пропал. Зато злость у Бирка пропала, исчезла за то время, что он возился с ножом. Теперь все в порядке. Нож есть. Вот только Рони нету. Неужели поэтому у него так ноет в груди? «Дружи со своим ножом!» — вот что она ему крикнула. И злость вспыхнула в нем с новой силой… А собственно говоря, где она собирается жить в лесу? Конечно, его это не касается. Она может бегать, где ей заблагорассудится… И если она не вернется, причем скоро, пусть пеняет на себя. Да он ее теперь просто не пустит в Медвежью

пещеру. Ни за что! И ему захотелось немедленно ей это сказать. Но не станет же он из-за нее бегать по лесу как сумасшедший. Конечно, она скоро вернется и будет просить, чтобы он пустил ее назад, и вот тогда он ей скажет: «Раньше надо было приходить, теперь поздно. Вот так!!!»

Эту фразу он произнес вслух, чтобы услышать, как она звучит, и испугался. Разве можно так говорить со своей сестрой! Правда, она сама этого хотела. Он, что ли, выгнал ее? Чтобы убить время, Бирк съел немного лососины. Первые несколько дней рыба казалась необычайно вкусной, но теперь, когда ее ели уже десять дней кряду, она просто в горло не лезла.

Но все же это хоть какая-то еда. А что съешь, мотаясь по лесу? Что ест Рони? Небось только коренья да съедобные листья, если она их находит. Но это тоже его не касается. Пусть бродит по лесу, пока не погибнет. Значит, она этого хочет, раз не возвращается.

Время шло, и без Рони было до ужаса пусто.

Бирк не знал, чем себя занять. А ноющая боль в груди все усиливалась.

Он видел, что с реки начал подниматься туман. И вспомнил, как однажды боролся из-за Рони с подземными духами, которые приманили ее своим пением. Она так сурово обошлась с ним тогда, даже укусила в щеку! У него так и остался небольшой шрам. Но до чего же она ему все-таки нравится! Да, она понравилась ему с первого взгляда. Но Рони этого не знала. Он никогда ей этого не говорил. А теперь уже поздно. Теперь ему придется жить одному в этой пещере. Со своим ножом… И как только она могла сказать ему такие злые слова? Он, не задумываясь, швырнул бы этот злополучный нож в реку, только бы Рони вернулась, теперь он это хорошо понимал.

По вечерам над рекой часто поднимался туман, пугаться тут не из-за чего. Но разве можно быть уверенным, думал он, что туман этот не по всему лесу? И тогда подземные духи из своих глубин снова начнут заманивать Рони своим пением. А кто ее удержит? Но ведь теперь и это его уже не касается. Ладно, будь что будет, он не в силах больше ждать ее. Он должен бежать за ней в лес. И во что бы то ни стало найти Рони.

Бирк бежал так долго, что у него перехватило

дыхание. Он искал ее на всех тропинках и во всех местах, где она, как ему казалось, могла бы скрываться. Он выкрикивал ее имя так громко, что пугался звука своего голоса. К тому же он боялся привлечь внимание любопытных злобных друд.

«Пусть тебя утащат злобные друды!» — крикнул он ей вслед. И чувство жгучего стыда охватило его, когда он вспомнил об этом. Возможно, они и унесли Рони, раз ее теперь нигде нет. А может, она с повинной вернулась в замок? Может, бухнулась на колени перед Маттисом и просит его, и молит, чтобы он простил ее, глупую, и разрешил жить дома и снова быть его дочкой? А вот разрешения вернуться назад, в Медвежью пещеру, она никогда не попросит и молить не будет, ведь она тоскует только по Маттису. Бирк это знает, хотя она и старалась скрыть от него свои чувства. Теперь она, наверное, радуется, что нашла повод сбежать из Медвежьей пещеры и бросить его. А ведь он хотел стать ее братом!

Больше искать смысла не имело. Это ясно! Ничего не оставалось, как только вернуться назад, в пещеру. Одному, как это ни горько!

Весенний вечер был прекрасен, как чудо, но Бирк не замечал его красоты. Он не ощущал благоухания трав и листьев, не слышал, что поют

птицы, не видел цветов на полянках и чувствовал только, что его сердце сжимается от горя.

Вдруг он услышал, что где-то далеко заржала лошадь. Будто в смертельном страхе. Он побежал в ту сторону, а ржание звучало все громче, все отчаяннее. Наконец он увидел, что посреди маленькой полянки, окруженной елями, стоит кобыла, а из рваной раны на ее шее струится кровь. Кобыла испугалась Бирка, он это заметил, но не убежала, а только закричала еще отчаянней, словно прося у него и помощи и защиты.

— Бедняга, — сказал Бирк. — Кто это тебя так?..

И тут появилась Рони. Она выбежала из ельника и понеслась навстречу Бирку. Слезы текли по ее щекам.

— Ты видел медведя? — крикнула она. — Ой, Бирк, он задрал ее жеребеночка, он убил его!

И хоть Рони горько плакала, Бирк не помнил себя от радости. Рони жива, невредима, ее не тронул медведь. Какое счастье! Ни злые друды, ни Маттис не отняли ее у него.

Рони стояла возле кобылы и с ужасом глядела, как из раны на шее течет кровь. Потом голос Ловисы как бы заговорил в ней, она разом поняла, что нужно делать.

— Белый мох! Принеси его поскорее, не то она

изойдет кровью! — крикнула Рони Бирку.

— А ты? Ты не можешь здесь остаться одна, если медведь поблизости.

— Беги в пещеру, беги! — кричала Рони. — Я должна остаться с кобылой, ей нужна сейчас ласка. И белый мох! Ну, беги, Бирк, быстро!

И Бирк побежал. А пока его не было, Рони обнимала лошадь за шею и шептала ей в ухо, как умела, ласковые слова. И кобыла стояла не двигаясь, словно понимала их. Она больше не ржала, правда, может, оттого, что слишком ослабела. Время от времени все ее тело сотрясала судорога. Медведь нанес ей ужасную рану. Бедняжка пыталась защитить своего жеребенка, но медведь его все равно задрал. И может, теперь лошадь чувствовала, как и из нее по каплям, медленно, но неумолимо вместе с кровью вытекает сама жизнь. Темнело. Скоро спустится ночь, и, если Бирк сейчас не вернется, бедная кобыла больше не увидит солнца.

Но Бирк вернулся и принес большую охапку белого мха. Никогда еще Рони не была так рада Бирку, это она ему когда-нибудь обязательно скажет, но не теперь, теперь надо действовать. И побыстрей!

Они вместе приложили белый мох к ее ране и увидели, что он тут же намок от крови. Тогда они положили сверху еще слой и закрепили его, как смогли, своими ремешками. Кобыла покорно стояла и не мешала им — она, видно, понимала, что ее лечат. А вот лохматый тюх, который выглядывал из-за ближайшей ели, этого не понимал.

— Зачемханцы выханцы такханцы делаетеханцы? — мрачно спросил он.

Рони и Бирк обрадовались, увидев лохматого тюха, потому что это означало, что медведь ушел. Ведь медведи и волки боятся лесной нечисти. Ни лохматым тюхам, ни темным троллям, ни злобным друдам, ни серым гномам нечего остерегаться хищных зверей. Учуяв их запах, медведь в страхе припускается в лесную чащу так, что только пятки сверкают.

— Жеребенокханцы, — проговорил лохматый тюх, — большеханцы неханцы прыгаетханцы. Нетуханцы егоханцы.

— Это мы знаем, — печально ответила Рони.

Всю ночь они не отходили от кобылы, почти не спали и окоченели, но даже не замечали этого. Они сидели рядышком под густой елью. И говорили о чем угодно, но только не о ссоре. Словно они о ней забыли. Рони собиралась рассказать

Бирку про то, как медведь задрал жеребенка, но не смогла, это было слишком тяжело.

— Да в любом лесу это случается, — сказал Бирк.

После полуночи они сменили мох на ране, потом немножко поспали и проснулись, когда стало светать.

— Гляди, рана уже не кровоточит. Мох сухой, — сказала Рони.

Они отправились к своей пещере, ведя за собой кобылу. Ведь нельзя же было оставить ее одну. Бедняга с трудом передвигала ноги, но все же охотно шла.

— На такую крутизну даже не всякая здоровая лошадь поднимется, — сказал Бирк. — Где мы ее поставим?

Неподалеку от пещеры был родничок, он вился между корнями елей и берез. Там они обычно брали воду. И теперь привели туда кобылу.

— Пей, — сказала Рони, — чтоб у тебя новая кровь прибывала.

Кобыла долго и жадно пила. Потом Бирк привязал ее к дереву.

— Тебе придется остаться у нас, пока не заживет рана, — сказал он. — Здесь тебе ничего не грозит.

— Не убивайся так. — Рони погладила ко-

былу. — На будущий год у тебя будет другой жеребеночек.

И тут она увидела, что из сосцов кобылы капает молоко.

— Это молоко для твоего жеребенка, но теперь ты можешь его нам отдать.

Рони побежала в пещеру и вернулась с деревянной миской. Вот наконец и она пригодилась.

И она подоила кобылу. Набралась полная миска молока. Для кобылы было большим облегчением, что ее набрякшее вымя опустело. А Бирк очень любил молоко.

— Теперь у нас появилось домашнее животное, — сказал он. — Лошади надо дать имя. Как бы ее назвать?

— Давай назовем ее Лита, — предложила Рони, не задумываясь. — У Маттиса в детстве была кобыла, которую так и звали — Лита.

Оба решили, что Лита — отличное имя для кобылы, которая, это уже было ясно, не умрет от потери крови. Они нарвали травы, принесли Лите, и она стала жадно есть. И только тут Бирк и Рони почувствовали, что они сами голодны. Им пора возвращаться назад, в пещеру, и отдохнуть.

Когда они уходили от Литы, кобыла повернула голову и тревожно поглядела им вслед.

— Не бойся, — крикнула Рони, — мы скоро вернемся. И спасибо тебе за молоко.

Пить свежее молоко, да еще охлажденное в роднике, — что может быть лучше! Они сидели на площадке перед входом в пещеру, ели хлеб, запивали его молоком и глядели, как всходит солнце.

— Жаль только, что у нас нет ножа, — сказала вдруг Рони.

И тогда Бирк вынул нож из кармана и протянул ей.

— Я нашел его, — сказал Бирк. — Он лежал себе под мхом и тихонько ждал, пока мы ссорились.

Рони долго сидела молча, потом сказала:

— Знаешь, о чем я думаю? О том, как легко все разрушить, и из-за чепухи…

— Вот и давай теперь, — сказал Бирк, — остерегаться чепухи… А знаешь, о чем я думаю? О том, что ты мне дороже, чем тысяча ножей!

Рони поглядела на него и улыбнулась:

— Ты что, обалдел, что ли?

Так Ловиса говорила иногда Маттису.

13

Мелькали дни, весна сменилась летом, пришла жара. И дожди. Несколько суток подряд дождь хлестал как из ведра, и лес напился до отвала и стал свежим и зеленым, как никогда прежде. А когда дождевые тучи ушли и снова засветило солнце, лес заблагоухал такими ароматами, что Рони спросила Бирка, пахнут ли другие леса, как их лес. И Бирк ответил, что, скорее всего, нет.

Рана у кобылы давно уже зажила. Они отпустили Литу на волю, она теперь жила в табуне диких лошадей, но молоко у них было по-прежнему. Под вечер табун всегда пасся на лужайке недалеко от пещеры, и каждый вечер Рони и Бирк ходили на эту лужайку и звали: «Лита! Лита!» Она откликалась, и ребята шли на ее ржание. Она хотела, чтобы ее доили.

Остальные лошади в табуне тоже скоро привыкли к ним, к этим человеческим детенышам, и больше их не боялись. Пока Рони доила Литу, другие лошади подходили совсем близко и с любопытством глядели на них — прежде они никогда ничего подобного не видели. Хитрюга

и Дикарь тоже частенько подходили к ним чуть ли не вплотную, так что Лита прижимала уши и, казалось, вот-вот рассердится. Но их это ничуть не смущало. Резвясь, кони толкали друг друга, прыгали, вставали на дыбы — ведь они были еще жеребята и им просто хотелось поиграть. И вдруг они ни с того ни с сего срывались с места, галопом мчались к лесу и скрывались в чаще.

Но на следующий вечер кони снова паслись на лужайке и ни на шаг не отходили от Литы, пока ее доили. Бирк и Рони всегда разговаривали с Хитрюгой и Дикарем, и в конце концов жеребята настолько освоились, что позволяли себя погладить. Бирк и Рони гладили их весьма усердно, и это как будто очень нравилось молодым коням. И все же в их глазах была не покорность, а нечто вроде «нас не проведешь!».

Но вот однажды настал вечер, когда Рони сказала:

— Помнишь, я решила скакать верхом — значит пора начинать.

В этот вечер Литу доил Бирк, а Хитрюга и Дикарь, как обычно, стояли рядом и глазели.

— Ты слышал, что я сказала?

Она обращалась к Хитрюге. И вдруг схватила его за гриву и взлетела ему на спину. Он сбросил

ее, но не так мгновенно, как в первый раз. Но теперь она была к этому уже подготовлена и знала, чего ей ждать. Когда же она снова вскочила ему на спину, он долго прыгал, лягался, но никак не мог ее скинуть. Правда, в конце концов ему это все же удалось, и Рони, вскрикнув от злости, снова очутилась на траве. К счастью, расшиблась она не сильно, хоть и больно стукнулась о землю.

— Ты как был Хитрюгой, так им и остался, — сказала она, вставая и потирая локоть. — Но учти, я не сдамся!

Она и в самом деле не сдалась. Каждый вечер, подоив Литу, Рони и Бирк пытались все снова и снова подчинить себе коней. Но кони оказались просто необучаемыми, и Рони тысячу раз летела на землю, ловко сброшенная Хитрюгой.

— Теперь у меня все тело болит, просто живого места нет, — сказала она и шлепнула Хитрюгу по крупу. — И это твоя работа, наглец.

Хитрец спокойно стоял — казалось, он был очень доволен.

А Бирк тем временем продолжал свое единоборство с Дикарем. Дикарь был таким же своенравным конем, как и Хитрюга, но у Бирка все-таки хватало силы удерживаться у него на спине. Да, он, представьте, усидел верхом, держась за холку, и Дикарь, вконец выбившись из сил, сдался.

— Гляди, Рони, — крикнул Бирк. — Он больше не вскидывается!

Дикарь испуганно косился, ржал, но с места не трогался. А Бирк все оглаживал его и так безудержно расхваливал, что Рони даже возмутилась:

— Нечего уж так распинаться, он такой же наглец, как мой Хитрюга, и все.

Ее злило, что Бирк совладал со своим конем раньше, чем она со своим. А ей все никак не удавалось одолеть Хитрюгу. Но еще больше она разозлилась, когда на следующий вечер Бирк велел ей подоить Литу, хотя был его черед, и, пока она послушно стояла на коленях возле кобылы, он гарцевал вокруг на своем Дикаре, выхваляясь, какой он молодец.

— Ну ладно, — сказала вдруг Рони, — синяки синяками, а вот кончу доить, и мы покажем, как скачут верхом.

И она показала. Хитрюга, ничего не подозревая, мирно пасся неподалеку. Он и опомниться не успел, как Рони снова оказалась у него на спине. До чего же это ему не понравилось! Но как он ни старался ее скинуть, как ни взвивался на дыбы, как ни лягался, ничего у него не получалось, и от этого он становился все более злым и строптивым. Ну нет, на этот раз ему с ней не справиться, это Рони твердо решила. Она крепко вцепилась в его гриву, впилась коленками в его бока и, несмотря на все ухищрения Хитрюги, усидела. И тогда он во весь опор понесся с ней в лес. Ветки молодых сосенок и елей хлестали ее по ушам.

Да-да, Хитрюга мчался таким диким галопом, что Рони в страхе закричала:

— Помогите!.. Он меня убьет!.. Помогите!..

А Хитрюга просто обезумел. Он мчался вперед, словно спасал свою жизнь, и Рони понимала, что в любой момент он может скинуть ее на землю и она сломает себе шею.

Бирк на Дикаре помчался за ними следом. Этот жеребенок не знал себе равных в беге. Он скоро догнал Хитрюгу и перегнал его. Тогда Бирк вдруг осадил своего коня. И Хитрюга, который мчался за ним следом, тоже остановился, да так резко, что Рони едва не перелетела через его голову. Но она все же не выпустила гривы из рук и тут же выпрямилась, будто сидела в седле. Хитрюга стоял смирно и тяжело дышал, он был явно озадачен. Бес строптивости покинул его. Взмыленный, он дрожал мелкой дрожью. И вот тогда Рони стала оглаживать его по спине, похлопывать ладонью по крупу и хвалить за то, что он так замечательно скакал.

— А по-настоящему, — сказала Рони, — надо бы тебе всыпать как следует. Просто чудо, что я осталась жива!

— Еще большее чудо, что мы едем верхом, — сказал Бирк. — Теперь оба эти негодяя знают, что

от них требуется, кого здесь надо слушаться.

Неторопливой рысцой вернулись они к Лите, взяли надоенное молоко и отпустили Хитрюгу и Дикаря отдохнуть и порезвиться, а сами пошли к пещере.

— Бирк, по-моему, Лита дает теперь меньше молока, чем прежде, — сказала Рони.

— Скоро у нее совсем пропадет молоко. Она, видно, ждет нового жеребеночка.

— И мы снова будем пить одну родниковую воду. Да и хлеб у нас тоже скоро кончится.

Мука, которую Рони принесла из дому, была на исходе. В последний раз они испекли лепешки на камнях в своем очаге. Правда, в Медвежьей пещере еще было немного черствого хлеба, но надолго его не хватит. И все же это не означало, что им угрожает голод. Ведь вокруг раскинулось так много озерец с рыбой, да и дичи в лесу еще полным-полно. Тетеревом или глухарем они всегда разживутся, если нечего будет есть. Рони сушила также съедобные травы и листья — одним словом, собирала все, что можно есть, этому она научилась у Ловисы. И теперь уже поспевала земляника. Полянки краснели от спелых ягод — казалось, они сами излучают свет. А вскоре, глядишь, и черника поспеет.

— Нет, голодать нам не придется, это точно, — сказала Рони. — Но хлеба и молока нам будет все-таки здорово не хватать.

День, когда у них не стало хлеба и молока, наступил раньше, чем они ожидали. Конечно, Лита по-прежнему отвечала им, когда они окликали ее вечером на поляне, но она уже не хотела, чтобы ее доили, это они заметили. Теперь Рони выдаивала всего по нескольку капель, и всем своим поведением Лита явно давала понять, что доить ее больше не следует. И тогда Рони обхватила ее голову руками и заглянула ей в глаза.

— Спасибо тебе, Лита, за молоко, которое ты нам давала. На следующий год у тебя будет новый жеребенок, ты это знаешь? И тогда снова появится молоко, но, правда, не для нас, а для твоего жеребенка.

Рони погладила кобылу. Ей хотелось верить, что Лита поняла ее слова, и, обернувшись к Бирку, она сказала:

— Ты тоже должен ее поблагодарить.

Бирк так и сделал. Они долго еще стояли возле Литы, а когда стало смеркаться и они пошли наконец к пещере, кобыла проводила их часть пути. Казалось, она понимает, что пришел конец этому удивительному приключению, которое никак не вписывалось в ее жизнь дикой лошади. Маленькие люди, которые с ней так хорошо обошлись, уходили теперь от нее, а она стояла и смотрела им вслед, пока они не исчезли в ельнике. Тогда она вернулась в свой табун.

Рони и Бирк видели ее иногда, когда приходили на поляну, чтобы скакать верхом, окликали ее, и она всегда отвечала им ржанием. Но ни разу больше она не покинула своего табуна и не подошла к ним. Она была дикой лошадью и никогда не станет домашним животным.

Зато Хитрюга и Дикарь неслись к Рони и Бирку галопом, едва их завидев. Скакать, обгоняя друг друга, с всадником на спине стало теперь для них самым большим удовольствием. А Рони и Бирк радовались этим веселым скачкам по лесу, уж конечно, не меньше коней.

Но вот однажды во время такой прогулки верхом за ними погналась злобная друда. И это повергло лошадей в такой неописуемый ужас, что управлять ими стало невозможно. В конце концов Рони и Бирку ничего не оставалось, как спрыгнуть на землю, отпустив лошадей на волю. Ведь без всадников Хитрюге и Дикарю опасаться было нечего: злобные друды ненавидели и преследовали только людей, а обитателей леса не трогали. Но Рони и Бирку угрожала серьезная опасность. Они это прекрасно понимали и испугались не на шутку. Они тут же разбежались в разные стороны, чтобы друда не смогла поймать их обоих вместе. А она по глупости своей наверняка захочет схватить их одновременно. И в этой их уловке была единственная надежда на спасение. Пока злобная друда гналась за Бирком, Рони успела спрятаться. А Бирк уже просто не знал, что ему делать, где притаиться. Но к счастью, друда вдруг вспомнила про Рони, заметалась в поисках девочки и на миг выпустила Бирка из поля зрения. Воспользовавшись этим, он тут же юркнул в щель между двумя валунами. Там он долго сидел, не решаясь пошевельнуться, — боялся, что эта мстительная тварь все же обнаружит его укрытие. Но оказывается, у злобных друд нет

памяти, для них существует только то, что они сейчас видят. Так как и Рони, и Бирк вдруг скрылись, она в тот же миг перестала искать людей, которым собиралась выцарапать глаза. Дрожа от злобы, она полетела назад, в горы, к своим сестрам. Бирк видел, как злобная друда взмыла ввысь и исчезла. Он подождал еще немного, убедился, что она не возвращается, и позвал Рони. Когда же Рони выползла из-под елки, они принялись плясать на радостях, что спаслись. Какое счастье! Ни одного из них злобная друда даже не царапнула, а ведь могла бы унести в свое логово на вершине горы, и им пришлось бы всю жизнь провести в заточении.

— Я знаю, — сказала Рони, — в нашем лесу бояться нельзя. Но если друда кружит прямо у тебя над головой и вот-вот коснется крыльями твоих ушей, то и вправду становится как-то не по себе.

Хитрюги и Дикаря, конечно, и след простыл, поэтому весь долгий обратный путь в Медвежью пещеру Рони и Бирку пришлось проделать пешком.

— Я готов всю ночь вот так шагать, — сказал Бирк, — только бы злобные друды не пугали тебя.

И они пошли по лесной тропинке, держась за

руки, и болтали не закрывая рта, веселые и возбужденные после страха, которого натерпелись. Темнело, наступал прекрасный летний вечер, и они говорили о том, как им хорошо здесь, в лесу, хотя где-то поблизости и существуют злобные друды. Как замечательно жить вот так, на воле — днем под солнцем, ночью под луной и звездами — и слышать тихий ход времен года: весну, которая уже прошла; лето, которое теперь в самом разгаре; осень, которая скоро наступит…

— Но зимой… — начала было Рони и осеклась.

Они видели, как лохматые тюхи, темные тролли и серые гномы шмыгают в кустах и с любопытством следят за ними из-за елок и валунов.

— А ведь всей этой нечисти тут хорошо зимой. Живут себе припеваючи, не зная ни забот, ни печали, — сказала Рони.

И снова умолкла.

— Сестра моя, сейчас лето, — ответил ей Бирк.

Да Рони и сама чувствовала всем своим существом, что сейчас лето.

— Эти дни я буду помнить до тех пор, пока не умру, — сказала она.

Бирк окинул взглядом лес, в котором уже сгустились сумерки, и почувствовал какое-то странное томление в душе. Он еще не понимал,

что томление это, которое он посчитал за грусть, и есть состояние восхищения красотой и покоем этого летнего вечера.

— Эти дни… — сказал он и поглядел на Рони. — Да, дни этого лета будут и во мне до конца моей жизни, это я знаю.

Наконец они дошли до Медвежьей пещеры. На площадке перед входом сидел Малыш Клипп и ждал их.

14

Да-да, там сидел Малыш Клипп. Плоский нос, волосы, торчащие во все стороны, всклокоченная борода — таким знала его Рони всю свою жизнь. Теперь он сидел здесь, на пороге пещеры, и ей казалось, что никого прекрасней она никогда не видела. С криком радости кинулась она ему на шею:

— Малыш Клипп! О, это ты!.. Как хорошо!.. Что… что ты пришел!.. — Рони была так счастлива, что не могла говорить.

— Знатный вид отсюда, — сказал Малыш Клипп. — И река, и лес — всё как на ладони.

Рони рассмеялась:

— Да, видно. Ты пришел полюбоваться на реку и на лес?

— Не! Ловиса послала меня тебе хлеб принести.

Он развязал кожаный мешок и вынул оттуда пять огромных круглых хлебов.

Тут Рони снова закричала:

— Бирк, гляди! Хлеб!.. У нас есть хлеб! — Она взяла один каравай, уткнулась в него лицом,

вдохнула его запах, и слезы выступили у нее на глазах. — Хлеб Ловисы, а я и забыла, что на свете бывает такое чудо!

Рони отломила краюху и впилась в нее зубами.

Она отломила кусок и Бирку, но он не взял, стоял мрачный, молчал, а потом ушел в пещеру.

— Ловиса подумала, что у тебя уже нет хлеба, — сказал Малыш Клипп.

Рони все ела хлеб — каким божественно вкусным казался он ей! И тут она остро почувствовала, что тоскует по Ловисе.

— Откуда Ловиса узнала, что я в Медвежьей пещере?

— Ты что, считаешь свою мать дурой, что ли? — фыркнул Малыш Клипп. — А где тебе еще быть?

Он испытующе поглядел на нее. Вот она, их Рони, их красивая маленькая Рони сидит здесь и уплетает хлеб, будто ей ничего в жизни больше и не надо. Теперь ему осталось только выполнить еще одно поручение. Ловиса велела это сделать как-нибудь похитрее, и Малыш Клипп не знал, с чего начать, потому что особой хитростью он не отличался.

— Послушай, Рони, — сказал он неуверенно. — А ты домой не собираешься?

Тут в пещере что-то грохнуло — это Бирк подал Рони знак, что слышит их разговор.

Но сейчас для Рони никого, кроме Малыша Клиппа, не существовало. Она так о многом должна была расспросить его, ей так много хотелось

узнать. Малыш Клипп сидел рядом с ней, поэтому, задавая вопросы, она глядела не на него, а только на реку и лес. И спрашивала так тихо, что Малыш Клипп едва ее слышал.

— Ну, как вам там в замке живется?

И Малыш Клипп сказал ей чистую правду:

— Печально у нас в замке, Рони. Возвращайся-ка ты домой!

Рони поглядела на реку и лес.

— Ловиса послала тебя, чтобы ты это сказал?

Малыш Клипп кивнул:

— Да!.. Тяжело нам без тебя, Рони. Все только и ждут, чтобы ты вернулась домой.

Рони поглядела на реку, на лес и тихо спросила:

— А Маттис? Он тоже ждет, чтобы я вернулась домой?

Малыш Клипп выругался:

— Чертов бык! Разве поймешь, что у него на уме и ждет ли он кого-нибудь или нет.

Они немного помолчали, а потом Рони спросила:

— А он хоть вспоминает обо мне?

Малыш Клипп насторожился. Вот именно сейчас, понял он, ему и надлежит проявить мужскую хитрость, поэтому он промолчал.

— Скажи мне все как есть, Малыш Клипп, Маттис хоть когда-нибудь произносит мое имя?

— Не, — нехотя выдавил из себя Малыш Клипп. — И никто другой в его присутствии не смеет назвать тебя по имени.

Экая незадача! Вот он и выболтал то, о чем Ловиса приказывала ему молчать. Да-да, ловко же эта девчонка из него все вытянула! И он с мольбой взглянул на Рони:

— Все будет в порядке, если ты вернешься в замок.

Рони замотала головой:

— Нет, домой я не вернусь! Никогда! Раз Маттис не считает меня своей дочкой! Скажи ему это, скажи так громко, чтобы все в замке услышали.

— Больно надо, — сказал Малыш Клипп. — Даже Лысый Пер не решится ему такое сказать. Ох-ох-ох, — продолжал Малыш Клипп. — А как Лысый Пер ослабел за последнее время, ужас! Да разве могло быть иначе при всех бедах, которые на нас обрушились? Маттис только и делает, что орет на всех. Кто бы что ни сказал, всё не по нем. И с разбоем дело обстоит хуже некуда. Лес битком набит солдатней, они тут на днях даже схватили Пельё. И фогт посадил его в карцер на хлеб да воду, а там, в карцере, уже сидели двое из шайки

Борки. И говорят, фогт дал честное слово, что до конца этого года выловит всех разбойников из здешних лесов и они, мол, понесут наказание по заслугам. А что это значит «наказание по заслугам»? — спросил Малыш Клипп. — Уж не надумал ли фогт всех нас казнить?

— И теперь он никогда больше не смеется? — спросила Рони.

Малыш Клипп поглядел на нее с изумлением:

— Кто? Фогт?

— Нет, Маттис.

И Малыш Клипп рассказал ей, что с того самого утра, когда она у всех на глазах перепрыгнула через пропасть, никто ни разу не слышал, чтобы Маттис засмеялся.

Малыш Клипп собрался уходить, пока окончательно не стемнело. Ему до ночи велено было вернуться в замок, и он заранее боялся предстоящего разговора с Ловисой. Поэтому он еще раз решился попросить Рони:

— Слушай, Рони, возвращайся-ка лучше домой, сделай это для меня, очень тебя прошу. Вернись! Ну, вернись, пожалуйста!..

Но Рони покачала головой и сказала:

— Поблагодари Ловису за хлеб и поцелуй ее тысячу раз!..

И тут Малыш Клипп поспешно сунул руку в свой кожаный мешок и воскликнул:

— Ой, чуть не забыл! Я ведь принес еще соли. Вот бы мне влетело, если бы я забыл тебе ее отдать.

Рони взяла кулечек и сказала:

— Моя мать обо всем подумает. Она знает, что нужно для жизни. Но как она догадалась, что у нас осталось всего-навсего несколько крупинок соли? Ну, скажи?..

— Наверно, любая мать может это почувствовать, — сказал Малыш Клипп. — Все они чувствуют, когда их ребенок нуждается в чем-нибудь.

— Нет, не все, а только такая мать, как Ловиса.

Она долго стояла на площадке и смотрела вслед уходящему Малышу Клиппу, как он легко сбегает по узкой тропинке к лесу, и вошла в пещеру, только когда он скрылся в гуще деревьев.

— Гляди-ка, а ты, оказывается, не ушла с ним, не вернулась все-таки в замок, к своему отцу, — пробурчал Бирк.

Он уже лежал на подстилке из еловых веток. В темноте пещеры Рони не видела его лица, но услышала, что он сказал, и этого было достаточно, чтобы она вспыхнула.

— У меня больше нет отца, — яростно проговорила она. — Но если ты будешь болтать всякий вздор, то имей в виду — я могу обойтись и без брата.

— Прости, сестра, я, наверно, несправедлив, — печально сказал Бирк. — Но ведь иногда я догадываюсь, о чем ты думаешь.

— Ага, — ответила ему из темноты Рони, — я сейчас думаю о том, что прожила на свете одиннадцать зим, и боюсь, что двенадцатая принесет мне смерть. А мне еще очень хочется жить, Бирк. Понимаешь?

— А ты не думай о зиме, — сказал Бирк. — Думай о лете!

Да, сейчас жаркое лето. С каждым днем стано-

вилось все жарче, это было самое веселое лето из всех, что Рони помнила. Каждый день в полуденный зной они купались в холодной речке. Они плавали и плескались, как выдры, и течение относило их к тому месту, где грохот водопада был таким оглушающим, что плыть дальше становилось небезопасно. Река обрушивала свои воды с высокой скалы, и тот, кто попал бы в этот кипящий водоворот, простился бы с жизнью.

Но Рони и Бирк точно знали, где надо подплыть к берегу, если не хочешь рисковать.

— Как только увидишь издали Водопадную Жабу, — предупреждала Рони, — стоп! Дальше плыть нельзя.

Водопадной Жабой она называла большой валун, выглядывавший из воды неподалеку от водопада. Для Рони и Бирка он был предостерегающим знаком. Увидев Водопадную Жабу, они тут же поворачивали к берегу, что, к слову сказать, было делом нелегким и требовало больших усилий. Тяжело дыша и посинев от холода, лежали они потом на скале, грелись на солнышке и с интересом наблюдали за выдрами, которые неутомимо плавали и ныряли между прибрежных камней.

Под вечер, когда жара спадала, они отправ-

лялись в лес, чтобы поездить верхом. Правда, после того случая с друдой они не сразу нашли своих лошадей. Хитрюга и Дикарь, видно, так перепугались в тот раз, что избегали теперь и тех, кто сидел на их спинах во время этой страшной погони.

Жеребята еще долго дичились, но потом и они забыли про друд, снова выбегали на поляну по первому зову и так же охотно, как прежде, скакали наперегонки. Рони и Бирк давали им всякий раз вволю набегаться, а потом еще долго спокойно ехали по лесу.

— До чего же хорошо идти рысью в такой теплый летний вечер, — сказала Рони, а про себя подумала: «Почему в лесу не круглый год лето? И почему я не могу быть всегда веселой?»

Она любила лес и все, что его наполняло. Любила все деревья, все бочаги, озера, ручьи, мимо которых они проезжали, все поросшие мхом холмы, все полянки, покрытые земляникой и черникой, все цветы, всех зверей и птиц. Но почему же все-таки грусть подчас одолевала ее? И почему после осени должна непременно наступить зима?

— О чем ты думаешь, сестра моя? — спросил ее Бирк.

— Я думаю о том, что… под огромным камнем живут темные тролли, — сказала Рони. — Весной я видела, как они здесь танцевали. Темных троллей и лохматых тюхов я люблю, а вот серых гномов да злобных друд терпеть не могу, так и знай!

— Еще бы! А кто их любит?

Темнеть теперь стало намного раньше. Время белых ночей миновало. По вечерам Рони и Бирк сидели у очага и смотрели, как на белесом небе зажигаются бледные звездочки. Но чем больше сгущалась тьма, тем ярче сверкали звезды и, как раскаленные угли, мерцали над лесом. Небо было еще летним, однако Рони знала, о чем они, мерцая, возвещают: скоро наступит осень!

— Да, я ненавижу злобных друд, — повторила Рони. — А ведь странно, правда, что они нас здесь так долго не тревожат? Видно, они просто не знают, что мы живем в Медвежьей пещере.

— Точно. Ведь их пещеры за лесом, на том склоне горы, на реку они не выходят, — сказал Бирк. — А серые гномы почему-то не проболтались, не то проклятые друды давно бы на нас напали.

Рони содрогнулась.

— Давай лучше не будем о них вспоминать, —

сказала она. — А то еще приманим их сюда.

Потом наступила ночь. А вслед за ночью пришло утро. Начинался новый теплый день, и они, как обычно, побежали купаться.

И вот тут как раз и налетели злобные друды. Не одна и не две, а множество — большая страшная стая. Воздух вдруг стал кишмя кишеть ими, с шипом и посвистом мчались они к реке и кричали:

— Ого-го! Эй, вы, красивенькие человечки, там, в воде, сейчас потечет ваша кровушка! Ого-го!

— Ныряй, ныряй, Рони! — крикнул Бирк.

Они нырнули и плыли под водой, пока хватило дыхания. А когда вынырнули, то увидели, как потемнело небо от несметной стаи злобных друд, и поняли, что теперь их уж ничто не спасет. На этот раз — это они понимали — им от беды не уйти.

«Похоже, они заботятся о том, чтобы я больше не боялась зимы», — с горечью подумала Рони, вслушиваясь в яростное шипение и сиплый посвист гнусных тварей.

— Эй, вы, красивенькие человечки, там, в воде, сейчас вы почувствуете, как остры наши когти!.. Сейчас ваша кровушка потечет, ого-го!..

Злобные друды всегда пугали своих жертв, прежде чем напасть на них. Чего им, в конце концов, торопиться? Вонзить когти в мягкое тело, а затем растерзать его в клочья они всегда успеют. Ведь они получали не меньшее наслаждение, когда летали вот так, с посвистом и шипом, вселяя ужас во все живое и ожидая, когда главная друда

подаст сигнал: «Пора!» А пока что она, самая злобная и самая страшная из всех, большими кругами парила над рекой. Ого-го! Ей было не к спеху. Но скоро, очень скоро она первая вонзит свои когти в нежную кожу тех маленьких человечков, что бултыхаются сейчас в воде. Пожалуй, начнет она вон с того черноголового или, может быть... А рыжего что-то не видно, но ничего, подождем, пока он вынырнет, ого-го! Сколько острых когтей ждут его, не дождутся, ого-го!..

Тут Рони вынырнула, чтобы набрать воздуха. Глазами она поискала Бирка. Где он? Она его не видела, его нигде не было. Она даже застонала от ужаса. Где он? Неужели утонул? Неужели оставил ее одну с этими друдами?

— Бирк! — в отчаянии крикнула она. — Бирк, где ты?

В этот миг главная друда, шипя и свистя, стала падать, как коршун, чтобы схватить ее, и Рони зажмурилась… «Бирк, брат мой, как же ты оставил меня одну в такую страшную минуту, Би-и-рк!..»

— Ого-го! — шипела главная друда. — Вот теперь-то и потечет кровушка!

Но друде почему-то захотелось еще немного помучить свою жертву, совсем чуть-чуть… Ого-го!.. Она сделала еще один круг над рекой. И тут Рони услышала голос Бирка:

— Сюда!.. Рони!.. Скорей!..

Вниз по течению неслась вырванная порывом ветра березка с зеленой кроной. Вот за нее и ухватился Бирк, чтобы спрятаться в зеленых ветвях. Рони едва разглядела его рыжую голову среди березовой листвы. Да, это был он! Он не бросил ее одну. Какое счастье!

Если хоть чуть помедлить, течение унесет его. Рони снова нырнула и поплыла под водой так быстро, как плывут, когда спасают кому-нибудь жизнь… И вот она уже возле Бирка. Он схватил ее за руку и рывком подтянул к себе. Теперь они оба крепко держались за ствол дерева и неслись по течению, прикрытые сверху густой зеленой

листвой.

— Бирк, — прохрипела Рони еле слышно, — а я подумала, что ты утонул.

— Пока еще нет, — прошептал Бирк. — Но скоро мы оба утонем. Слышишь, как гудит водопад?..

Да, Рони слышала этот грозный гул воды, страшный голос водопада. И в эту пенящуюся, бурлящую круговерть их неумолимо несла стремнина. Водопад был уже совсем рядом, Рони это знала, она это чувствовала. А течение разгоняло их березку все быстрее, и все громче грохотал водопад. Вот сейчас, сейчас вода перевалит за гребень, рухнет с ними вниз, и начнется их последний путь, тот, что людям дано совершить лишь один раз.

Ей захотелось быть сейчас поближе к Бирку. Перехватывая руками ствол березы, она придвинулась к нему. Рони знала, он думает сейчас то же, что она: лучше водопад, чем друды.

Бирк положил ей руку на плечо. Что бы ни случилось, они будут вместе до конца, сестра и брат, и ничто теперь их не разлучит.

А злобные друды просто обезумели. Куда делись эти маленькие человечки? Ведь пришло уже время рвать их в клочья. Но где они? Почему их не видно?

На реке не было ничего, кроме ветвистой березы, которую мчала стремнина. Детей, притаившихся в ее густой листве, друды не видели и, вопя от ярости, молниями метались над водой…

А Рони и Бирк были уже далеко от их дикой стаи и злобного воя не слышали. Зато они слышали все нарастающий грохот водопада и понимали, что сейчас наступит конец.

— Сестра моя, — прошептал Бирк.

Эти слова Рони не разобрала, но поняла их по движению его губ. И хотя из-за шума падающей воды они не слышали голосов друг друга, они продолжали вести свой разговор. Ведь им надо было успеть так много сказать. Про то, что, когда так сильно любишь, не боишься даже самого страшного, и про то, как хорошо так сильно любить… Вот о чем они говорили, хотя ни единого слова расслышать было невозможно. А потом они разом замолчали, взялись за руки и зажмурились.

Вдруг они почувствовали такой сильный толчок, что очнулись. Березка со всего маху врезалась в Водопадную Жабу. От удара деревцо затормозилось, закружилось в воде, и, прежде чем стремнина снова увлекла его, течение оттеснило березку ближе к берегу.

— Рони! — крикнул Бирк. — Давай рискнем!

Он оторвал ее руки от ветки, за которую она держалась, и оба они оказались во вспененном водовороте. Теперь каждый должен был сам бороться с безжалостной стихией за свою жизнь. Течение неумолимо тащило их к водопаду. А так близка была эта спокойная вода у берега, так близка и недостижима.

«Водопад наверняка победит нас», — подумала Рони. Сил у нее уже не было вовсе. Сейчас она мечтала только об одном — перестать сопротивляться течению, погрузиться в воду, дать себя унести потоку и навсегда исчезнуть в белой пене. Но совсем рядом с собой она видела плывущего Бирка. Он, повернув голову, глядел на нее. Он все время оборачивался, искал ее глазами, и тогда она решила еще раз попытаться выплыть. И Рони поплыла. Из последних сил, до полного изнеможения.

И вдруг оказалось, что она уже бултыхается в спокойной воде. Бирк вцепился в нее, подхватил и доплыл с ней до берега. Но там силы изменили и ему…

— Но мы должны… Ты должна… — чуть слышно прохрипел он.

Необъяснимо как, но они все же выбрались, полумертвые, на разогретые солнцем прибрежные

камни и тут же уснули, а может быть, потеряли сознание и даже не ведали о том, что спаслись.

В Медвежью пещеру они вернулись, когда солнце опустилось уже совсем низко. На каменной площадке у входа в пещеру сидела Ловиса, она ждала их.

15

— Дитя мое, — сказала Ловиса, — почему у тебя мокрые волосы? Ты ныряла?

Рони молча глядела на мать. Ловиса сидела, прислонившись к отвесной скале, такая же незыблемая и надежная. Но как Рони ни была полна любви к матери, она понимала, что лучше бы ей сегодня не приходить. В любой другой день, но только не сегодня! Сейчас она хотела остаться вдвоем с Бирком. Душа ее еще дрожала от всех ужасов и страха, которые им пришлось только что пережить. Лучше бы всего остаться вдвоем с Бирком, чтобы успокоиться и вместе порадоваться тому, что они живы!

Но под скалой сидела Ловиса, ее любимая Ловиса, с которой они так долго не виделись. Мать не должна почувствовать, что пришла не вовремя.

И Рони улыбнулась ей:

— Да, мы немножко поплавали с Бирком.

Бирк! Рони стало ясно, что он вот-вот уйдет в пещеру. А этого она не хотела, этого просто нельзя было допустить. И она кинулась к нему и тихо спросила:

— Почему ты стоишь в стороне, почему не поздоровался с мамой?

Бирк холодно взглянул на Рони.

— С незваными гостями не здороваются, этому научила меня моя мать, когда я еще был грудным младенцем.

У Рони пресеклось дыхание. Ее переполняло одновременно и бешенство и отчаяние, и это было нестерпимо больно! А Бирк стоит и глядит на нее холодными, как льдышки, глазами. Тот самый Бирк, который только что был ей самым близким человеком на свете, с которым она хотела вместе погибнуть в водопаде. До чего же легко он отказался от нее и разом стал совершенно чужим. Как она его сейчас ненавидела! Никогда еще она не испытывала такого чувства горечи. И она ненавидела не только Бирка, а всех, кто ее терзал, кто так безжалостно рвал ее на части: и Бирка, и Ловису, и Маттиса, и злобных друд, и Медвежью пещеру, и лес, и лето, и зиму, и эту Ундису, которая с малолетства учила Бирка разным глупостям, и этих проклятых злобных друд… Нет, их она уже считала! Но наверняка есть и еще кто-то, кого она ненавидит, только не может этого сейчас вспомнить. Ох, до чего она полна ярости, хоть криком кричи! И если бы она сейчас

закричала, то горы раскололись бы на части!

Но она не закричала. Она только шепнула Бирку, прежде чем он скрылся в пещере:

— Жаль, что Ундиса не научила тебя быть вежливым, раз уж она взялась тебя хоть чему-то научить.

Рони вернулась к Ловисе и извинилась за Бирка.

— Он устал, — сказала она и замолчала. Потом села рядом с матерью и, уткнувшись лицом ей в колени, заплакала. Но от ее плача горы не раскололись на части, нет, это был тихий, совсем неслышный плач.

— Знаешь, зачем я пришла? — спросила Ловиса.

И Рони пробормотала сквозь слезы:

— Уж наверное не за тем, чтобы принести мне хлеба.

— Нет, не за тем, — сказала Ловиса и погладила ее по волосам. — Хлеб будешь есть, когда вернешься домой.

Рони всхлипнула.

— Я никогда не вернусь домой.

— Тогда Маттис бросится в реку, — спокойно сказала Ловиса.

Рони вскинула голову.

— Из-за меня? Да он даже имени моего не произносит!

— Днем, — сказала Ловиса, — но по ночам он плачет во сне и громко зовет тебя.

— Откуда ты знаешь? Вы снова спите вместе? Он не в каморке Лысого Пера?

— Нет, Лысый Пер не мог больше вынести его страданий. Да и у меня уже не хватает сил, но ведь кто-то же должен быть рядом с ним, когда ему так плохо…

Ловиса долго молчала, а потом сказала:

— Знаешь, Рони, невозможно видеть, когда кому-то так нечеловечески тяжело.

И Рони почувствовала, что на нее накатывает тот самый крик, от которого горы раскалываются на куски, но она изо всей силы стиснула зубы и прошептала:

— Ну а ты сама, Ловиса, если бы ты была ребенком и у тебя был бы отец, который не только отказался от тебя, но даже имени твоего не произносил, ты бы вернулась домой, если бы он сам не позвал тебя?.. Не пришел бы за тобой?

Ловиса задумалась.

— Нет, не вернулась бы. Я ждала бы, пока он не придет и не позовет меня.

— А вот этого Маттис никогда не сделает, —

сказала Рони.

И она снова зарылась лицом в юбку Ловисы, уже мокрую от ее слез.

Тем временем спустился вечер, потемнело, — оказывается, даже самым тяжелым дням приходит конец.

— Иди спать, Рони, — сказала Ловиса. — А я посижу здесь и тоже немного подремлю. А когда рассветет, уйду.

— Я хочу заснуть у тебя на коленях, — сказала Рони. — И чтобы ты спела мне Волчью песнь, как раньше.

И тут она вспомнила, как однажды сама попыталась спеть Бирку Волчью песнь и как из этого ничего не получилось.

Никогда в жизни она больше не будет ему ничего петь, это уж точно!

Но Ловиса запела. И снова мир стал таким, каким должен быть. К Рони вернулась ее детская безмятежность. Примостив голову на коленях у матери, она спала под звездами глубоким сном и пробудилась, только когда совсем рассвело.

Ловисы уже не было. Но она не взяла с собой своего серого платка, она укрыла им дочку. Рони почувствовала тепло этого платка, как только открыла глаза, и глубоко вдохнула его запах. «Да, он пахнет, как Ловиса, — подумала она, — ее платок пахнет, как тот живой зайчик, который у меня когда-то был».

У очага, съежившись, сидел Бирк, он уперся

лбом в ладони, и его медные волосы свисали, закрывая ему лицо. Он показался Рони таким безнадежно одиноким, что ей стало больно. Она сразу все забыла и, волоча по земле платок Ловисы, пошла к нему. Но заговорить с ним сразу не решилась — кто знает, быть может, он хочет, чтобы его оставили в покое.

Но в конце концов она все же спросила:

— Что с тобой, Бирк?

Он взглянул на нее и улыбнулся:

— Сижу и грущу, сестра моя.

— О чем? — спросила Рони.

— О том, что моей сестрой ты бываешь только тогда, когда происходит что-нибудь плохое, ну, как вчера с водопадом. А стоит Маттису позвать тебя, и я тебе уже не брат. Поэтому я и веду себя так глупо. И от этого мне еще грустнее. Вот и все.

«А кому не грустно? — подумала Рони. — Могу ли я не грустить, когда я перед всеми виновата?»

— Да я и не имею права тебя в чем-нибудь упрекнуть, — продолжал Бирк, — все идет так, как должно идти, это я знаю.

Рони испуганно вскинула на него глаза.

— Но ведь ты не откажешься быть моим братом?

— В этом-то все и дело, — сказал Бирк. — Я твой брат навсегда, и ты это знаешь. Но теперь я скажу тебе, почему мне так хотелось прожить это лето спокойно, безо всяких посланцев из вашего замка, и почему я не выношу разговоров о зиме. Если, конечно, ты это хочешь знать.

Больше всего на свете Рони хотелось знать именно это. Она уже много раз спрашивала себя,

почему Бирка не пугает зима. «Теперь лето, сестра моя», — говорил он ей всякий раз так спокойно, словно зима никогда и не наступит.

— У нас с тобой есть только это лето, — сказал Бирк. — Без тебя жизнь потеряет для меня всякую цену… Понимаешь?.. А когда наступит зима, тебя уже не будет рядом. Ты вернешься в ваш замок.

— А ты? Где ты будешь?

— Здесь, — ответил Бирк. — Конечно, я могу попросить, чтобы меня пустили назад, в башню Борки. Никто меня не выгонит, это я знаю. Но зачем? Тебя я ведь все равно потеряю, даже видеть тебя не буду. Поэтому я останусь в Медвежьей пещере.

— И замерзнешь тут, — сказала Рони.

Бирк рассмеялся:

— Бабушка надвое сказала, может, замерзну, а может, и нет! Я даже надеюсь, что ты будешь иногда приходить ко мне на лыжах, приносить хлеб и соль. А главное, притащишь мне сюда волчью шкуру. Но боюсь, тебе не удастся унести ее из вашей башни.

Рони покачала головой.

— Если эта зима будет такой же, как прошлая, то о лыжах и говорить нечего. Я просто через Волчью Пасть не пройду. Останешься тут по такой

зиме, и тебе конец, Бирк, сын Борки.

— Конец так конец, — сказал Бирк. — Но сейчас лето, сестра моя.

Рони как-то странно посмотрела на него.

— Лето… Зима… А кто сказал, что я вернусь в замок Маттиса?

— Я. Сама не пойдешь — я потащу тебя, надо будет, на руках отнесу. Если уж здесь замерзать, то мне одному. Но сейчас лето, и все.

Вечно лето длиться не может, это он знал, и Рони тоже. Но они жили так, словно оно будет длиться вечно, и старались, насколько возможно, заглушить мучительные мысли о зиме. Они хотели насладиться каждым часом этого лета, от предрассветной мглы до черноты ночи. Мелькали дни за днями, они жили словно в каком-то чаду, ни о чем не заботясь. Ведь у них было еще немного времени впереди.

— Только бы ничто не испортило нам эти дни! — сказал Бирк.

И Рони ни о чем другом не думала.

— Я собираю лето, как пчела мед, — сказала Рони. — Собираю летние запасы, которыми буду питаться, когда наступит зима. И знаешь, из чего они состоят? — И она стала рассказывать, как сказку: — Это будет такой огромный-преогром-

ный пирог. Тесто у него из солнечных восходов, спелой черники, веснушек, которыми усеяны твои руки, лунной дорожки на реке, ярких звезд на черном небе и соснового бора, когда он гудит от зноя… А начинка у этого пирога из солнечных бликов, что горят на стволах сосен, из дрожащих капелек грибного дождя на сосновых иглах. А еще там скачут белки и зайцы, бегают лисицы, и лоси, и дикие кони — весь наш табун. И конечно, купание в реке, и когда мы мчимся верхом… Ну, сам видишь, я пеку этот пирог из всего, что есть лето.

— Отличный пирог из лета! — восхитился Бирк. — Пеки такие всегда.

Все время с раннего утра до ночи они проводили в лесу. Ловили рыбу и охотились они, только чтобы прокормиться, и жили в полном ладу со всем, что их окружало. Они совершали длинные прогулки, наблюдая за зверьем и птицами, лазили на скалы и деревья, скакали верхом, плавали в лесных озерах, где их не пугали злобные друды. Так день за днем уходило лето.

Воздух стал прозрачнее и прохладнее, ночи похолодали, а потом пожелтела и верхушка березы на берегу реки. Они это сразу заметили, когда вышли ранним утром к очагу, но ничего не сказали друг другу.

А потом дни стали холодными, а воздух еще прозрачней. С их площадки открывался теперь бескрайний вид на зеленые леса, но они уже не были такими зелеными, как прежде, а пестрели желтыми и красными пятнами. Вскоре и весь берег реки запылал золотисто-красным огнем. По утрам Рони и Бирк по-прежнему сидели у очага и видели, как все красиво вокруг, но не говорили об этом.

Вечерние туманы над рекой стали гуще, чем прежде. А однажды под вечер, когда Рони и Бирк пошли к роднику за водой, туман заполз в лес, и они вдруг оказались словно в густом белом облаке. Бирк поставил бадью с водой на землю и схватил Рони за руку.

— Ты что? — удивилась Рони. — Испугался тумана? Думаешь, мы заблудимся?

Бирк не сказал, чего он испугался, но стал прислушиваться. И тут же из глубины леса до них донеслось печальное пение, которое он сразу узнал.

Рони тоже стояла и слушала.

— Слышишь? Это поют подземные духи. Наконец-то я их услышала!

— В первый раз? — спросил Бирк.

— Да! — ответила Рони. — Они хотят нас зама-

нить к себе, под землю, ты это знаешь?

— Знаю, — сказал Бирк. — И ты пошла бы за ними?

— Я же не сумасшедшая! Но вот Лысый Пер говорит… — Рони умолкла.

— Что говорит Лысый Пер? — спросил Бирк.

— Так, ничего, — сказала Рони.

Они стояли у родника и ждали, пока разойдется туман, чтобы идти в пещеру. И Рони думала о том, что говорил Лысый Пер: «Когда подземные духи поднимаются в лес и поют, это значит, что наступила осень».

16

Лысый Пер был прав. Когда подземные духи начинают распевать в лесу свои жалостливые песни, наступает осень. Даже если Рони и Бирк не могут в это поверить. Лето медленно умирало, и осенний дождь зарядил с таким мучительным упрямством, что даже Рони он надоел, хотя вообще-то она очень любила дождь.

День за днем сидели они в пещере и слушали, как капли безостановочно барабанят по скалам. В такую сырую погоду им не удавалось развести огонь в очаге. И они так жестоко мерзли, что однажды утром решили побегать по лесу, чтобы хоть немного согреться. Им стало теплее, но они промокли до нитки. Вернувшись в пещеру, они содрали с себя мокрую одежду, завернулись в меховые одеяла и стали глядеть на небо, надеясь увидеть хоть какой-то просвет. Но дождь стеной закрывал выход из пещеры.

— Какое дождливое у нас лето, — сказал Бирк. — Но скоро распогодится, вот увидишь.

Дождь и в самом деле в конце концов прекратился. Но поднялась настоящая буря, которая

срывала с берез листья, выкорчевывала вековые ели и сосны. Весь лес гудел. Да, золотая осень миновала. На берегу реки стояли теперь голые деревья и гнулись от порывов безжалостно налетавшего на них ветра.

— Какое ветреное у нас лето, — сказал Бирк. — Но скоро распогодится, вот увидишь.

Однако погода не улучшалась, а ухудшалась. С каждым днем становилось все холоднее. Не думать о зиме стало уже невозможно, для Рони во всяком случае. По ночам ее мучили кошмары. Однажды ей приснилось, что Бирк лежит на снегу мертвенно-бледный, а волосы его покрыты инеем. Она проснулась от своего крика. Было уже светло, и Бирк разжигал огонь в очаге. Она кинулась к нему и с облегчением увидела, что волосы у него по-прежнему рыжие и не припорошены инеем, но лес за рекой впервые побелел от изморози.

— Какое морозное у нас лето, — сказал Бирк с усмешкой.

Рони сердито взглянула на него. Почему он такой спокойный? Как может так легкомысленно шутить? Неужели он не понимает, что их ждет? А может, он ни во что не ставит свою бедную жизнь? В лесу бояться нельзя, это Рони знала, но

теперь она испугалась, безумно испугалась того, что с ними случится, когда придет зима.

— Что-то сестра моя приуныла, — сказал Бирк. — Уж не пора ли ей уходить отсюда, чтобы погреться у другого очага?

Она молча вернулась в пещеру и улеглась на своей постели из еловых веток. Бирк сказал «погреться у другого очага», — да ведь у нее же нет другого, ей негде отогреться. Бирк думал об очаге в большом зале замка, это ясно. И конечно же он знал, что на этом проклятом холоде и она мечтает о нем. Хоть еще разок в жизни согреться! Но Рони не могла вернуться в замок, потому что Маттис не считал ее больше своей дочерью. Значит, она никогда не отогреется у домашнего очага, никогда! Да, вот как обстояло дело!.. Ну и пусть!.. Что толку думать о том, что никогда не сбудется!..

Тут она увидела, что бадья пуста, и собралась идти по воду к роднику.

— Я догоню тебя, как только разожгу огонь! — крикнул ей вслед Бирк.

Ох, как тяжело тащить к пещере бадью воды! Во всяком случае, одной.

Рони шла узенькой тропинкой вниз по крутому склону, осторожно ступая, чтобы не поскользнуться. Когда тропка вошла в лес, Рони побежала

между березками и соснами к лесной полянке, где был родник. Но вдруг остановилась как вкопанная. На камне у самого родника кто-то сидел. И представьте себе, это был Маттис! Да, это был он! Это его черные вьющиеся волосы.

Сердце Рони замерло, слезы брызнули из глаз. Она стояла под березой и плакала не таясь. И тут она заметила, что Маттис тоже плачет. Точь-в-точь как в ее сне, — сидит одиноко в лесу и плачет. Он еще не знал, что Рони стоит рядом, но вдруг поднял голову и увидел ее. И тогда он судорожно прижал ладони к глазам. Он был в таком отчаянии, что Рони застала его плачущим, и так беспомощно пытался скрыть слезы, что она не могла на это смотреть. Вскрикнув, побежала к нему и обхватила руками его шею.

— Дитя мое, — шептал он, — дитя мое…

Потом он крикнул громовым голосом:

— Ко мне вернулось мое дитя!

Рони всхлипывала, уткнув лицо в его бороду, а потом спросила:

— Я теперь снова твое дитя, Маттис? Я теперь на самом деле твоя дочь?

И Маттис отвечал сквозь слезы:

— Да. Ты не переставала быть моей дочкой, детка… Моей любимой дочкой, по которой я плакал дни и ночи!.. О боже, как я страдал!

Он чуть отстранил ее от себя, чтобы заглянуть ей в лицо, и смиренно спросил:

— Ловиса сказала, что ты вернешься домой, если я тебя сам об этом попрошу. Это так?

Но Рони молчала. В этот миг она увидела Бирка. Он словно застыл среди берез — в лице ни кровинки, а в глазах одна печаль. Невозможно вытерпеть эту печаль — *Бирк, брат мой, о чем ты думаешь, когда у тебя такое лицо?*

— Это так? — переспросил Маттис. — Ты вернешься со мной в замок?

А Рони молчала и, не отрываясь, смотрела на Бирка — *Бирк, брат мой, ты помнишь водопад?*

— Пойдем, дочь, нам пора, — сказал Маттис.

И Бирк понял, что час пробил, что ему надо проститься с Рони и возвратить ее Маттису. Иначе и быть не могло, ведь он сам этого хотел. И давно ждал этой минуты. Но откуда же взялась такая мучительная боль? *Рони, ты даже не знаешь, как мне больно, но иди! Уходи скорей! Уходи немедленно!*

— Я тебя еще не просил вернуться домой,

детка, — сказал Маттис. — А сейчас прошу… Настойчиво прошу, Рони, вернись ко мне!

«Тяжелее мне еще никогда в жизни не было», — подумала Рони. Сейчас ей придется сказать то, что наверняка убьет отца, это она знала, и все же ей надо это сказать. Сказать, что она не хочет расставаться с Бирком. Что она не может оставить его одного в жутком холоде зимнего леса — *Бирк, брат мой, ни в жизни, ни в смерти нас ничто не разлучит, разве ты этого не знаешь?*

Только теперь Маттис заметил Бирка и тяжело вздохнул. Но потом крикнул:

— Эй, ты, Бирк, сын Борки, подойди сюда! Я хочу тебе кое-что сказать.

Бирк нехотя двинулся к нему, но, не пройдя и половины пути, остановился, вызывающе посмотрел на Маттиса и спросил:

— Что тебе надо?

— Охотнее всего я дал бы тебе по шее! — сказал Маттис. — Однако я не стану этого делать. Наоборот, я попрошу тебя пойти с нами в мой замок. Попрошу не потому, что вдруг полюбил тебя. Нет!.. Но моя дочь Рони любит тебя, теперь я это понял, и… может быть… кто знает… я тоже когда-нибудь смогу полюбить тебя… Последние месяцы у меня было время подумать об этом…

Когда до Рони дошел смысл его слов, она почувствовала, что внутри у нее что-то оттаяло. Да-да, что-то начало таять в ней, это она явственно ощутила. Все последнее время она несла в себе, так ей чудилось, ледяную глыбу. Как же отец сумел, сказав всего лишь несколько слов, растопить ее, превратить в журчащий весенний ручей? Как могло вдруг произойти то, что еще минуту назад казалось совершенно невозможным? Ведь случилось настоящее чудо — ей больше не надо будет выбирать между Бирком и отцом. Между двумя людьми, которых она так любит! Теперь она не потеряет ни одного из них! Она поглядела на Маттиса, и сердце ее переполнилось радостью, любовью и благодарностью. Потом она поглядела на Бирка и увидела, что он не разделяет ее радости. Вид у него был растерянный, во взгляде сквозило недоверие, и Рони не на шутку испугалась. Он ведь такой настойчивый и упрямый, а вдруг он не захочет спасти себя, вдруг он откажется идти с ними!

— Маттис, — сказала Рони, — я должна поговорить с Бирком без тебя.

— Без меня? — спросил Маттис. — Ну ладно. Тогда я схожу в мою старую Медвежью пещеру, погляжу, как она теперь выглядит. Но давайте

побыстрее, потому что нам пора идти домой!

— «Нам пора идти домой», — насмешливо повторил Бирк, как только Маттис ушел. — Интересно, куда это домой? Неужели он думает, что я готов стать у них мальчиком для битья! Да никогда в жизни!

— Мальчик для битья! Ну и глупый же ты, — сказала Рони и вдруг разозлилась, просто рассвирепела: — Ты предпочитаешь замерзнуть в Медвежьей пещере? Так? Да?

Бирк помолчал, а потом негромко сказал:

— Да, предпочитаю.

Рони была в отчаянии.

— Неужели ты не понимаешь, что нельзя так относиться к своей жизни… Свою жизнь нужно беречь! Если ты зазимуешь в Медвежьей пещере, то погубишь свою жизнь и мою!

— Что ты несешь? — воскликнул Бирк. — Твоя-то жизнь здесь при чем?

— А при том, баранья твоя башка, что я останусь с тобой, — закричала Рони вне себя от бешенства и отчаяния. — Захочешь ты этого или нет, все равно будет так!

Бирк долго молча глядел на нее.

— Ты понимаешь, что ты сейчас сказала, Рони?

— Понимаю. Ничто не может нас разлучить! И ты сам, чудак, это знаешь!

И тут Бирк улыбнулся. А улыбка у него была сияющая. «Как он красив, когда улыбается!» — подумала Рони.

— Твою жизнь я не смогу оборвать, сестра моя.

Все, что угодно, только не это! Я пойду за тобой, куда бы ты ни пошла. Даже если мне придется ради этого жить среди разбойников Маттиса, я готов это терпеть, пока… пока не задохнусь там…

Они затоптали золу в очаге и увязали вещи. Ну что ж, пора идти. Расставаться с Медвежьей пещерой не хотелось. Но Рони шепнула Бирку на ухо, совсем тихо, чтобы Маттис не услышал и не расстраивался раньше времени:

— Весной мы сюда вернемся!

— Если будем живы, — улыбнулся Бирк. Он уже заранее этому радовался.

И Маттис тоже был очень рад. Он размашисто шагал по лесу далеко впереди детей и так громко и грозно пел, что весь табун диких коней умчался в испуге. Кроме Хитрюги и Дикаря. Они стояли рядком и, наверно, ждали, когда же они снова поскачут наперегонки.

— Нет, не сегодня, — сказала Рони и огладила Хитрюгу. — Но быть может, завтра или послезавтра, а потом каждый день, если не навалит много снега.

Бирк тоже похлопал своего Дикаря по шее.

— Да, мы вернемся, только вы дожидайтесь нас.

Они заметили, что шерстка у молодых жереб-

цов подросла. Скоро она станет еще длиннее и еще гуще и надежно защитит их от зимней стужи. Да, теперь можно было надеяться, что и Хитрюга, и Дикарь благополучно перезимуют и доживут до весеннего тепла.

Маттис шагал далеко впереди детей и все пел и пел. Рони и Бирк едва поспевали за ним. Дороге, казалось, конца не было, но вот они дошли до Волчьей Пасти. Тут Бирк остановился.

— Маттис, я должен сперва пойти в нашу башню и поглядеть, как там Ундиса и Борка, — сказал он. — Но я тебе очень благодарен, что ты разрешил мне приходить к вам и видеть Рони, когда мне захочется.

— Признаюсь, меня это не очень-то радует, но ты приходи, все-таки приходи... — Потом он рассмеялся: — А знаете, что говорит Лысый Пер? Этот глупый старик на самом деле считает, что фогт и его солдаты разделаются с нами поодиночке. Он сказал, что умнее всего было бы сейчас объединиться обеим шайкам, разбойникам Маттиса с разбойниками Борки. И подумать только, какие странные мысли приходят в голову старому хитрецу! — Маттис поглядел на Бирка с нескрываемым сочувствием: — Жаль только, что у тебя отец такой брехун, а то это можно было

бы обдумать.

— Сам ты брехун! — дружелюбно воскликнул Бирк, а Маттис в ответ — подумайте только! — приветливо ему улыбнулся.

Бирк протянул Рони руку. И прежде, расставаясь у Волчьей Пасти, они всегда пожимали друг другу руки.

— Мы будем видеться каждый день, дочь разбойника! Да, сестра?

Рони кивнула:

— Каждый-каждый день, Бирк, сын Борки!

Когда Маттис и Рони вошли в каменный зал, там воцарилась мертвая тишина. Никто не осмелился даже заорать на радостях, потому что давно уже Маттис не терпел никакого веселья. И только Лысый Пер не сдержался и высоко подпрыгнул — так он был счастлив. Прыжок этот, правда, всех удивил — в его-то, так сказать, годы! — и к тому

же он еще и громко икнул, но как раз это никого не смутило.

— Салют по случаю благополучного возвращения наследницы под отчий кров! — воскликнул он.

Маттис хохотал над этой шуткой так зычно и так долго, что все разбойники растрогались до слез — они были счастливы. Да, с того злополучного утра, когда Рони на глазах у всех перепрыгнула через пропасть на сторону Борки, они в первый раз услышали, как их атаман расхохотался, и поэтому дружно присоединились к нему. О, как они принялись хохотать! До упаду! Они просто корчились от смеха! И Рони смеялась. А потом из хлева пришла Ловиса, и снова в зале воцарилась тишина. Разве пристало смеяться, когда мать встречает свою дочь, вернувшуюся наконец в отчий дом после столь долгого отсутствия? И в эту трогательную минуту глаза у разбойников снова наполнились слезами.

— Знаешь что, Ловиса, — сказала Рони, — принеси-ка сюда большую лохань и погрей, пожалуйста, воду.

Ловиса кивнула:

— Вода уже греется.

— Вот это да! — воскликнула Рони. — Такая

мать, как ты, обо всем подумает. А более грязного ребенка свет еще не видел.

— Еще бы! — сказала Ловиса.

Рони лежала в кровати, в тепле, она была и чисто вымыта, и сыта. Она съела целую буханку хлеба, испеченного Ловисой, и выпила большую крынку молока, а после этого Ловиса посадила ее в лохань с горячей водой и терла мочалкой докрасна. Теперь Рони лежала в своей старой кроватке и глядела в щель полога, как догорает огонь в камине. Все как прежде. Ловиса спела Волчью песнь, и пришло время сна. Рони очень устала, но у нее в голове еще бродили разные мысли.

«В Медвежьей пещере сейчас собачий холод, — думала она. — А у меня тепло разливается по всему телу… Разве не странно, что от такой малости чувствуешь себя счастливой?» Потом она подумала о Бирке: «Как он там поживает, как его встретили в башне Борки? Надеюсь, у него тепло тоже разливается по всему телу… — Рони закрыла глаза. — Завтра я спрошу его об этом».

В большом зале стало тихо. И вдруг раздался испуганный голос Маттиса:

— Рони!

— Ммм? — промычала она сквозь сон.

— Я только хотел проверить, здесь ли ты, — ска-

зал Маттис.

— А где же еще? — пробормотала Рони.

И уснула.

17

Лес, который Рони так любила и в летней одежде, и в осенней, снова стал ей другом. А в последнее время в Медвежьей пещере он казался ей грозным и враждебным. Но теперь они с Бирком скакали верхом по заснеженному лесу, и Рони была счастлива.

— Когда знаешь, что вернешься домой и согреешься в тепле, — сказала она Бирку, — можно быть в лесу при любой погоде. Но если потом корчишься от холода в ледяной пещере и лязгаешь зубами, то дело другое.

И Бирку, который собирался зимовать в Медвежьей пещере, тоже очень нравилось по вечерам греться у огня в башне Борки.

Жить он, конечно, должен был там, у отца с матерью, это он хорошо понимал, да и Рони тоже. Не то вражда между двумя шайками лишь вновь разгорелась бы.

— Ты даже представить себе не можешь, как и Ундиса, и Борка обрадовались, когда я вернулся! — сказал Бирк. — А я, по правде сказать, и не думал, что они меня так любят.

— Вот и живи у них, — сказала Рони. — До весны.

И Маттису было по душе, что Бирк живет в башне Борки.

— Конечно, — сказал он Ловисе, — этот щенок может теперь сюда приходить когда захочет, я сам ему это сказал и даже предложил жить у нас. Но все-таки какое счастье, что его рыжая башка не маячит у меня перед глазами с утра до вечера!

Жизнь в замке Маттиса вошла в свою старую колею, теперь там снова царило веселье. Разбойники снова пели и плясали по вечерам, и раскатистый смех Маттиса снова сотрясал стены… Одним словом, жизнь пошла по-прежнему.

По-прежнему, да не совсем. Борьба с солдатами фогта ожесточилась. Маттис прекрасно понимал, что власти всерьез за него взялись. И он рассказал Рони почему:

— Видишь ли, все началось с того, что как-то темной ночью мы все же вызволили Пельё из тюрьмы, а заодно выпустили на волю и двух разбойников Борки, раз уж они там сидели.

— Малыш Клипп боялся за Пельё, — сказала Рони. — Он думал, они его повесят.

— Моих разбойников не вешают, — сказал Маттис. — Я показал этому проклятому фогту, что со мной шутки плохи!

Лысый Пер с сомнением покачал головой.

— А теперь его солдаты преследуют нас, как назойливые мухи, их полно в лесу, и в конце концов победа будет за фогтом. Сколько раз я должен тебе это повторять, Маттис!

Лысый Пер с утра до вечера твердил только одно:

— Пока еще не поздно, Маттису и Борке надо помириться. Если будет одна сильная шайка разбойников, то, может быть, нам еще как-нибудь удастся совладать с фогтом и его солдатами. Но если останутся две шайки, которые только тем и занимаются, что рвут друг у друга добычу

из пасти, словно голодные волки, то всем нам крышка.

Да, Лысый Пер не уставал это повторять. Но Маттис не желал его слушать, и все тут. С него хватало и своих тайных размышлений на этот счет.

— Я знаю, старик, ты говоришь, что думаешь. Конечно, кое в чем ты и прав, но вот ответь, кто будет атаманом этой сдвоенной шайки, как ты считаешь? — И Маттис лукаво усмехнулся: — Борка, что ли?.. Ведь я, Маттис, самый сильный и могучий атаман во всех горах и лесах и намерен остаться таковым навсегда. Но вполне возможно, что недотепа Борка этого не понимает.

— Так докажи ему это. Ведь один на один ты его не можешь не одолеть, бык ты эдакий!

Все это хитрый Лысый Пер давным-давно придумал, когда лежал по ночам без сна в своей каморке: единоборство атаманов! Единоборство, которое наконец-то вправило бы мозги Борке и указало бы ему его настоящее место. Это был единственно возможный выход. Тогда в замке разместилась бы только одна шайка и все разбойники вместе могли бы так ловко водить за нос солдат фогта, так отравить им жизнь, что их мутило бы при одной мысли о лесе. Ну разве это

не толковый план?

— Я думаю, — сказала Рони, — что самым толковым было бы вообще покончить с разбоем. Между прочим, я всегда так думала.

Лысый Пер ласково улыбнулся ей своей беззубой улыбкой:

— Точно. А ты, Рони, оказывается, очень умная девочка. Но вот я слишком стар и слаб, чтобы втемяшить в башку твоего отца, что с разбоем надо кончать.

Тут Маттис гневно вскинул на него глаза:

— И это говоришь ты? Ты, который был самым заядлым разбойником еще у моего батюшки, а потом и в моей шайке… Ну ты и брякнул — покончить с разбоем! А жить-то нам на что? Об этом ты подумал?

— А-а, вот и выходит, ты просто не знаешь, что на свете есть люди, которые нормально живут, хоть и не разбойничают.

— Знаю! — угрюмо сказал Маттис. — Но как?

— Есть несколько способов, — ответил Лысый Пер. — И один способ я бы тебе даже подсказал, если бы не знал, что ты как был разбойником, так им и останешься до тех пор, пока тебя не повесят… Но вот Рони, когда придет время, я выдам этот маленький секрет.

— А ну, что за секрет? — спросил, нахмурясь, Маттис.

— Так я же сказал, — забормотал Лысый Пер. — Я приберегу его для Рони, чтобы она не оказалась совсем беспомощной, когда тебя вздернут.

— Вздернут… Повесят… — в гневе повторял Маттис. — Не каркай, старая ворона, заткнись!..

Дни шли, а Маттис по-прежнему не слушал советов Лысого Пера. Но однажды утром, еще до того как разбойники Маттиса оседлали своих коней, к Волчьей Пасти прискакал Борка и потребовал встречи с Маттисом. Он привез дурные вести. Поскольку его злейший враг так великодушно помог бежать двум его разбойникам из темницы фогта, он намерен оказать Маттису ответную услугу и предупредить его. В общем, дело такое: ни один разбойник не должен нынче появляться в лесу, если ему дорога жизнь, там идет облава. На рассвете они возвращались с набега, и на их пути оказалась засада. Солдаты схватили двоих из его шайки, а третьего ранили стрелой, когда тот пытался скрыться.

— Вот уж воистину кровавые собаки, — с горечью сказал Борка. — Не дают бедному разбойнику заработать на кусок хлеба.

Маттис нахмурился:

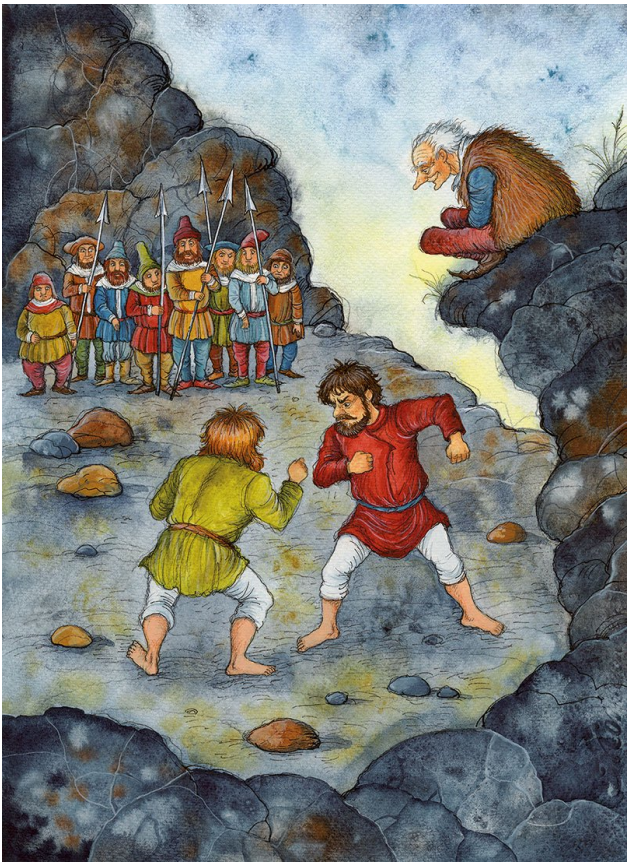
— Нет, хватит! Мы им покажем, где раки зимуют. Больше этого терпеть нельзя.

Правда, он тут же спохватился, что сказал «мы», тяжело вздохнул и выжидающе замолчал, смерив Борку оценивающим взглядом.

— Может быть, нам все-таки… следовало… надо бы… объединиться… — в конце концов выдавил он из себя, хотя ужас охватил его от этой фразы. Так разговаривать с атаманом Боркой! И его отец, и его дед, и прадед перевернулись бы в гробах, если бы услышали эти слова.

Но что до Борки, то он засиял как медный грош.

— Наконец-то я услышал от тебя то, что давно хотел услышать, Маттис! *Одна* сильная шайка. Вот это было бы толково. Под командой *одного* сильного атамана! И я знаю, кто подошел бы для этого дела, — сказал он и ударил себя кулаком в грудь. — Крепкий, как камень, и трудолюбивый, как вол, силы хоть отбавляй!..



Тут Маттис расхохотался, да так жутко, что у всех, кто стоял вокруг, от ужаса мурашки пошли по спине.

— А ну-ка, подойди поближе, я тебе покажу, кто тут атаман.

А между прочим, все произошло именно так, как хотел Лысый Пер. Решено было устроить поединок атаманов. С этим предложением согласились и Маттис, и Борка. Как разволновались разбойники Маттиса! Утром в день поединка в большом зале замка они подняли такой крик, что Ловисе пришлось всех их выгнать во двор.

— Что вы галдите? Вон отсюда! — крикнула она. — Хоть уши затыкай!

С нее хватало одного Маттиса, который топал сейчас по каменным плитам пола, устрашающе скрипел зубами и хвастливо заявлял, что он так разукрасит Борку, что даже Ундиса его не признает.

— Цыплят по осени считают, как говаривала моя мама, — сказал Лысый Пер и презрительно фыркнул.

А Рони было стыдно за отца — так он хорохорился и жаждал крови Борки.

— Во всяком случае, я не собираюсь глазеть, как ты будешь его разукрашивать.

— А тебе и не положено, — ответил Маттис.

По установившемуся обычаю, женщинам и детям не разрешалось присутствовать на поединках атаманов. Считалось недопустимым, чтобы они смотрели на «медвежьи бои» — так назывались у них такие кулачные схватки. И честно говоря, поединки эти вполне заслуживали название медвежьих боев, потому что велись они очень грубо и безо всяких правил.

— А вот Лысому Перу быть там положено, — сказал Маттис. — Ты, правда, что-то плоховат стал, старик, но «медвежий бой», я думаю, взбодрит тебя. Пошли, Лысый Пер, я посажу тебя на свою лошадь. Пора выезжать!

Утро было солнечным, но холодным, и земля покрылась инеем. На поляне перед Волчьей Пастью уже толпились разбойники Маттиса и разбойники Борки, все с копьями. Плотным кольцом окружили они Маттиса и Борку. Вот сейчас-то и станет ясно, кому из них быть атаманом.

На скале, нависшей над поляной, восседал Лысый Пер, завернутый в волчью шкуру. Он выглядел как старый взъерошенный ворон, но глаза его горели нетерпением, и он с большим интересом следил за тем, что происходит внизу, на поляне.

Бойцы разделись до рубашек, скинули сапоги и переминались теперь с ноги на ногу на подмерзшей земле. Потом они стали напрягать и растирать мускулы на руках и подпрыгивать на месте, чтобы разогреться.

— Э! Да ты посинел от холода, Борка! — задиристо выкрикнул Маттис. — Но не волнуйся, скоро тебе станет жарко!

— Сдается мне, что и ты не замерзнешь! — в тон ему ответил Борка.

В «медвежьих боях» разрешалось применять все коварные приемы и запрещенные удары. Можно было толкаться и щипаться, царапаться и кусаться, выворачивать суставы и выдирать волосы, можно было даже бить ногами куда ни попадя, но только не в низ живота. Такой удар считался позорным, и тот, кто себе это позволял, проигрывал бой.

Фьосок подал наконец знак, и тотчас Маттис и Борка с криком кинулись друг на друга.

— До чего же жалко, что ты такой брехун! — закричал Маттис, схватив Борку своими медвежьими лапищами поперек туловища и сжав его, правда, еще не изо всей силы, однако Борка разом вспотел. — А не то я бы давно сделал тебя своим помощником. — Тут он стиснул его посильнее,

применив особый прием. — И мне не пришлось бы сейчас выдавливать из тебя потроха. — Тут он так обхватил Борку, что тот захрипел.

А когда Борке надоело хрипеть, он изловчился и изо всех сил боднул Маттиса в лицо своей тяжелой головой, да так, что у того из носа фонтаном хлынула кровь.

— А мне очень жаль, — крикнул Борка в ответ, — что приходится уродовать такую физиономию, — и он еще раз боднул Маттиса головой в нос, — потому что ты и так похож на огородное пугало! — Тут Борка схватил Маттиса за ухо. — Два уха? Зачем тебе? Хватит и одного!

А Маттис в ответ так сильно стиснул Борку, что у него разжались пальцы. И в тот же миг Борка уже лежал на земле, а Маттис своей твердой, как железо, пятерней утюжил плоское лицо своего противника, и казалось, оно становится от этого еще площе.

— Как обидно, что мне придется изуродовать тебя, как бог черепаху, и Ундиса будет лить слезы всякий раз, как посмотрит на тебя при свете дня.

И он снова с силой потер ладонью лицо Борки, но Борка сумел вцепиться зубами в его руку. Маттис взвыл. Он пытался выдернуть руку, но Борка не разжимал своих могучих челюстей, пока ему

не пришлось вздохнуть. Тогда Маттис навалился на него всей своей тяжестью. И тут выяснилось, что у Борки хоть и железные зубы, но сравниться в силе с Маттисом он все-таки не может.

Вот и окончен бой. Маттис предстал перед всеми как победитель. И пусть лицо его было в крови, подтеках, а рубаха изодрана в клочья, сомнений в том, что атаман именно он, ни у кого больше не было. Это признали теперь все разбойники, хотя некоторые и не без труда, а тяжелее всех признание это далось самому Борке.

Вид у него был ужасный, он чуть не плакал. И Маттису захотелось сказать ему несколько утешительных слов:

— Брат Борка! Да, отныне мы с тобой братья. Знай, что до конца твоих дней ты сохранишь звание атамана и почет и людьми своими ты будешь сам распоряжаться. Но никогда не забывай, кто самый могучий атаман во всех горах и лесах, и помни, последнее слово всегда остается за мной.

Борка молча кивнул, особой разговорчивостью он в эту минуту не отличался.

В тот же вечер Маттис устроил в большом зале пир для обоих шаек, и своей, и Борки. Что это был за пир! Сколько там было всего съедено! Сколько выпито пива!

А Маттис и Борка сидели рядышком за пиршественным столом и то смеялись, то утирали слезы, вспоминая детские годы, и все больше чувствовали себя братьями. Перебивая друг друга, они рассказывали разбойникам, как ловили крыс в старом свинарнике, ну и про всякие другие проказы, и все охотно их слушали и громко хохотали, когда было смешно.

Рони и Бирк, которые сидели за дальним концом стола, тоже веселились от души, слушая рассказы отцов. Их звонкий смех звенел, словно колокольчики, на фоне хриплого хохота разбойников, доставляя большую радость и Маттису, и Борке — ведь столько долгих месяцев в замке не звучал смех их детей, и они еще не привыкли к тому, что ребята снова с ними. Какое это счастье! Смех Рони и Бирка был для Маттиса и Борки лучше любой, самой распрекрасной музыки, и они вспоминали все новые и новые забавные случаи из своего детства, чтобы повеселить детей.

Но вдруг Маттис сказал:

— Послушай, Борка, не огорчайся, что сегодня все так вышло. Быть может, шайка Борки доживет и до лучших времен. Когда мы с тобой уйдем навсегда, твой сын станет атаманом, так я думаю. Потому что моя дочь не желает быть атаманом.

А когда она говорит «нет», то уж это точно *нет*. Вся в мать!

Борка необычайно обрадовался, когда это услышал. Но Рони крикнула ему с другого конца стола:

— А ты думаешь, что Бирк захочет стать атаманом?

— А то! — убежденно воскликнул Борка.

Тогда Бирк встал и не спеша вышел на середину зала, так, чтобы все его видели. Он поднял правую руку и произнес торжественную клятву о том, что никогда, ни за что не станет разбойником, что бы ни случилось.

В зале воцарилось тягостное молчание. Горькие слезы застлали глаза Борки, он был в отчаянии от клятвы сына, он не мог этого понять. Но Маттис и тут попытался утешить Борку.

— Я уже смирился с этим, — сказал он. — И ты смиришься. Нынче мы для детей не указ. Они поступают как хотят. И тут уж ничего не поделаешь, хотя это очень тяжело.

Оба атамана долго сидели молча, и будущее представлялось им в мрачном свете. Пройдет немного лет, а их гордая разбойничья жизнь будет казаться людям фантазией, сказкой, выдум-

кой, воспоминания быстро поблекнут, никакого следа нигде не останется.

Но постепенно они все же вернулись к рассказам об охоте на крыс в свинарнике и решили все же радоваться жизни, несмотря на своеволие детей. А разбойники просто из кожи вон лезли, стараясь бодрыми песнями и дикими плясками заглушить печаль своих атаманов. Они стучали каблуками так, что каменные плиты пола прямо ходуном ходили. Бирк и Рони скакали вместе со всеми, и Рони научила Бирка нескольким изумительным двойным и тройным разбойничьим прыжкам.

Тем временем Ловиса и Унди са сидели в другой комнате, ели, пили и болтали. Почти на все женщины смотрели по-разному, но в одном они сходились: как прекрасно, когда тебя хоть иногда оставляют в покое и ты можешь не слушать этого оглушительного мужского хохота.

А пир тем временем шел своим чередом. До тех пор, пока Лысый Пер вдруг не свалился без чувств от усталости. Несмотря на свой почтенный возраст, он провел вместе со всеми прекрасный, веселый день, но теперь силы изменили ему, и, когда он пришел в себя, разбойники отвели старика в его каморку. Очень довольный, он по-

валился в полном изможденииа на свою кровать, и Рони укрыла его меховым одеялом.

— Скажу честно, мне легко на сердце оттого, что ни один из вас, ни ты, ни Бирк, не хочет стать разбойником. В мои годы разбойничать было удовольствие — риск, веселье, но теперь это очень опасное дело. Оглянуться не успеешь, как уже болтаешься на виселице.

— А кроме того, когда у людей отнимают их вещи, они плачут и кричат, а я не хочу, чтобы люди плакали и кричали.

— Верно, — сказал Лысый Пер, — ты бы этого не вынесла. А теперь я хочу доверить тебе один маленький, но прекрасный секрет, конечно, если ты обещаешь молчать как рыба.

И Рони обещала.

Тогда Лысый Пер взял ее теплые ручки в свои, такие холодные, и стал рассказывать.

— Послушай, радость моей души, — начал он. — Когда я мальчишкой бродил по лесу, точь-в-точь как ты сейчас, я однажды спас жизнь одному маленькому серому гному, которого хотели погубить злые друды. По чести сказать, серые гномы — отвратительные твари, но этот был совсем не похож на других, и к тому же он так благодарил меня, что я просто не знал, как

от него избавиться. И представляешь, он вбил себе в голову, что обязательно должен мне что-то подарить. И знаешь... Гляди-ка, а вот и Маттис пришел к нам, — сказал Лысый Пер, потому что в дверях вдруг появился Маттис.

Он пришел узнать, почему Рони так долго не возвращается в зал.

— Пир уже кончился, — сказал он, — пора петь Волчью песнь.

— Сперва я должна дослушать сказку.

И пока Лысый Пер шептал и шептал ей что-то на ухо, Маттис стоял на пороге каморки и ждал ее.

— Как хорошо! — воскликнула Рони, когда дослушала все до конца. — Как хорошо!..

Наступила ночь, и вскоре весь замок Маттиса со всеми его разбойниками погрузился в сон. Не спал только сам Маттис. Он громко вздыхал и протяжно стонал, лежа на кровати. Конечно, Ловиса смазала его синяки и ссадины целебной мазью, но это не помогало. Теперь, когда поединок был уже позади, у него болело все тело, каждый ушиб, каждая царапина давала себя знать. Маттис не мог сомкнуть глаз, и его бесило, что Ловиса так спокойно спит рядом с ним. Наконец он не выдержал и разбудил ее.

— У меня все тело ноет. А ты спишь как су-

рок… — простонал Маттис. — Одна утеха, что этому негодяю Борке сейчас не лучше, чем мне. А может, еще и похуже! А?..

Ловиса повернулась к стене.

— Все мужчины… — начала она, но не договорила, потому что уснула.

18

Нечего старикам торчать на «медвежьих боях» и рассиживаться на холодных скалах, — строго сказала Ловиса, когда наутро выяснилось, что Лысого Пера трясет озноб, что у него ноют все суставы и он не желает вставать с постели. Впрочем, вставать он не захотел и после того, как озноб прошел.

— В конце концов, глядеть вокруг я могу и лежа не хуже, чем сидя, — сказал он.

Всякий день Маттис заходил в каморку Лысого Пера, чтобы рассказать старику, как протекает их разбойничья жизнь после объединения шаек. Пока все обстояло как нельзя лучше. Борка вел себя вполне прилично и не бунтовал. А вообще-то он толковый малый, и теперь, когда они действуют сообща, им одна за другой сопутствуют удачи, а солдат фогта они так ловко водят за нос, что сердце радуется.

— Вот увидите, скоро все солдаты сбегут из леса, — хвастался Маттис.

— Цыплят по осени считают, — бормотал Лысый Пер, но Маттис не обращал внимания на

слова старика, да у него и не было времени долго тут рассиживаться.

— Мощи ты наши! — любовно воскликнул он и на прощание похлопал Лысого Пера по плечу. — Постарайся хоть немного мяса нарастить на свои кости, чтобы поскорее встать на ноги!

Ловиса просто из кожи вон лезла, чтобы угодить Лысому Перу. То горячий крепкий бульон принесет, то какое-нибудь особое блюдо, которое старик прежде любил.

— Ешь, пока не остыло, — упрашивала она, — хоть ложечку, чтобы согреться изнутри.

Но даже кипящий бульон не мог выгнать холод из тела Лысого Пера, и это тревожило Ловису.

— Надо перевести его сюда в зал, поближе к очагу, — сказала она как-то вечером Маттису. — Пусть отогреется у огня.

Маттис взял его на руки и, как больного ребенка, вынес из каморки и уложил на свою постель. Теперь Лысый Пер спал рядом с Маттисом, а Ловиса перебралась к Рони.

— Наконец-то я, бедняга, хоть немножко оттаю, — радовался Лысый Пер.

Наутро Лысый Пер отказался возвращаться в свою каморку. В этой широкой кровати ему было хорошо, он в ней и остался. Лежа, старый Пер

наблюдал, как Ловиса управляется со своими домашними делами, по вечерам вокруг него собирались разбойники и хвастались своими подвигами, а Рони рассказывала о том, как они с Бирком провели этот день в лесу, и Лысый Пер был доволен.

— Вот так я и должен жить, пока жду… — сказал он как-то.

— Чего? — спросил Маттис.

— А ты как думаешь? — вопросом на вопрос ответил Лысый Пер.

Догадаться Маттис в тот раз так и не смог, но он с тревогой замечал, что старик день ото дня все худеет и слабеет, и спросил Ловису:

— Чего ему не хватает, а?

— Лет ему много, вот что.

Маттис с испугом поглядел на жену.

— Но, надеюсь, он от этого не умрет?

— Умрет, — сказала Ловиса.

— Молчи! — закричал Маттис и заплакал. — Я не позволю ему умирать!

Но Ловиса лишь покачала головой.

— Ты многое можешь, Маттис, — сказала она. — Но тут ты бессилен.

А уж как Рони беспокоилась о Лысом Пере! Чем больше старик ослабевал, тем дольше сидела она

возле него. Теперь Лысый Пер лежал все чаще с закрытыми глазами, но иногда поднимал веки, глядел на девочку, улыбался ей и говорил:

— Радость души моей, смотри не забудь того, что я тебе сказал!

— Не забуду, — отвечала Рони. — Только бы найти его.

— Найдешь, найдешь, — уверял ее Лысый Пер. — Придет время, и ты его найдешь.

— Хорошо бы, — сказала она.

Бежали дни, и Лысый Пер все больше слабел. И вот настала ночь, когда никто не лег спать. Вся шайка собралась вокруг Лысого Пера — и Маттис, и Ловиса, и Рони, и все разбойники. Лысый Пер лежал неподвижно, прикрыв глаза. Маттис испуганно вглядывался в лицо старика, отыскивая в нем признаки жизни, но, несмотря на яркий огонь в очаге и резкий свет свечи, которую зажгла Ловиса, у кровати Лысого Пера было темно, и никаких признаков жизни Маттис заметить не смог. И тогда он закричал:

— Он умер!

Но тут Лысый Пер открыл глаза и с упреком поглядел на Маттиса.

— Нет, я не умер, — прошептал он. — Неужто ты думаешь, что я такой невежа, что уйду от вас,

не попрощавшись?

Потом он снова закрыл глаза и долго лежал так, а все молча стояли вокруг и вслушивались в его прерывистое дыхание.

— А вот теперь пора, — тихо сказал Лысый Пер и снова открыл глаза. — Теперь, братья мои, прощайте… Я умираю…

И он умер.

Рони никогда не видела, как умирают люди, и она заплакала. «Но ведь старик так устал жить, — подумала она. — Особенно за последние дни. Может, он ушел куда-нибудь отдохнуть, и мы только не знаем куда». А Маттис шагал по залу из угла в угол, рыдая в голос и выкрикивая:

— Как же так? Ведь он всегда был, а теперь его нет. — Маттис все повторял и повторял эти слова: — Как же так? Он всегда был, а теперь его нет!

И тогда Ловиса сказала:

— Маттис, неужели ты не знаешь, что никому не дано быть всегда. Мы рождаемся, живем и умираем — таков закон жизни. Чего же ты убиваешься?

— Как мне его не хватает! — вдруг закричал Маттис. — Просто сердце останавливается в груди.

— Хочешь, я тебя обниму? — спросила Ловиса.

— Да! Обними, обними поскорей! — крикнул Маттис. — И Рони пусть тоже обнимет.

Так и сидел он, попеременно прижимаясь то к Ловисе, то к Рони, и оплакивал Лысого Пера. Сколько он себя помнил, Лысый Пер всегда был рядом с ним, а теперь его не стало.

На другой день они похоронили Лысого Пера у реки. Зима придвинулась еще ближе. Впервые

пошел снег, и белые сырые хлопья падали на гроб, который несли на руках Маттис и его разбойники. Гроб этот Лысый Пер выстругал себе сам, еще когда был молодым, и всю свою жизнь хранил его в чулане для одежды.

«Разбойнику гроб может понадобиться в любую минуту», — говаривал в свое время Лысый Пер, а все последние годы удивлялся, что он ему все еще пока не понадобился.

«Все равно рано или поздно он мне пригодится».

И вот теперь пригодился.

Траур по Лысому Перу омрачил жизнь живущих в замке. Всю долгую зиму Маттис ходил мрачнее тучи, да и все разбойники тоже были невеселы, потому что их настроение всегда зависело от настроения Маттиса. А Рони с Бирком от всей этой печали убегали в лес. Там, как и везде, теперь воцарялась зима. И когда Рони мчалась на лыжах вниз по склону горы, то забывала обо всем печальном. Но стоило ей переступить порог замка и увидеть мрачного Маттиса, который молча и неподвижно сидел у камина, как горе снова обступало ее.

— Утешь меня, Рони, — просил Маттис. — Расскажи что-нибудь…

— Скоро снова придет весна, и тебе станет легче, — говорила она, но Маттис в это не верил.

— Лысый Пер никогда больше не увидит весны, — говорил он со вздохом.

И на это у Рони не было слов утешения.

Зима казалась бесконечной, но все же она кончилась, и пришла весна. Она всегда приходит, не считаясь с тем, умер ли кто-нибудь или нет. Маттис повеселел, как всегда весной, он уже насвистывал и распевал песни, когда во главе своих разбойников скакал через Волчью Пасть. А там, внизу, его уже поджидал Борка со своими людьми. Эге-гей! Сейчас после долгой зимы снова начнется развеселая разбойничья жизнь! И оба атамана, и Маттис, и Борка, радовались этому, ведь ничего другого, кроме как разбойничать, они не умели делать. Они родились разбойниками и останутся ими всю свою жизнь.

А вот дети их оказались куда умнее и радовались совсем другим вещам. Например, тому, что уже почти растаял снег и они снова смогут ездить верхом, или тому, что скоро, очень скоро переберутся в Медвежью пещеру.

— А еще, Бирк, я рада тому, что ты не хочешь быть разбойником.

Он рассмеялся:

— Я же поклялся! Вот только на что мы будем с тобой жить, когда вырастем?

— Известно на что, — сказала Рони. — Мне Лысый Пер сказал, мы будем искать серебряные самородки.

И она рассказала Бирку секрет о серебряной горе, которую маленький серый гном показал Лысому Перу в благодарность за то, что тот спас ему жизнь.

— Он говорил, что там попадаются самородки серебра величиной с валун, — сказала Рони. — И кто знает, может, так оно и есть. Лысый Пер клялся, что это чистая правда. Я знаю, где эта гора. Мы можем поскакать туда на конях и увидеть все своими глазами.

— Это не к спеху, — ответил Бирк. — Только никому об этом не болтай, а не то туда побегут все разбойники и растащут до нас все самородки.

Рони рассмеялась:

— Ты такой же хитрый, как и Лысый Пер. Ведь наши разбойники ненасытны на добычу, как ястребы. Поэтому Лысый Пер и не велел мне никому, кроме тебя, об этом рассказывать.

— Пока, во всяком случае, мы вполне обходимся и без серебряных самородков, сестра моя. Нам здесь, в Медвежьей пещере, нужны совсем

другие вещи.

Весна все больше вступала в свои права, а Рони никак не решалась сказать отцу, что хочет снова перебраться в Медвежью пещеру. Но Маттис и сам все понимал, и никогда нельзя было предсказать, как он поступит.

— Моя старая пещера — великолепное место! — воскликнул он вдруг ни с того ни с сего. — А весной там особенно прекрасно. Как ты считаешь, Ловиса?

Ловиса хорошо знала своего мужа с его внезапными переменами настроения, и слова Маттиса нимало ее не удивили.

— Перебирайся туда, детка, — сказала она, — раз отец тебе это советует. Но мне тебя будет очень не хватать.

— А осенью ты ведь вернешься домой, как всегда? — сказал Маттис, словно Рони со дня рождения каждую весну уходила из замка, а осенью возвращалась.

— Ага, как всегда, — заверила его Рони, удивленная тем, что все обошлось так легко.

Она-то ожидала слез и криков, а тут перед ней сидел Маттис с таким же веселым видом, какой у него бывает, когда он вспоминает свои дурацкие детские проделки в старом свинарнике.

— Да, когда я жил в Медвежьей пещере, я был о-го-го какой бесстрашный, все мне было нипочем. Да и вообще, если хочешь знать, та пещера — моя, не забывай об этом. Может статься, я буду навещать вас время от времени.

Когда Рони рассказала Бирку об этом разговоре, он великодушно усмехнулся:

— По мне, пусть приходит. Время от времени. Если его курчавая черная голова не будет там постоянно маячить, это уже счастье.

Раннее утро. Прекрасное, как утро первого дня творения. Рони и Бирк отправились в Медвежью пещеру. Вот они идут по лесу, а вокруг торжествует весна. На всех деревьях, зеленых кустах, во всех водоемах бушует бурная жизнь: все щебечет, шелестит, стрекочет, поет и плещется, везде звенит юная и яростная весенняя песнь.

И вот они наконец добираются до своей пещеры, до своего дома, скрытого в глухом лесу. Тут все как и прежде, ничто не изменилось, все хорошо знакомо, все на своих местах. И река, которая гудит там, глубоко внизу, и лес, освещенный утренним солнцем. Но весна эта новая, хоть и такая же, какими вообще всегда бывают весны.

— Ты только не пугайся, Бирк, я сейчас должна выкричаться. Ты слышишь весну?

И Рони закричала пронзительно и громко, как птица. Это был яростный, ликующий крик. Он разнесся далеко-далеко над лесами, над горами и над рекой.

